

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№ 11 НОЯБРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2021

Клод Моне

Теодор Робинсон

Теодор Батлер

О жизни и творчестве художников Клода Моне, Теодора Робинсона, Теодора Батлера читайте на странице 70.

Неизвестное об известном

<i>Юрий Осипов</i>	Писатель с сильным сердцем 4
<i>Денис Логинов</i>	Афанасий Никитин. Герой или грешник? 56
<i>Елена Воробьева</i>	Дарья Репина: «Актер должен уметь слушать и слышать» 65

Из российской истории

<i>Алла Зубкова</i>	Этот удивительный граф 15
---------------------	--

Рассказ

<i>Светлана Чуфистова</i>	За завесой прошлого 28
---------------------------	-------------------------------------

Судьбы

<i>Людмила Маршезан</i>	Жизнь и песнь Марины Вещицкой 40
-------------------------	---

Зеленая панацея

<i>Степан Кащеев</i>	Волшебная сила горькой травы 52
----------------------	--

История одной картины

<i>Ирина Опимах</i>	Одна картина и три художника 70
---------------------	--

Замечательные современники

<i>Виктор Ом</i>	Красота — это символ символов 78
<i>Марина Бойкова</i>	Лев Прыгунов: «У меня никогда не было желания бросить актерскую профессию» 89

Житейские истории

<i>Лариса Адамова</i>	Неразлучники 94
-----------------------	------------------------------

Поэзия

<i>Алексей Борычев</i>	Стихи 100
------------------------	------------------------

Звезды не гаснут

<i>Георгий Кричевский</i>	Лукино Висконти. Говорить в полный голос 104
---------------------------	---

Мистическая повесть

<i>Дарья Булатникова</i>	Разбойничий камень 120
--------------------------	-------------------------------------

Кроссворд. Эрудит

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales-smena@yandex.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич,
smena-the-best@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Фотоэтиюд Ульяны Кизиловой

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
**Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
+7 (495) 612-15-07

Для писем:
127994, Москва, ГСП-4,
Бумажный проезд, 14, стр. 1
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение 1
+7 (495) 744-55-12

© ООО «Журнал «Смена»

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано:

**ПАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж —

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 20.09.2021

« Сергей Тимофеевич Аксаков написал за свою жизнь всего две сказки, но одна из них, которую любят и дети, и взрослые, снискала ему славу русского Андерсена. Сказка эта — «Аленький цветочек». Подобных ей, чистой, как родник, больше нет, от нее веет удивительной добротой и мудростью. В своих произведениях Аксаков не обличал социальную несправедливость, а просто писал правду о реальной жизни обычного трудового люда, но благодаря этому его книги стали впечатляющими документами той драматичной и противоречивой эпохи.

Юрий **Осипов** «Летописец переломной эпохи»

« В декабре исполняется 165 лет со дня рождения Георгия Валентиновича Плеханова, философа, теоретика марксизма, одного из лидеров меньшевистской фракции РСДРП. Об этой исторической личности известно многим, а вот его жена Розалия Марковна как-то остается в тени, хотя она немало сделала для него и для памяти о нем. Вот мы и решили немного восполнить этот пробел.

Виктор **Елисеев** «Жена и верный друг»

« В декабре во Франции отмечают 100-летие Анн Голон(Симоны Шанжэ), автора десятитомной саги о «неукротимой Анжелике». Эти романы любимы не только французскими, но и российскими женщинами. В канун юбилея писательница Светлана Савицкая встретила дочь Анн Голон Надин Голубинофф, которая рассказала много интересного о своих родителях и истории создания «Анжелики». Эту беседу (которая, правда, состоялась в письмах) мы и предлагаем вашему вниманию.

Светлана **Савицкая** «Три удара сердца»

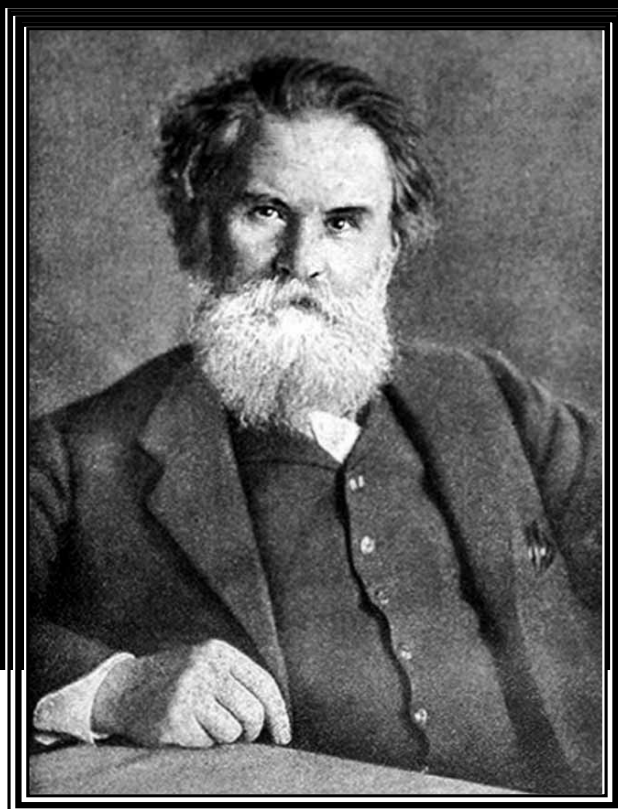
« Журналисты как-то обходят тему, связанную с железными дорогами — слишком уж повседневное и привычное это явление, и лишь изредка находят какие-то интересные темы, например, когда шло строительство сверхскоростной линии Москва-Санкт-Петербург, вот, пожалуй, и все. На самом же деле, это колоссальная и хорошо отлаженная система, имя которой — железные дороги. И которая представляет из себя фактически государство в государстве. Мы решили провести небольшой экскурс в историю возникновения железнодорожного транспорта.

Денис **Логинов** «Дороги, которые мы выбираем»

« Детектив Георгия **Ланского** «Мнемозина»

Юрий Осипов

ПИСАТЕЛЬ С СИЛЬНЫМ СЕРДЦЕМ

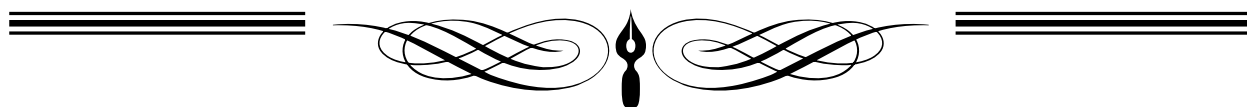
Сонный Житомир на украинских задворках Российской империи стал родиной выдающегося русского писателя и гражданина Владимира Галактионовича Короленко. В семье его было немало просвещенных людей. Достаточно сказать, что троюродным братом будущего автора «Белого пуделя» и «Детей подземелья» оказался не кто иной, как великий Вернадский, ученый-естествоиспытатель и мыслитель мирового масштаба.

Короленко был добр и мягок, отец же его — суров и неприступен, как, в сущности, и положено уездному судье. Люди тянулись к Короленко отовсюду, и каждого он оделял теплом и лаской, а Галактион Афанасьевич держал окружающих в страхе и железной узде. Таким он и запечатлен на страницах рассказа сына «В дурном обществе» («Дети подземелья»), первом автобиографическом произведении писателя, ставшим его экскурсом в счастливое детство. Именно счастливое, потому что отец, по-своему горячо любивший Володю, оказал на мальчика огромное влияние. И в первую очередь тем, что привил ему чувство ответственности, которым в полной мере обладал сам.

Литературный мэтр, почетный академик Императорской Академии наук по разряду изящной словесности, Короленко заслужил широкую известность также своей правозащитной деятельностью — и в царское время, и в годы Гражданской войны, и в начальный период укрепления Советской власти. «Радуешься тому, что он живет и здравствует среди нас, как какой-то титан, которого не могут коснуться все те отрицательные явления, которыми так богата наша нынешняя литература и жизнь». Так писал о Короленко в 1913 году И. Бунин.

Чувство «непоколебимого доверия» вызывал Владимир Галактионович у М. Горького. «Я был дружен со многими литераторами, — заявлял он, — но ни один из них не мог мне внушить того чувства уважения, которое внушил Владимир Галактионович с первой моей встречи с ним. Он был моим учителем недолго, но он был им, и это моя гордость по сей день». Ну а первый нарком просвещения Республики Советов А. Луначарский высказал даже «кромольное» мнение, что именно Короленко следовало бы стать президентом РСФСР.

Увы, до революции ему была уготована сибирская ссылка, а после — отторжение и изоляция за открытое осуждение методов построения социализма большевиками.

Владимир Короленко родился в июле 1853 года и происходил из старинного казацкого рода, колоритным представителем которого был отец писателя, коллежский асессор и уездный судья, пользовавшийся в Житомире непререкаемым авторитетом. Мать, Эвелина Иосифовна (в девичестве Скуркевич), принадлежала к польской шляхте, и в детстве польский язык оказался для Короленко родным. После смерти мужа она осталась с детьми на руках в крайне тяжелом материальном положении,

но не изменила своему твердому, волевому характеру. Примечательно, что, когда в 1888 году писателя отправили в далекую ссылку, Эвелина Иосифовна не побоялась проделать длинный и трудный путь в Сибирь, чтобы повидаться с сыном...

Семья была большая и дружная — два брата и две сестры (третья умерла в годовалом возрасте). Образованию детей родители уделяли особое внимание. Для Володи выбрали сначала польский пансион, затем определили в престижную Житомирскую

гимназию, а когда отца перевели по службе в Ровно — городское реальное училище. Его он окончил уже после смерти Галактиона Афанасьевича и сразу же поступил в Петербургский технологический институт. Но нужда заставила юношу оставить этот вуз и перевестись на стипендию в Петровскую земледельческую академию, которая находилась в Москве.

Именно там Владимир примкнул к народническому движению, участвовал в деятельности подпольных кружков и был за это исключен из академии и выслан под надзор полиции в... Кронштадт. Прославленный город-порт с его базой Балтийского флота встретил молодого революционера не слишком дружелюбно. Ярый морской ветер меж двух рядов тусклых уличных фонарей ранним утром рвал с плеч бывшего студента старенькую шинель по пути в чертежную контору, где он теперь зарабатывал на жизнь.

По окончании срока ссылки возмужавший Короленко возвратился в Петербург и поступил в Горный институт. К этому периоду относится начало его писательства. В июле 1879 года в известном петербургском журнале «Слово» была напечатана первая новелла молодого автора «Эпизоды из жизни «искателя». Эпиграфом к ней взята цитата из поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Считать этот дебют удачным не приходится, поскольку до «Слова» Короленко предлагал рассказ знаменитому журналу «Отечественные записки», и его тогдашний редактор великий сатирик Салтыков-Щедрин вернул ему рукопись со словами: *«Оно бы и ничего... да зелено... зелено очень».*

Только упорство дает возможность развиваться литературному таланту. Владимир Короленко — живой тому пример. Неудача с первым рассказом (а была еще язвительная рецензия В. Буренина) не обескуражила его. Он продолжал писать, постепенно нащупывая свой стиль и темы. Однако вес-

ной 79-го по подозрению в революционной деятельности вновь был исключен из института и выслан в город Глазов Вятской губернии. Вместе с ним туда же в сопровождении жандармов отправили его брата Иллариона.

Александр II — прим. автора), рассмотрев наши дела, постановила освободить несколько человек, а шестью объявить, что они возвращаются в пределы Европейской России под надзор полиции. В их числе оказался и я...»

Путь писателя к всероссийской славе и званию почетного академика начинался с «Очерков и рассказов», первой книги, увидевшей свет в 1886 году. В нее вошли сибирские новеллы Короленко. А настоящим триумфом творчества писателя явились его главные вещи — «Сон Макара», «В дурном обществе» («Дети подземелья») и повесть «Слепой музыкант»

Вдвоем «мотать срок» было, конечно, веселее, но в результате двух жалоб писателя на действия вятской администрации наказание ему ужесточили, переведя Короленко в Бисеровскую волость на Волге. Он, надо сказать, и там не задержался, угодив за самовольную отлучку в одно село сперва в Вятскую, затем в пересыльную Вышневолоцкую тюрьму. Это уже было куда серьезнее. Из Вышнего Волочка его с очередной партией ссыльных отправили прямым путем в Сибирь.

«В Томске нас поместили в пересыльную тюрьму... на следующий день в тюрьму явился губернаторский чиновник с сообщением, что верховная комиссия Лорис-Меликова (министр внутренних дел при

С сентября 1880 года по август 1881-го Владимир Галактионович проживал в Перми на положении политического ссыльного. Служил табельщиком и письмоводителем на железной дороге. Давал частные уроки пермским учащимся, среди которых была дочь местного фотографа, ставшая впоследствии женой крупного писателя Д. Мамина-Сибиряка.

Иной бы смирился, а Короленко в марте 81-го отказался от индивидуальной присяги новому царю Александру III и был выслан из Перми обратно в Сибирь. Вторично прибыв в Томск в сопровождении двух жандармов, он был помещен в так называемый тюремный замок, а затем отправлен отбывать новую ссылку

в глухой угол Якутской области, где провел целых шесть лет.

Это были суровые годы, но они закаляли писателя, выковали его негибаемый характер, укрепили волю. Говорят, тюрьма и ссылка меняют человека, и далеко не всегда в лучшую сторону. Случается, ожесточают, отягощают душу грузом обид, влияют на психику. Так, в частности, произошло с Достоевским. Короленко же, напротив, вернулся из Сибири просветленным, с неиссякаемым запасом доброты. Ну и, разумеется, годы ссылки окончательно сформировали его творческую личность, обогатили материалом для будущих произведений.

Ему разрешили поселиться в шумном, торговом Нижнем Новгороде. В этом большом приволжском городе, питавшем творчество Горького, его «учитель» проведет свое самое плодотворное в творческом отношении десятилетие с 1885-го по 1895 год. В Нижнем Короленко напишет вещи, после выхода которых о нем заговорит вся читающая Россия. И здесь же в 1886 году он женится на давней знакомой, стойкой революционерке-народнице Евдокии Ивановской и проживет с ней неразлучно всю оставшуюся жизнь.

Путь писателя к всероссийской славе и званию почетного академика начинался с «Очерков и рассказов», первой книги, увидевшей свет в 1886 году. В нее вошли сибирские новеллы Короленко. А дальше появились «Павловские очерки», вобравшие впечатления автора от неоднократ-

ных поездок в село Павлово Нижегородской губернии и описывающие беспросветное существование задвленных нуждой сельских кустарей-металлистов. Социальный посыл будет сопровождать и все последующие произведения талантливого писателя, включая предназначенные детям.

Настоящим триумфом Короленко явились его главные вещи — рассказы «Сон Макара», «В дурном обществе» («Дети подземелья») (1885) и повесть «Слепой музыкант» (1886). Глубокое понимание человеческой психологии, всестороннее знание условий существования малоимущих, врожденный гуманизм и философский подход к проблемам бытия помогли Короленко убедительно и динамично осветить проблему взаимоотношений отдельного человека и социума. Писатель был уверен, что «человек рожден для счастья, как птица для полета... Только путь к нему идет сквозь печали и напасти, через боль и пот. Счастье — радостная вспышка, чем вокруг тебя темней, тем счастье — ярче».

Так он писал в более позднем очерке «Парадокс», где на примере неунывающего безрукого калеки предлагает нам задуматься о парадоксах человеческой судьбы и предназначении человека в жизни. В своем истинном шедевре — «Слепом музыканте» автор разворачивает перед читателем необычайно трогательную романтическую историю любви, которая не может оставить равнодушным никого и опять-таки призывает не отступать перед тяготами жизни.

«Когда он смолк, гром рукоплесканий... наполнил громадную залу. Слепой сидел с опущенной головой, удивленно прислушиваясь к этому грохоту. Но вот он опять поднял руки и ударил по клавишам... каждое сердце дрожало, как будто он касался его своими быстро бегающими руками. Он давно уже смолк, но толпа хранила гробовое молчание.»

Максим опустил голову и думал. «Да, он прозрел... Вместо слепого и неутомимого эгоистического страдания он носит в душе ощущение жизни, он чувствует и людское горе, и людскую радость, он прозрел и сумеет напомнить счастливым о несчастных...»

Примечателен рассказ 1892 года «Река играет». Он был опубликован в сборнике «Русских ведомостей», получившем знаменательное название «В помощь голодающим» и, по сути, являвшимся таковым. Рассказ Короленко подходил для такого «целевого» сборника как нельзя кстати. Многообразие черт характера и удивительная самобытность простых русских людей сосредоточены в герое рассказа речном перевоз-

Владимир Короленко с женой и дочерьми

чике Тюлине. Он вышел у писателя столь типичным, что Горький считал его «убийственно похожим вообще на русского человека, в котором активное отношение к жизни пробуждается только в минуты крайней опасности и на короткий срок».

Безшабашный, распущенный, вечно страдающий от похмелья и все же в нужную минуту лихой и расторопный — таким видит рассказчик речника Тюлина с его вечным презрительно-наплевательским междометием: «тю». Спас на разгулявшейся бешеными волнами Ветлуге своих пассажиров, догнал вплавь тонущую лодку и вновь выкаблучивает... Своей стихийной силой и загубленным талантом он невольно напоминает во многом схожего с ним уже нынешнего мужика при раздольной русской реке из чудесного рассказа первоклассного советского писателя Ю. Казакова «Трали-вали».

Преодолеть собственный эгоизм и стать на путь служения народу — эту тему писатель последовательно раскрывал в своем творчестве 90-х годов. Несмотря на ссылку, он много

путешествовал — Крым, Кавказ и даже за граница. Растущая слава Короленко вынуждала власти сквозь пальцы смотреть на его длительные отлучки из Нижнего Новгорода. В 1893 году корреспондентом авторитетного петербургского журнала «Русское богатство» он побывал на Всемирной выставке в Чикаго. Результатом этой поездки явилась пронзительная повесть «Без языка», посвященная российским эмигрантам в Америке.

(1900) обозначают новый этап в развитии его писательского таланта. *«...Мы ехали верхами по долине Амги... Травы в этот год были роскошные. Якут, ехавший навстречу, виделся нам за поворотом лишь своей остроконечной шапкой... Дальние горы, обвеянные синевакою мглою, реяли и, казалось, расплавлялись... И от всей этой тихой красоты становилось еще печальнее на сердце. Казалось, сама пустыня тоскует о чем-*

«**Я** готов поклясться, что Короленко очень хороший человек». Эти слова принадлежат А.П.Чехову. Вообще, все, кто знал Владимира Галактионовича, отзывались о нем восторженно. Страстный публицист, настоящий богатырь, привлекавший людей открытым лицом в окладе широкой бороды, Короленко был в кругу семьи и друзей на редкость добрым, душевным и деликатным. Зато, как только дело касалось принципов и убеждений, он становился непреклонен

По-своему актуально она звучит и сегодня...

Под конец века книги Владимира Короленко получили широкое признание не только в России, но и за рубежом, их переводили на разные иностранные языки. Изменилось также материальное положение стареющего писателя. Теперь он жил с женой и детьми в Петербурге, редактировал солидный журнал «Русское богатство». Повесть «Марусина заимка» (1899) и рассказ «Мгновение»

то далеко и неясном в задумчивой истоме своего короткого лета».

Именно здесь автор и повстречал героев произведения — миловидную женщину с настороженным взглядом и статного ссыльного поселенца, каким еще недавно был в этих краях он сам. Каждый раскрывается в повести неожиданными гранями характера, а тягучее, словно бычий пузырь в оконце вместо стекла, якутское время накладывает неповторимый отпечаток на все происходящее, позволяя автору заглянуть

в души этих двоих, узнать их сокровенные мечты.

Смысл нашего существования на земле, цена счастья — так, пожалуй, можно выразить основную идею документального рассказа «Мгновение». «А кто знает, не стоит ли один миг настоящей жизни целых годов прозябания!» — восклицает в финале автор. И утверждает, что ради мгновений свободы можно пожертвовать жизнью.

В свете растущей популярности Короленко царское правительство ничего не могло поделать с его, по сути, революционными взглядами. Публицистические выступления писателя в печати на самые злободневные темы будоражили прогрессивную общественность. Циклом остро критических эссе «В голодный год» он привлекал внимание к страшному голоду 30-ти миллионного населения Среднего Поволжья и Черноземья неурожайного 1891–92 года на фоне общероссийского экономического кризиса и эпидемий. «Заметками публициста о смертной казни» определил тональность цикла очерков, саркастически названных им «Бытовое явление». Среди них особо выделяется «Сорочинская трагедия» (1906), обличавшая реакционную политику царизма после подавления революции 1905-го года.

В 1900 году его вместе с Толстым, Чеховым, В. Соловьевым избрали почетным академиком Петербургской академии наук, первого высшего учебного заведения Российской им-

перии. Однако уже через два года Владимир Галактионович сложил с себя это звание в знак протеста против исключения из рядов академиков по требованию Николая II своего ученика Максима Горького. Правда, в 1918 году новая Российская академия наук избрала Короленко почетным академиком повторно.

«Я готов поклясться, что Короленко очень хороший человек». Эти слова принадлежат Чехову. Все, кто знали Владимира Галактионовича, отзывались о нем восторженно. Страстный публицист с неукротимым общественным темпераментом, настоящий богатырь, привлекавший людей открытым лицом в окладе широкой бороды, Короленко был в кругу семьи и друзей на редкость добрым, душевным и деликатным, но как только дело касалось принципов, убеждений, становился непреклонен.

Уединившись с семьей на хуторе близ Полтавы, он упорно трудился над большим автобиографическим произведением «История моего современника», которое должно было обобщить все, что писатель пережил и передумал, систематизировать его философские взгляды. Как и раньше, к нему стремились люди. Поговорить, послушать.

«Он говорил, не осуждая, добродушно, и от этого его слова приобретали особый вес, особое значение. Во всей его фигуре, в каждом жесте чувствовалась спокойная сила, а внимание, с которым он слушал, обязывало к точности и краткости. Его хо-

рошие глаза, вдумчивый их взгляд взвешивали внутреннюю ценность ваших слов...

Как многим, мне казалось, что беспристрастный голос правдивого художника — голос безразличного человека... Но чуткие замечания В.Г. о мужиках, монахах, правдоискателях отличали в нем человека, который не считает себя судьей людей, а любит их с открытыми глазами, той любовью, которая дает мало наслаждений и слишком много страданий».

Так Горький писал о Короленко на заре их дружбы. Таким же писатель остался и в поздние, послереволюционные годы, явившиеся для него, революционного демократа и правдолюбца, временем горестных разочарований. Короленко-публицист и художник всегда ставил своей задачей раскрыть борьбу между старым и новым, только еще прокладываящим себе дорогу, показывать движение и смену нравственных норм в тесной связи с социально-экономическим укладом. Теперь же, не находя в советской нови прогрессивного начала, он возвращался в «Истории моего современника» к осмыслению прожитой жизни с высоты своих последних лет, чтобы понять «новый крутой излом нашего горизонта».

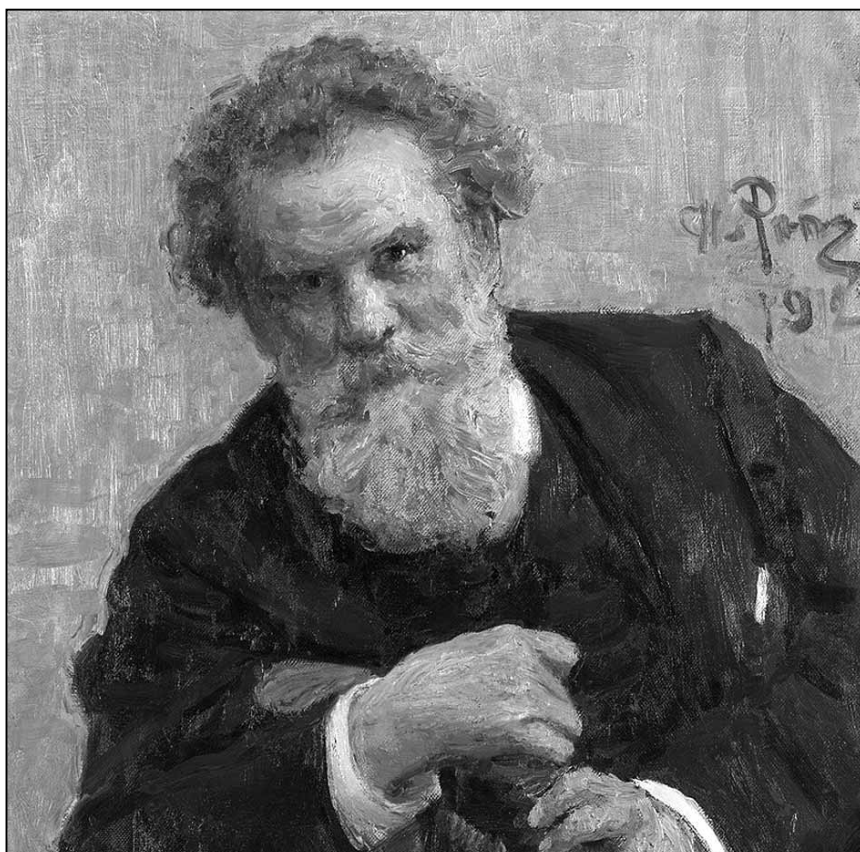
В предисловии к книге автор замечает, что *«многие эпизоды из времен моих ссыльных скитаний, события, встречи, мысли и чувства людей того времени и той среды не потеряли и теперь интереса самой живой действительности. Мне хочется думать, что они сохраняют еще свое значение*

и для будущего». В этом Короленко не ошибся. Его книга и сегодня читается с большим интересом как убедительный документ бурной и противоречивой эпохи 60–80-х годов 19-го столетия. Потому что автор пишет не историю детства и юности Владимира Короленко, но историю своего обобщенного современника, постоянно переходя при этом в тексте книги от личной судьбы к судьбе целого поколения и — наоборот.

«У общества бывают свои настроения и предчувствия», — постоянно подчеркивает автор, пытаясь понять сложный механизм возникновения «социальных предчувствий» и зарождения того общественного идеала, который пока еще не сформулирован, но уже предугадывается. Наиболее действенным средством проникновения в зыбкий, трудноуловимый мир общественных предчувствий и ожиданий, чаяний и надежд современников стал для писателя анализ собственного внутреннего мира, фантазий, воображения, «непонятого говора» души. Поэтому герой произведения — одновременно и тип, и яркая индивидуальность.

Прослеживая «отражение истории в человеке» (Герцен), Короленко показывает, как выработанные социальной средой моральные ориентиры входят в сознание индивида, формируют его личность и усваиваются им настолько глубоко, что начинают казаться ему «инстинктивными», природными. Это определяет для героя выбор жизненного пути и борьбу за преодоление традицион-

*Владимир
Короленко.
Портрет
работы
И.Е. Репина*

ных иллюзий, не имеющих реальных оснований в сегодняшней действительности. Таким образом, в своем итоговом произведении писатель преодолевает собственные иллюзии прежних лет, а также — противоречие между антропологическим и социологическим подходом к человеку. Крупный писатель не только отражает движение истории, но и пытается осмыслить ее, оказать на нее воздействие, внести в живую историю частицу своего разума, своих нравственных представлений и этических взглядов. Подобное активное отношение к меняющейся истории родной страны — отличительная черта творчества Владимира Короленко, чей моральный авторитет после смерти Толстого называли не менее высоким. В его письме 1920 года мы находим

следующие слова: *«Вообще я не раскаиваюсь ни в чем, как это встретишь среди многих людей нашего возраста: дескать, "стремились" к одному, а что вышло. Стремились к тому, к чему нельзя было не стремиться при наших условиях. А вышло то, к чему привел "исторический ход вещей"...»*

Работая над четвертым томом «Истории...», Владимир Галактионович 26 декабря 1921 года скончался от воспаления легких и был похоронен в Полтаве на Старом кладбище. Там же в 1940 году упокоилась его жена. В 1962 году известный советский скульптор Н. Крандиевская изваяла выразительный надгробный памятник, украшающий могилу писателя, чьи книги вошли в золотой фонд отечественной литературы.

«В.Г. Короленко стоит для меня где-то в стороне от всех, в своей особой позиции, значение которой до сего дня недостаточно оценено, — замечал Горький. — Мне лично этот большой и красивый писатель сказал о русском народе многое, что до него никто не умел сказать. Он сказал это тихим го-

лосом мудреца, который прекрасно знает, что всякая мудрость относительна и вечной правды — нет... Верю, что... в великой работе строения новой России найдет должную оценку и прекрасный труд честного русского писателя В.Г. Короленко, человека с большим и сильным сердцем».

Владимир Короленко

Огоньки

Как-то давно, темным осенним вечером, случилось мне плыть по угрюмой сибирской реке. Вдруг на повороте реки, впереди, под темными горами мелькнул огонек.

Мелькнул ярко, сильно, совсем близко...

— Ну, слава богу, — сказал я с радостью, — близко ночлег!

Гребец повернулся, посмотрел через плечо на огонь и опять апатично налег на весла.

— Далече!

Я не поверил: огонек так и стоял, выступая вперед из неопределенной тьмы. Но гребец был прав: оказалось, действительно далеко.

Свойство этих ночных огней — приближаться, побеждая тьму, и сверкать, и обещать, и манить своею близостью. Кажется, вот-вот еще два-три удара веслом, — и путь кончен... А между тем — далеко!..

И долго мы еще плыли по темной, как чернила, реке. Ущелья и скалы выплывали, надвигались и уплывали, оставаясь назади и теряясь, казалось, в бесконечной дали, а огонек все стоял впереди, переливаясь и маня, — все так же близко, и все так же далеко...

Мне часто вспоминается теперь и эта темная река, затененная скалистыми горами, и этот живой огонек. Много огней и раньше и после манили не одного меня своею близостью. Но жизнь течет все в тех же угрюмых берегах, а огни еще далеко. И опять приходится налегать на весла...

Но все-таки... все-таки впереди — огни!.. □

ЭТОТ УДИВИТЕЛЬНЫЙ ГРАФ

Алла
Зубкова

Отнюдь не самый известный представитель обширного рода Толстых, он был, несомненно, самым экстравагантным. Граф Федор Иванович Толстой, прозванный Американцем, был, по определению его двоюродного племянника Льва Толстого, человеком «необыкновенным, преступным и привлекательным». В то же время он был личностью далеко не однозначной. Участник первого русского кругосветного путешествия и сибарит, знаток изысканной кухни и тонких вин, а также изящной словесности, отважный офицер и герой Бородина. Человек неукротимого нрава, дуэлянт, отправивший, по свидетельству некоторых современников, к праотцам одиннадцать человек и при этом нежный отец и супруг. Наконец искуснейший картежный шулер, не знавший жалости, способный до нитки обобрать любого, севшего с ним за карточный стол, и добряк, готовый отдать последнюю копейку, чтобы помочь человеку, попавшему в беду. Неудивительно, что столь колоритный персонаж стал прототипом многих литературных героев, в том числе и созданных гением Пушкина, Грибоедова, Льва Толстого и Тургенева.

Федор Иванович Толстой появился на свет 6 февраля 1782 года в Москве в приходе церкви Харитония в Огородниках. Фамилия Толстых бы-

ла известна на Руси со времен седой древности, однако именно современник Петра Великого, Петр Андреевич Толстой, крупный дипломат

и тонкий интриган, стал основоположником знаменитого графского рода. Отец Федора Ивановича, Иван Андреевич Толстой, приходился первому графу правнуком. В шестнадцать лет он был записан в лейб-гвардейский Семеновский полк, и после почти двадцатилетней службы вышел в отставку в чине бригадира, то есть генерал-майора. Граф поселился в своем имении в Кологривском уезде Костромской губернии и был избран предводителем уездного дворянства.

Мать, Анна Федоровна, происходила из почтенного, но весьма небогатого дворянского рода Майковых. Судя по всему, семейная пара жила достаточно счастливо. У них было трое сыновей и четыре дочери. Сыновья были отданы в кадетские корпуса, дочери выданы замуж.

Федору не исполнилось и девяти лет, когда его записали подпрапорщиком в лейб-гвардии Преображенский полк, а через несколько лет его определили в Морской кадетский корпус, находившийся в Кронштадте. Содержание будущих моряков было самым бедным. Одевали и кормили плохо, учили тоже не бог весть как. Зато наказывали часто и с выдумкой — беспощадно пороли, ставили коленями на горюх, сажали на несколько суток в темный, холодный и смрадный карцер, кишевший крысами. Старшие безжалостно тиранили младших. Юный граф Толстой характер имел дерзкий и на всякие шалости был куда как горазд, а по-

тому наказаниям подвергался часто, но присутствия духа не терял. Он учил математику, историю, географию, французский и немецкий языки, зубрил уставы.

Шло время. Федор вырос, и, в конце концов, учеба ему так опостылела, что он решил сбежать из Кронштадта, что и сделал. Покинув кадетский корпус, юный граф перешел в Преображенский полк и служил там сначала в чине портупей-прапорщика, а затем прапорщика. Он и здесь вел себя вызывающе, дерзко и подвергался дисциплинарным взысканиям, что, впрочем, не помешало начальству осенью 1799 года произвести семнадцатилетнего юношу в подпоручики.

Служба в привилегированном полку открывала перед молодым офицером доступ к высшему петербургскому обществу. Вместе с новыми друзьями-гвардейцами он посещал столичные театры, балы, светские салоны, кутил, повесничал, но в то же время интересовался всеми литературными веяниями и даже сам пробовал сочинять стихи, которые, впрочем, самокритично признавал довольно слабыми.

Круг приятелей Толстого быстро расширялся. Особенно он сблизился с бравым молодым офицером и гулякой, будущим героем войны 1812 года Денисом Давыдовым. А еще много времени проводил за зеленым сукном карточного стола, хотя пока не пользовался репутацией отпетого картежника и шу-

лера, которую приобрел позднее.

Толстой считал, что светский человек, а военный особенно, должен превосходно владеть любым оружием, чтобы уметь отстоять свою честь в поединке. По свидетельству современников, он отлично стрелял из пистолета и блестяще владел шпагой и саблей. Уроки фехтования он брал у И.Е. Севербрика, одного из лучших преподавателей в Европе, который давал уроки членам императорской фамилии. Среди дуэлянтов молодой граф считался одним из самых опасных противников. Правда, в этот период он еще не был тем бретером, каким стал позднее, бросая вызов человеку из-за любого пустяка. Тем не менее, одна дуэль в это время совершенно точно имела место. Толстой вызвал к барьеру полковника Дризена. Неизвестно, был ли убит полковник или только ранен, но графу, несомненно, грозило серьезное наказание. И тут Федору несказанно повезло. Родственникам удалось помочь ему вой-

ти в состав планировавшейся первой русской кругосветной морской экспедиции взамен приглашенного в нее, но не переносившего морской качки его двоюродного брата Ф.П. Толстого.

Исследователям удалось обнаружить документ, датированный июлем 1803 года, из которого следует, что подпоручик лейб-гвардии Преображенского полка граф Толстой желает отправиться на кораблях Российско-Американской компании в мореплавание, и что ему надлежит явиться к руководителю экспедиции действительному статскому советнику и камергеру Н.П. Резанову. Последнему надлежало посетить неведомую Японию и попытаться склонить императора к заключению торгового союза с Россией. Для придания посольству

большого авторитета и блеска российскому эмиссару была подобрана соответствующая свита, в которую входило несколько «молодых благовоспитанных особ», в том числе и Толстой.

Русским кораблям «Надежде» и «Неве» под командованием капитан-лейтенантов И.Ф. Крузенштерна и Ю.Ф. Лисянского предстояло, кроме того, совершить первое в отечественной истории кругосветное путешествие, которое должно было продлиться три года. Суда отплыли из Кронштадта в начале августа 1803 года. Нужно сказать, что на кораблях с самого начала установилась не очень здоровая атмосфера. Лисянский завидовал Крузенштерну, осуществлявшему общее командование судами. Но еще более печальным было то, что Крузенштерн стал оспаривать главенствующее положение Резанова. Члены экспедиции разделились на два лагеря. Буйный нрав Толстого требовал деятельности, причем самого активного свойства. Он встал на сторону Крузенштерна, хотя официально входил в свиту Резанова. Последний жаловался на него в Петербург: *«Крузенштерн взял себе в товарищи гвардии подпоручика Толстого, человека без всяких правил и не чующего ни Бога, ни власти, от Него поставленной. Сей развращенный молодой человек производит всякий день ссоры, оскорбляет всех, беспреестанно сквернословит и ругает меня без пощады».*

В конце концов он исключил Толстого из своей свиты. Будучи приверженцем Крузенштерна, Федор Иванович и ему досаждал своими проделками. Однажды неумемный граф в отсутствие капитана затащил в его каюту живущего на корабле молодого орангутанга, оторыл тетрадь с записями и «стал марать и поливать чернилами белый лист». Обезьяна внимательно смотрела... А, оставшись одна, стала старательно подражать своему учителю, уничтожая записи капитана.

Между тем, плавание продолжалось. Сделав краткую остановку на Канарских островах, суда взяли курс на острова Зеленого Мыса. В конце ноября экспедиция пересекла экватор, а в середине декабря бросила якоря у берегов Бразилии, где пробыла почти полтора месяца. Уже в апреле следующего года она пересекла Южный Тропик и вскоре бросила якорь у острова Нукачива в Полинезии. «Надежду» окружили несколько сот подплывших островитян, которые предлагали кокосы, плоды хлебного дерева, бананы в обмен на изделия из металла. Затем на корабль прибыл сам король острова Тапега Кеттонове. На нем не было ничего, кроме пояса, но он был татуирован с головы до пят. Впрочем, многие его соотечественники также украшали себя различными узорами. Сами полинезийцы называли свое искусство «тату», слово, тогда еще непривычное для путешественников. Когда на корабль прибыл «иску-

сник», умевший наносить подобные узоры, он нашел среди команды много желающих украсить себя по полинезийскому образцу. Среди них был и граф Толстой.

Четверть века спустя его двоюродная племянница М.Ф. Каменская в своих мемуарах описывала сцену, свидетельницей которой она оказалась в доме своего деда А.А. Толстого, приходившемуся Федору Ивановичу дядей. Старший граф попросил племянника показать гостям грудь и руки. Тот снял свой черный сюр-

Расставшись с обитателями острова Нукачива, русские моряки взяли курс на Гавайи, но задерживаться там не стали, а направились к Камчатке. Федор Иванович к этому времени своим бесшабашным поведением настроил против себя уже не только Резанова, но и Крузенштерна. Перспектива попасть на Камчатку, где ему, возможно, грозил даже арест, графу не очень улыбалась. К счастью для него, оба начальника не так уж и жаждали крови «молодого повесы».

С

лужба в привилегированном полку открывала перед молодым офицером доступ в высшее петербургское общество. Вместе с новыми друзьями-гвардейцами он посещал столичные театры, балы, светские салоны, кутил, повесничал, но в то же время живо интересовался всеми литературными веяниями и даже сам пробовал сочинять стихи, правда, самокритично считал их очень слабыми

тук, распахнул рубашку и засучил рукава. *«Вся грудь его была сплошь татуирована. В середине сидела в кольце большая пестрая птица, кругом были видны какие-то красно-синие закорючки. На руках змеи, дикие узоры. Дамы охали и ахали без конца... Его часто просили показывать свое татуированное тело, и он никогда не отказывался, находя, по-видимому, в этом определенное удовольствие»*, — так заканчивает Каменская описание этого эпизода.

Существует легенда, распространенная современниками, согласно которой графа высадили на каком-то малоизвестном острове тихоокеанского архипелага, и он каким-то путем сам добрался до Камчатки. Однако, скорее всего, он попал туда на борту фрегата «Надежда», который вскоре, поставив все паруса, отправился в Японию, а затем продолжил свое кругосветное путешествие, завершившееся через два года в Кронштадте. Что же касается графа, то он пробыл на борту «На-

Федор Толстой в образе Зарецкого

дежды» всего одиннадцать месяцев. Существует несколько версий о том, что случилось с Толстым после прибытия на Камчатку, и основаны они на не очень достоверных сведениях современников и историях, которые сочинил сам Федор Иванович. Утверждалось, что граф пробрался в Америку, где имел много приключений, побывал и в русской Америке, и на Алеутских островах. Он также заявлял, что индейцы племени колюши, жившие на севере — западном берегу Америки, предложили ему стать их царем. Никаких документальных подтверждений этого не имеется. Откуда же тогда взялось прозвище Американец, которое прочно прилепилось к графу? Серьезные исследователи, изучавшие жизнь Толстого, полагают, что, возможно, он получил это прозви-

ще, так сказать, авансом, от своих приятелей, которые еще до начала путешествия не сомневались, что ему удастся добраться до Америки. Это может объясняться и тем, что Федор Иванович все-таки посетил Америку, правда, не Северную, а Южную, ведь в Бразилии он точно был. Нельзя исключать и того, что для светских знакомых графа жители Камчатки, «камчадалы», также были американцами.

Летом 1805 года Федор Иванович отправился в Петербург «сухим» путем. О том, как именно добрался он до центральной России — на собаках ли, на подводках или пешком, сведений нет. Зато точно известно, что в начале августа 1805 года он уже был в столице. За дерзость и «неприличное поведение» во время экспедиции его перевели из Преображенского полка в Северную Карелию, в Нейшлотский гарнизонный батальон. Затем он был переведен в Костромской мушкетерский полк, где прослужил всего полгода, после чего был возвращен в Нейшлот. Там его и застала война со Швецией, которая дала ему шанс отличиться. Описание его подвигов вошло в многотомную историю лейб-гвардии Преображенского полка. В конце лета 1809 года Толстой был произведен в штабс-капитаны. Вскоре его батальон был отведен в финский городок Або. И тут Федор Иванович позволил себе «расслабиться». Всего за неделю он дважды дрался на дуэли. Своего первого противника, капитана Генерального штаба

Брунова, он серьезно ранил. Второму — молодому красавцу, прапорщику Александру Нарышкину — повезло меньше. Получив пулю в бок, он скончался через два дня.

Граф Толстой продолжал службу до осени 1811 года и вышел в чине капитана гвардии.

На военную службу он вернулся после начала войны с Наполеоном. Перед Бородинским сражением Федор Иванович в звании армейского подполковника командовал батальоном пешего казачьего полка Московского ополчения, а затем был прикомандирован Багратионом к Ладожскому пехотному полку, поскольку его командир был серьезно ранен. Как говорилось в реляции начальству, *«вступил в командование полка, бросался неоднократно с оным в штыки и тем содействовал в истреблении неприятельских колонн, причем ранен пулей в ногу»*.

Генерал Н.Н. Раевский ходатайствовал перед начальством о присвоении Толстому следующего чина — полковника.

Позднее Федор Иванович участвовал в сражениях за Малоарославец, дрался под Красным. Во время Заграничного похода русской армии он за храбрость получил орден Святого Владимира 4-й степени с бантом и Святого Георгия 4-го класса.

В Россию Толстой вернулся осенью 1814 года, вышел в отставку в чине подполковника и поселился в Староконюшенном переулке. Заняв видное место в московском светском

обществе, он, однако, привычек своих не изменил. Основным его занятием была карточная игра, которой он предавался самозабвенно. Граф был, как его называли некоторые, «душою и головою игрецкого общества». Он играл в светских салонах, в чопорном Английском клубе, у себя дома, у знакомых, а порой и в наемных притонах. Федор Иванович пользовался репутацией шулера и не стеснялся этого. Вне всякого сомнения, именно он является прототипом одного из персонажей бессмертной комедии А.С. Грибоедова, Загорецкого:

*«Ночной разбойник, дуэлист,
В Камчатку сослан был, вернулся
алеутом,
И крепко на руку не чист ...»*

Рассказывают, что когда этот текст стал известен графу, он, повстречав автора, счел необходимым попенять ему.

— Зачем ты обо мне написал, что я крепко на руку не чист? Подумают, что я взятки брал. Я взятки отродясь не брал.

— Но ты же играешь нечисто, — возразил Грибоедов.

— Только-то! — ответил Американец. — Ну, ты так бы и написал.

Вместе с тем приятель Грибоедова Ф.В. Булгарин оставил о нем следующие строки: *«Был он, как говорится, добрый малый, для друга готов был на все, охотно помогал приятелям, но и друзьям, и приятелям не советовал играть с ним в карты,*

говоря откровенно, что в игре, как в сражении, он не знает ни друга, ни брата, и кто хочет перевести его деньги в свой карман, у того и он имеет право выиграть».

фа. Дочь Толстого, П.Ф. Перфильева, утверждала, что в продолжение всей его жизни им было убито на дуэлях одиннадцать человек. Никаких документальных подтверждений

И

сследователям удалось обнаружить документ, из которого следует, что подпоручик лейб-гвардии Преображенского полка граф Толстой желает отправиться на кораблях Российско-Американской компании в кругосветное морское плавание, и что ему надлежит явиться к руководителю экспедиции действительному статскому советнику Н.П. Резанову. Для придания посольству большего авторитета и блеска российскому эмиссару была подобрана соответствующая свита, в которую входило несколько «молодых благополучных особ», в том числе и Толстой

А дружить Федор Иванович умел. Об этом неоднократно свидетельствовали такие люди, как П.А. Вяземский, С.В. Волконский, В.А. Жуковский, Е.А. Баратынский, К.Н. Батюшков, Денис Давыдов. С людьми же, которые ему были малосимпатичны, он вел себя бесцеремонно, порой жестоко.

«Граф, вы передергиваете, — сказал ему кто-то, — я с вами больше не играю».

«Да, я передергиваю, — ответил Федор Иванович, — но не люблю, когда мне это говорят. Продолжайте играть, а то я размозжу вам голову этим шандалом». И его партнер продолжал играть и ... проигрывать.

В немалой степени подобная реакция объяснялась репутацией гра-

этому не имеется. Зато известно, что ради своих друзей Толстой был готов на многое. Однажды вечером кто-то из них попросил его быть секундантом на дуэли, назначенной на следующий день. В назначенный час приятель явился к Толстому, застал его спящим и разбудил.

— В чем дело? — спросил граф спросонья.

— Разве ты забыл, — робко напомнил приятель, — что ты обещал быть моим секундантом?

— Это уже не нужно, — ответил Федор Иванович. — Я его убил.

Оказывается, накануне Толстой, не говоря ни слова своему приятелю, вызвал его обидчика, условился стреляться в 6 часов утра, убил его, вернулся домой и лег спать.

Дом Федора Ивановича всегда был открыт для гостей и славился хлебо-сольством. Князь П.А. Вяземский называл своего друга «обжор властитель, друг и бог». *«Не знаю, есть ли подобный гастроном в Европе»*, — восхищался графом Булгарин. — *«Съестные припасы Американец всегда закупал сам, говоря при этом, что "первый признак образованности — выбор кухонных припасов, а хорошая пища облагораживает животную оболочку человека"»*.

Кстати, Толстой и Вяземский были «пробочниками» — кавалерами шуточного «ордена пробки». Название говорит само за себя. Что ж, Федор Иванович, разбиравшийся в спиртном не хуже, чем в гастрономии, любил и умел выпить. Приятели его свидетельствовали, что на дружеских пирушках граф никогда не пьянел, сколько бы не выпил.

Вообще, приятелей у графа была тьма-тьмущая. Особенно много среди них было литераторов, порой очень крупных. Достаточно назвать В.А. Жуковского, П.Я. Чаадаева,

Ф. Толстой на рисунке А. Пушкина

А.А. Дельвига и некоторых других. Был среди них и Василий Львович Пушкин. Ну а что же его гениальный племянник? Увы, иным словом чем драматические, отношения между великим поэтом и графом Толстым назвать трудно. Все началось с того, что молодой, недавно окончивший Лицей Пушкин, познакомившись с Федором Толстым осенью 1819 года в Петербурге, публично объявил, что граф нечестно ведет игру. Почти сорокалетнего георгиевского и владимирского кавалера, естественно, возмутила бестактность зеленого юнца. Тем не менее, драться со вчерашним лицеистом опытному дуэлянту как-то неудобно. К тому же задиристый шалопай приходился племянником близкому другу Толстого, Василию Львовичу Пушкину. Однако так просто простить нанесенную ему обиду граф не мог. Найденный им выход джентльменским на-

Сарра, дочь Федора Толстого

звать трудно. Он отправил своему товарищу по Преображенскому полку, князю А.А. Шаховскому, письмо, в котором уверял, что однажды Пушкин был высечен в секретной канцелярии Министерства внутренних дел. Князь не стал делать тайны из сообщенной ему новости. По столице пошли оскорбительные для молодого поэта слухи. Разъяренный Пушкин даже дрался с кем-то на дуэли. С тех пор его страстной мечтой стала месть Толстому. Собираясь вызвать графа к барьеру, он в ссылке в Михайловском усиленно упражнялся в стрельбе из пистолета. Пока же бичевал противника злыми эпиграммами. Американец не остался в долгу — его эпиграм-

мы носили не менее язвительный характер. Так во взаимных оскорблениях прошло семь лет. Осенью 1826 года Пушкин был спешно доставлен из Псковской губернии в Москву и прощен только что короновавшимся Николаем I. Сразу же после аудиенции в Кремле Александр Сергеевич поручил одному из своих друзей съездить к Толстому и передать ему вызов на поединок. К счастью, графа в то время в Москве не оказалось, а позднее общим приятелям удалось примирить противников. К концу 1828 года они уже общались вполне дружелюбно и в общественных местах, и на буйных пирушках.

Задолго до этого Пушкин, мечтая отомстить графу, решил представить его в своем «Онегине» в лице Зарецкого в самом неприглядном виде. «Толстой явится у меня во всем блеске в 4-й песне Онегина», — писал он своему брату. Но Зарецкий появился не в 4-й главе, а в шестой. К этому времени бывшие враги помирились, и назвать Зарецкого личностью отталкивающей было уже нельзя.

*«Зарецкий — некогда буйан,
Картежной шайки атаман,
Глава повес, трибун трактирный,
Теперь же добрый и простой
Отец семейства холостой,
Надежный друг, помещик мирный
И даже честный человек ...»*

Примирение Пушкина и Толстого оказалось прочным, и в 1829 году Александр Сергеевич поручил графу сватать за него Наталью Никола-

евну Гончарову (Толстой был старинным знакомым семейства Гончаровых). Правда, это сватовство было не совсем удачно, но не по вине Толстого. В то время Наталья Николаевна, несомненно, под влиянием

Ивановичем, необходимо упомянуть и двух действующих лиц из рассказов И.С. Тургенева — Лучкова в «Бретере» и Лучинова в «Трех портретах».

Необычайно колоритный человек, Федор Иванович Толстой пользовал-

З

агорецкий у Грибоедова, Зарецкий у Пушкина. Этим, однако, не ограничивается список героев литературных произведений, прототипом которых, в той или иной мере, является Федор Толстой. Лев Толстой воспользовался его историями для создания двух героев своих произведений — графа Турбина в «Двух гусарах» и отчасти Долохова в «Войне и мире». А еще надо упомянуть и двух героев из рассказов И.С.Тургенева — Лучкова в «Бретере» и Лучинова в «Трех портретах».

матери, еще не решалась принять предложение поэта. Ну а последняя встреча Пушкина и графа произошла в мае 1836 года. Они обедали у общего их приятеля П.В. Нащокина.

Загорецкий у Грибоедова, Зарецкий у Пушкина. Этим, однако, не ограничивается список героев литературных произведений, прототипом которых, в той или иной мере, является Ф.И. Толстой. Лев Толстой воспользовался историями Американца для создания двух героев своих произведений — графа Турбина в «Двух гусарах» и отчасти Долохова в «Войне и мире». Отчасти, потому что, создавая образ Долохова, Лев Толстой, скорее всего, использовал кроме него и других людей того же пошиба. Продолжая список героев, имеющих сильное сходство с графом Федором

ся большим успехом у женщин. Тем не менее, он, обожавший рассказывать в гостиных о своих приключениях, частенько приукрашивая их, ни разу не сказал ни слова о своих успехах у женщин. Он был выше дешевого хвастовства, и говорить о своих отношениях с женщинами считал низким.

В кутежах той эпохи большую роль играли цыгане. Тогда еще не пели в ресторанах вроде Яра и Стрельни. Закутившие господа чаще всего сами ездили к ним в таборы, где порой проводили по нескольку дней. Во время своих кутежей граф увлекся одной цыганкой — прелестной певицей по отзыву современников — и увез ее к себе. Звали девушку Авдотьей Максимовной Тугаевой. По словам племянницы Толстого М.Ф. Каменской, «граф долго жил

с ней без венчания. Раз, проиграв большую сумму в Английском клубе, он не мог заплатить, и его имя должно было быть выставлено на черную доску. Не в силах выдержать такого позора, он решил застрелиться. Узнав о случившейся беде, Дуняша на следующее утро принесла любимому необходимую сумму. Оказывается, она прятала деньги, которые давал ей граф, и теперь вернула ему их. Потрясенный благородством девушки, Федор Иванович немедленно повел ее под венец». Разумеется, это всего лишь красивая легенда, но сам факт венчания неоспорим. Церемония прошла в начале января 1821 года в Москве в Храме священномученика Власия. Светская Москва была шокирована. Одно дело — сожительствовать с цыганкой, и совсем другое — сделать ее законной женой. В некоторых домах, где раньше холостого графа, несмотря на его порочную жизнь, охотно принимали, теперь перед ним и его молодой женой закрыли двери. Больше этих своих знакомых самолюбивый граф никогда не посещал.

Федор Иванович искренне и преданно любил жену, однако трагедией семьи было то, что все дети, а было их одиннадцать или двенадцать, за исключением двух дочерей, рождались мертвыми или умирали в младенчестве. Граф глубоко переживал эту трагедию. А в 1820 году Авдотья Максимовна преподнесла супругу подарок — родила дочку, ставшую их любимицей. Назвали ее

Саррой. Девочка отличалась необычайными способностями. Она с удивительной легкостью сочиняла стихи на английском, немецком, французском, итальянском языках, прекрасно пела. А.И. Герцен называл ее «необыкновенной девушкой с высоким поэтическим даром». С величайшей похвалой отзывался о ней и В.Г. Белинский. Увы, девочка отличалась серьезным психическим заболеванием и умерла, не дожив до восемнадцати лет. Горе графа было огромным. У него осталась одна-единственная дочь, Прасковья, родившаяся в 1826 году. Между супругами все чаще стали возникать ссоры. Дело даже не в том, что графиня была слишком расточительна. Федор Иванович не мог простить ей чрезмерной жестокости по отношению к крепостным. Их дочь Прасковья в своих воспоминаниях рассказывала о поразивших ее в детстве сценах ночных истязаний крепостных женщин, которые устраивала графиня, требуя присутствия ребенка. Узнав об этом, взбешенный граф вбежал в комнату пыток и замахнулся на жену захваченным ножом. К несчастью, нож выпал из его руки и нечаянно поранил дочь. Девочка запомнила, как отец горько плакал, сидя у ее постели и почти все время держа ее руку, целовал.

Графиня, считая себя оскорбленной, поначалу хотела даже вернуться в табор, но затем передумала и перебралась во флигель к своей матери. Муж не общался с нею почти

три года. Кстати сказать, жестокость графини стала причиной ее трагической смерти. В 1861 году Авдотья Максимовна была зарезана собственным поваром. Впрочем, это случилось почти через пятнадцать лет после смерти самого графа.

В последние годы жизни Федор Иванович сделался необычайно богомольным и много времени проводил в посещении церковных служб. Летом 1846 года здоровье его резко ухудшилось. Временами ему делалось так дурно, что срочно вызыва-

ли врача, и родные дежурили при нем круглосуточно. В декабре уже никакой надежды на выздоровление не оставалось. Он не мог уже больше сидеть, задыхался от кашля, страшно похудел...

Граф Федор Иванович Толстой скончался 24 декабря 1846 года на 65-м году жизни. Отпевали его в церкви Трех Святителей, что у Красных Ворот, а свое последнее упокоение он обрел на Ваганьковском кладбище. Памятник графу, его жене и дочери сохранился и поныне. □

Светлана Чуфистова

ЗА ЗАВЕСОЙ

ПРОШЛОГО

Он появился на свет тогда, когда по мостовым еще разъезжали телеги, брички, коляски, всюду слонялись пьяные ямщики, у церкви толпились убогие попрошайки, в ресторанах отплясывали веселые цыгане, мастерские спешили на фабрики, а купцы и крестьяне на ярмарки. Всякий простолюдин кланялся барину, низшие чины непременно чванились, а высшие и вовсе никого вокруг себя не замечали. Все праздновали Пасху, перед Рождеством колядовали, а в храмах искренне молились о здравии Царя-батюшки. Время то было относительно спокойным, и перемен не предвещало...

Все изменилось, когда наступил век двадцатый...

Жизнь для него только начиналась, а Оська уже подросток достаточно. Мальчишкой он был смышленным, хватким, правда, внешне совсем не привлекательным. Русые волосы соломой, от вшей керосином потравленные, нос горбинкой, карие глаза — косые, большой рот с тонкими губами. Соседские подранки прозвали его «Жабой», а потому со сверстниками парнишка не общался. Он предпочитал иную компанию — общество отца своего Самсона Карповича.

Старый еврей, костлявый угловатый, вид имел нереспектабельный. Зимой и летом ходил в стареньком суконном пальто, в черном котелке

с потертыми полями и непременно с саквояжем. В городе его, конечно, знали, некоторые недолюбливали, иные опасались. Еще бы! Сам гробовщик Кац пожаловал!

Владел Самсон Карпыч похоронной конторой на улице Семирядной. Работников имел с десятков. Все крепкие мужики, да старушонка-плакальщица. Морщинистая, вся в черных одеяниях, она отвечала за православное отпевание, о чем договаривалась с батюшкой Феофаном — не безвозмездно, конечно, за хорошую плату. В церкви покупала просфоры, свечи, ладанки. Возносила у гроба покойного молитвы разные. И плакала, плакала. Причитала так, что каждый позавидует...

А вот работники Самсона Каца, напротив, многословием не отличались. Суровые, грубоватые, копали могилы на местном погосте, стругали кресты да гробы из досок и определяли людишек в ямы.

В то время народец умирал пачками. Кто от хворей, кто от пьяного угара, кто от голодухи, кто от старости. В общем, скорбели родственники усопших, печалились, только старик Кац ни на что не жаловался. Дела у него шли гладко, сын подрастал на зависть, ремеслу отцовскому обучался. Всегда при нем, всегда рядом...

Вот и сегодня следовали отец и мальчик по брусчатке вместе за руку.

— Папаша, а как вы себе думаете, бунтари — они очень страшные? — вдруг спросил Ося.

— Бунтари? — переспросил Самсон Карпыч. — А чего же в них теперь страшного, когда усопли все окаянные?

— А правда, что они убили того жандарма, который у базара на всех рявкал?

— Правда...

Ося подумал немного, посмотрел вокруг внимательно. Дома деревянные с каменными фасадами, бакалея, барак, продуктовая лавка.

— А знаете, он мне совсем не нравился. Глазищи злые, усы мохнатые. А еще сказывают, что он нищих обижал взятками...

— Ося, я тебя умоляю! — нахмурился старик Кац. — Кто теперь не берет взятки? Может, какой городской или наш губернатор? Всем жить всласть надо. И вообще, хватит у меня вопросы спрашивать. Лучше подумай, какие у нас теперь власти. Революционеров этих вчерась расстреляли, а сегодня заплатили мне справно, да разбойников сих велели похоронить по-христиански. Слыхал, что урядник сказывал? «Русские они все, хоть и собаки!» Так-то...

Она лежала в гробу — худенькая, красивая, опрятная. Оська стоял рядом с усопшей и никак не мог налюбоваться. Длинные волны темных волос, изящные руки поверх коричневого платья, ну а лицо? Такого, пожалуй, он и не видел здесь еще ни разу. Хотя и привык созерцать всякие

лица — кривые, испещренные оспой, обезображенные. Бывало, покойников закрывали тряпкой, чтобы не пугать окружающих, бывало, пудрили, подкрашивали. А этому ангелу не хватало разве что румянца. Однако и без него незнакомка была хороша необычайно. И лишь кровавая точка на ее груди напоминала Осипу о том, кто она.

— Ууу, революционерша проклятая, — ворчала в углу Агафья-плакальщица. — Чтобы черти поскорее прибрали тебя...

— А ну, читай свою молитву, карга старая! — мгновенно развернувшись к ней, грозно проговорил Оська. — А то сама отправишься в преисподнюю. Поняла?!

— Поняла, батюшка-кормилец, поняла, — тут же пришла в себя бабка и, вновь уткнувшись в Евангелие, начала медленно и вяло бубнить себе под нос.

А Оська вернулся к объекту своего любования.

Мать свою он не знал, вернее не запомнил покойную, мал был. А потому рос мальчишкой ущербным и замкнутым. От отца не видел ни похвалы, ни ласки. До этого, как и до денег, тот был очень жадным.

«А революционершу все-таки жалко, — печально вздохнул Осип. — И ведь поднялась же у кого-то рука лишить жизни такую барышню?!»

Он задумчиво почесал маковку и мимо гробов протиснулся в дальний угол. Там на столе лежала свекла. Мальчик ножом разрезал ее пополам и с половинкой вернулся обратно. Чтобы удобнее было красить, подставил под ноги скамейку, взобрался на нее и принялся наводить усопшей румянец. Через минуту все было готово. Ося бросил свеклу прямо на пол и заулыбался. «Вот теперича все в порядке. Можешь и к Богородице отправляться...»

Дни следовали за днями. И, словно замкнув порочный круг железными тисками, пришла война. Оське тогда исполнилось девятнадцать, он уже давно окончил гимназию и хотел пойти воевать, однако на фронт его не взяли по причине косоглазия, и парень остался подле своего отца.

Тот, к слову сказать, чувствовал себя прекрасно, на здоровье не жаловался, и будто годы его не брали, вот только волос на голове поубавилось, да отросла седая борода. 1914-й старый Кац принял с радостью. А как иначе? Работы теперь прибавится. И не волновали его вдовы и сироты окаянные, главное, чтобы прибыль росла...

А вот у сына Самсона Карпыча жизнь все не ладилась. В последнее время он вытянулся разом, стал сухим и угловатым. На некрасивом лице его появились какие-то пятна, а на щеках жидкие заросли. Чтобы хоть как-то скрыть свои недостатки, Оська брился постоянно, тщательно замазывал прыщи и даже надел круглые очки в роговой оправе — в них он чувствовал себя неким франтом. Однако личное счастье его все равно не складыва-

лось. Девушки парня просто отвергали, некоторые открыто смеялись над ним, а потому любые попытки молодого человека завести романы оканчивались крахом.

Дома у Оси тоже не все было гладко: бесконечные нравоучения неумного папаши, покойники, гробы, отпевания, все это страшно его угнетало и, в итоге, привело туда, где он не должен был оказаться. А именно — в тайный марксистский кружок.

Здесь все было просто и понятно. Здесь каждый был товарищем и братом. А потому Осип быстро заразился идеями всеобщего равенства, хотя до конца не понимал — как можно уравнивать бедных и богатых? Но это, собственно, было не важно, главное, что он теперь не одинок, как раньше.

Возглавлял ячейку Егор Михалыч Разин, большевик с многолетним стажем, — на вид сухонький, лысый, вялый, зато умен был необычайно. Ходил всегда в мятом костюме и руки за спину закладывал.

Его заместителем значился Степан Игнатьевич Вяземский, мастерской высокого класса. Лет сорока, темноволосый, кудрявый, строгий. Он много курил и при этом так же много кашлял.

В кружок входили люди и помладше. С некоторыми Ося дружил, некоторых знал так себе. Однако все они были замечательными.

Зорин Вася — коллежский регистратор, рыжий веснушчатый парень. Художник Николай Лапушкин — утонченный мечтатель. Авдот Тарасов — мужик дородный, бородатый, по профессии каменщик. Елесе́й Кислов — скромный работник типографии. Модистка Ася Ряхина — белокурая красавица. Но больше всех Осе нравился студент Юрий Панин — высокий, статный красавчик. Одет был всегда элегантно, носил сюртуки, запонки, галстуки, черные волосы свои укладывал назад аккуратно, душился ароматно. Правда, все же был у него один недостаток — любовь к картам...

Итак, сегодня единомышленники вновь собрались тайно на квартире у Разина, чтобы обсудить насущные планы.

Осип уже начал думать о том, что же будет дальше. Листовки с призывами свергнуть царя они уже напечатали, осталось распространить их, как раньше. Митинг на кожевенной фабрике назначен на завтра. Однако собрание пошло иначе...

Егор Михалыч медленно поднялся из-за стола, поправил пенсне и неловко откашлялся:

— Так вот, товарищи, начнем, пожалуй. У нас большие неприятности... Наш Юрий, оказался провокатором...

— Как?! — вскрикнула в изумлении Ася. — Этого не может быть! Вы ошибаетесь!

— Да, да. И я так думал еще недавно. А сегодня нате... — развел мужчина руками.

Присутствующие молчали, и лишь Авдот Тарасов, тяжело вздохнув, заметил:

— Значит, каторга...

— Может, и она, — ответил Разин. — Если только этот мерзавец успел выдать нас с потрохами...

— И что же делать дальше?

— Ничего. Сворачиваем все наши начинания, и в бега. Но перед тем мы должны наказать Панина...

— Но как?

— Казним его показательно, чтобы другим неповадно было... — Егор Михалыч вдруг внимательно посмотрел на Каца. — А вы, Ося, как считаете?

— Я согласен... — смутился парень и опустил глаза.

Зима в тот год выдалась холодной — и снег лежал до пояса, и вьюжило, и морозило.

Осип погрел руки у теплого очага, достал с печи валенки с галошами, надел их на себя, натянул поверх косоворотки вязаную кофту, вокруг шеи намотал шарф в два оборота и, наконец, накинув на плечи суконное пальто, направился к двери. Но тут дорогу ему преградила нечаянная гостья. Стряпуха Мотя, пожилая, круглолицая, полная, в тулупе и в платке пуховом, юркнув в дом с мороза, застыла как вкопанная и удивленно спросила:

— А ты куды, Ося? Я тебе пирожок с картошкой принесла...

— Не хочу, тетенька, — ответил парень, — я не голоден. Поставьте его за заслонку...

— Ага, — кивнула Мотя. — А щец-то сварить для тебя?

— Варите, чего хотите, — буркнул Осип и выбежал из дома.

Он немного постоял на крыльце, покрутил головой в разные стороны, потом спустился вниз, прошел по двору, обогнул флигель из добротных бревен, затем по огородам добрался до отцовской конторы, одноэтажной кирпичной постройки с облупившейся известкой, и, наконец, ступил туда с заднего входа. Внутри было темно и холодно, и лишь в углу на столе горела свеча. Рядом с ней, склонившись над бумагами, сидел отец и карандашом писал что-то.

Осип, не обращая на него внимания, пододвинул к себе козлы, положил на них новую доску, снял пальто, отбросил его в сторону, взял рубанок в руки и начал обтесывать заготовку будущего гроба.

Тяжелые мысли крутились в голове, не давая покоя...

Ося без конца вспоминал прошлые годы и то, как поневоле стал убийцей. Он подкараулил Юрия, когда тот ночью вышел из игорного дома, проследовал за ним до темного угла и выстрелил Панину из нагана прямо в голову. И не помешала Осипу дрогнувшая рука, все было чисто сработано...

А вот доносил ли студент на тайное общество, Ося так и не понял. Товарищи его сбежали все из города, а он так и остался дома. Полиция его почему-то не трогала, и парня мучил вопрос: «А был ли Юрий вообще доносчиком?»

— Ага, — раздался за его спиной знакомый голос. — Ты-таки знаешь, что в Петрограде происходит? — оторвавшись от своих бумаг, вдруг спросил старик отпрыска.

— Нет, — ответил Осип. — А что? Наводнение? Или кто помер?

— Я тебя умоляю, Ося! — недовольно посмотрел на него Самсон Карпович. — Ну, какой ты у меня темный. Я имею сказать, страшное творится что-то... Царя убрали с трона...

Такого поворота он не ожидал. Сразу исчезла хандра, и самоедство отступило на второй план. Осип вдруг вспомнил своих товарищей, и как дружили они тогда в дни бесконечной опасности, и как рисковали, и как давали клятву. «Встретимся ли еще когда?»

Весной Ося наконец получил долгожданную весточку. Его разыскал Егор Михалыч, и вновь началась борьба не на жизнь, а на смерть. Митинги, листовки, маевки, стачки, агитация среди народа разного. А осенью 17-го случилась пролетарская революция. Старая власть сбежала, и теперь в кабинетах восседала новая, правильная...

Осипу тоже нашлось занятие. Служил он помощником у народного комиссара. Заполнял бумаги разные, отвечал на телефонограммы. А через полгода был направлен в ЧК. Не сказать, что Ося этому очень обрадовался, но надо, значит, надо...

В принципе, его все устраивало. Он даже внешне поменялся. Носил га-лифе, гимнастерку, кожаную фуражку, револьвер в кобуре заряженный. А еще очень обрадовался встрече с товарищем. Возглавлял отделение, в которое он попал, Вяземский Степан. Все такой же немногословный и кашляющий.

— Ты, главное, перед контрой не теряйся, — учил он подчиненного. — Закрывай один глаз и стреляй. Понятно?

— Понятно, — соглашался парень.

В общем, если не брать во внимание Самсона Карповича, то все у Оси было в порядке.

А уж отец сыну палки в колеса вставлял! Новую власть последними словами клял, просил Осипа вернуться обратно в контору, вот только тот не соглашался.

— Мне ваших гробов больше не надо! Хватит, намаялся! Я чекист теперь, ясно?!

Непростые времена настали, сложные. Людей одолевали болезни и голод, а еще с новой властью неопределенность, кто его знает, что будет после? Но Осипа все это будто не трогало. Каждый день он вставал рано, ложился поздно, дома бывал редко, ночевал, где придется. И все это — ради общего дела...

Дел у чекиста Каца действительно было много. Ловил с товарищами бандитов и немецких шпионов, саботажников и контрреволюционеров подлых, тряс богатеев и эксплуататоров трудового народа. В общем, как говорится, работал потихоньку. Правда, были в его работе и свои тонкости. Вот, к примеру, арестуешь какого-нибудь вражеского подонка, а вместе с ним зачем-то — его жену и ребенка. Но это уже не Осина забота, начальство само во всем разберется...

А вот расстрелы Осю совершенно не трогали, да и чего жалеть врагов-то? Тут уж не до жалости, время такое. Контра — она и есть контра...

Так пролетело два года, и Деникин уже был под боком. Хотел ли парень бить белую сволочь? Конечно, хотел. Да кто ж его отпустит такого верткого?

К тому же получил Осип Кац новую должность. Теперь он сам в кабинете сидел, сам вел допросы.

Этого «господина хорошего» привезли к нему прямо с линии фронта, там он к белым перейти не успел. Добра при нем нашли много. Все конфисковали, конечно, по описи, а теперь «его благородие» напротив Оси сидел. Нога на ногу, весь холеный, френч с иголки, сапоги хромовые. Сам красив, плечист, светлые, подернутые сединой волосы. На вид задержанному было около сорока, не больше.

— Ты кто будешь-то, мил человек? — вдруг начал задавать он вопросы. — Холоп или какой поденщик? Ах, нет, — вдруг прищурился арестованный, — кажется, я тебя вспомнил. Ты старика Каца сыночек! Что, гробовщик, могилы копать не захотел? Решил чужим добром попользоваться?

— Зря вы так, ваше благородие, — заерзал на стуле Ося. — Каяться вам уже поздно, власть ваша кончилась...

— И чья же она теперь?

— Трудового народа...

— Твоя, например?

— Ну, да. А еще крестьян и рабочих. Вы лучше задумайтесь о своем прошлом. И каков ждет вас удел?

— И каков же?

— Не знаю пока. Не мне решать, жить вы будете или умрете. Но я больше склоняюсь к тому, что вы, сиятельство, под трибунал пойдете. Плохой вы, знаете ли, человек...

— Ах, ты гаденыш! — вдруг подскочил арестованный и через стол кинулся на Осю, но не успел, так как в кабинет молнией влетел конвойный и схватил его.

— Увести эту сволочь, — буркнул Осип и снова сел.

Но дело этим не кончилось. Задержанный вдруг остановился у порога, обернулся к Осе и язвительно спросил:

— Ты папашу-то своего давно лицезрел?! Ехал он со мной в одном обо-зе, за границу бежать хотел. А потом твои большевички его на столбе вздернули! И знаешь, что он напоследок мне сделать велел? Разущи, говорит, моего дорогого Осю, кланяйся ему в ноги, да передай, что любил я его очень. — Арестованный помолчал немного, а потом снова бросил: — Будь ты проклят!

Гибель отца будто перевернула его полностью. И тоска разъедала, и совесть мучила, что родителя защитить не сумел. А еще Осип думал о многом. Чего он своей революцией достичь хотел? Добиться равенства всеобщего? Но разве ж такое возможно здесь, на Земле, не перед Богом? И от осознания собственных ошибок парню делалось так плохо, что не хотелось жить...

И даже отчий дом теперь стал для него голым, внутри блуждали жуткие тени и холод, а еще туда все чаще являлись покойники, те, кого Осип уже схоронил. И они мучили его денно и ночью. Молодые и старые, светлолицые и убогие. Плакальщица Агафья старалась выть погромче, стряпуха Матрена звонко смеялась, отец стучал счетами, студент Панин ему кулаком грозил, а революционерша розовощекая все хотела свое лицо умыть. И таких, как она, было очень много. Осип отмахивался от усопших, но они возвращались снова и снова. А последним был белогвардейский полковник по фамилии Сыч.

— Ну что, сынок, — спрашивал он с подвохом, — удалось тебе нас победить?

— Не так, чтобы очень, — ежился Ося.

— То-то, — смеялся покойный. — Казни не казни, а все равно ответить за кровушку придется...

В общем, не отпускало несчастного Осипа прошлое. А уж как терзало одиночество, и не вообразить. Ни единой родной души вокруг...

Спустя три года заколотил он окна своего дома досками и переехал жить в коммунальную комнату рядом с Совнаркомом.

На службе Ося теперь занимался беспризорниками, коих после Гражданской было очень много, собирал их с товарищами по всему городу, а потом отправлял в детприемник. А однажды у бывшей конторы купца Конева встретил маленького цыганенка лет семи, грязного, оборванного. Он сидел на куче битых кирпичей и что-то пел.

Ося медленно подошел к нему, и, цыганенок, перестав петь и подняв голову, жалобно попросил:

— Дяденька, дайте грошик...

— Тебя как зовут? — наклонился к нему Осип.

— Жорка...

— А мать твоя где?

— Маманя меня бросила. Уехала куда-то на паровозе...

— И давно уехала?

— Так прошлой осенью. Посадила меня на перроне и сказала, мол, теперь ты взрослый, сам себя корми...

— Вот так прямо и сказала?

— Ага. У нее же кроме меня еще трое. Куды ей столько нахлебников?

— Понятно. Ты, наверное, есть хочешь?

— А как же? — шмыгнул грязным носом мальчишка. — Отощал я, дядечка, как пес бездомный...

Осип улыбнулся.

— Ну, тогда пойдем, — улыбнулся Осип, — угощу тебя хлебом и медом.

— Пойдемте, — согласно кивнул цыганенок и тут же вскочил с места...

Вот так и стал жить Георгий вместе с Осипом в его коммунальной комнате. Парнишкой он был веселым, хорошим, вот только воспитан плохо. Во-первых, бывало, курил потихоньку, во-вторых, за столом чавкал громко, неправильно держал ложку и суп из тарелки пил. Терпеть не мог мыть руки и голову, да и вообще мыться не любил. Но это были еще цветочки...

Жорка обожал подворовывать. А потому стали пропадать у соседей Осипа деньги, ценности и часы.

Особенно доставалось соседке тете Поле.

— Караул! — кричала она во все горло — Где опять мои броши?! — Потом хватала цыганенка и тащила к Осипу: — Вора малолетнего у себя приютил!

— Не кричите! — пытался успокоить ее Ося. — Сейчас все найдется.

Он строго смотрел на мальчика и просил:

— Неси...

Тот вздыхал, заползал под топчан и, выбираясь из-под него, протягивал дешевые украшения:

— Держите свои цацки, тетенька, больно они мне нужны...

— Конечно, ты еще себе наворуешь, бесенок! — хватала соседка украденное, морщилась и торопилась уйти.

А Георгия ожидал серьезный разговор. И так каждую субботу, ну и в будние дни тоже.

В общем, нелегко было Осипу с Жоркой, но, в то же время, как-то спокойно. Появился смысл жизни, что ли?

Так прошло полгода. Наступила суровая зима. Жорик ходил в школу, Ося продолжал служить, а по вечерам они встречались в своей комнате. Топили печку-«буржуйку», пекли постные блины, строили кораблики из досок и читали стихи, правда, Жорка их не очень любил.

— Бать, ты мне лучше скажи, а почему в школе говорят, что у человека нет души? Мол, ее попы придумали? — как-то спросил он.

— А ты-то сам как думаешь?

— Мыслю, врут они все. У тебя ж она болит?

— Болит...

— И у меня. Вот, бывает, чего-нибудь сворую, а в груди как засвербит...

— Это тебя совесть мучает, — засмеялся Осип.

— Может быть, и совесть. Только уж очень больно...

— Это хорошо, что больно. Значит, все не так плохо. Значит, правильно будешь жить...

После той зимы времени прошло много, Жорка стал уже подростком, Осип отпустил усы. Теперь он работал в вечерней школе, где учил молодых заводчан грамоте. А со службы, сославшись на сердечные боли, ему пришлось уйти. Не мог он больше выносить ни церковных погромов, ни слез осужденных, ни лжи. А уж когда ему предложили на своих товарищей доносить, тут уж он окончательно для себя все решил.

Страна теперь полностью изменилась. Люди повторяли громкие лозунги, пели революционные песни, боролись с врагами народа, ставили новые рекорды и верили, верили в социализм, не понимая того, что при любом строе есть и свои герои, и хозяева, и палачи...

Но об этом тогда не принято было говорить. А потому Осип все больше молчал...

В тот день его снова после работы встретил Жорка, и они, как когда-то Ося с отцом, шли по улице, взявшись за руки. Горожан вокруг было не много. Красками осени окрасились деревья и кусты. Ветер гонял сухую листву по дороге. В вечерних сумерках загорались огни старых домов и низких пристроек.

— Бать, я тут думаю в комсомол вступить, — вдруг сказал Георгий. — Ты как на это смотришь?

Осип взглянул на своего приемного сына-подростка: худой, кареглазый, черноволосый. Совсем уже стал взрослым, но как же он его любил!

— Ну, если ты для себя так решил, то я не возражаю...

— Вот и отлично! — обрадовался Жорка. — Пойду в армию через два года, буду командиром служить. А как ты думаешь, там не посмотрят на то, что я цыганского рода?

— Ты, прежде всего, гражданин своей страны. И не задавай глупых вопросов...

— Хорошо, договорились, — вздохнул Жорка и, помолчав немного, добавил: — А я дома картошки сварил и на базар сбегал за селедкой...

— Молодец, — улыбнулся Осип. — Осталось нам с тобой соленых огурцов купить, да хлеба ржаного...

Он pokrutil головой в разные стороны и хотел уже, было, в лавку идти, но тут перед ним возник невысокий мужичок — штаны, заправленные в сапоги, кепка, пиджак, косоворотка.

— А я-то думаю, ты, не ты, — вдруг зло обратился он к Осипу. — А потом гляжу, ты, красная морда...

— Простите... — не понял Осип.

— Что, не помнишь меня, сволочь? И как жену мою арестовывал, отца и дочку? Забыл?

Ося нервно дернулся и прикрыл собою Жорку.

— Прошу вас, Звягин, успокойтесь...

Но незнакомец не унимался:

— Что, за сыночка своего печешься? А Аленку мою ты пощадил? — Он неожиданно достал из-за пазухи ножик: — Именем революции, говоришь? — и резко замахнулся.

В эту минуту из-за спины отца выскочил Жорик и закрыл его собой. Лезвие тут же вонзилось мальчишке в горло, он захрипел... Осип схватил сына, упал вместе с ним на колени и заорал что есть мочи:

— Жорка!! Жорка, прости!!!

Но было уже поздно...

Этот дом будто покосился от боли, обветшал, стал черным. Не было в нем уже прежнего лоска, он словно зачах в одиночестве...

Осип пришел сюда поздней осенью. Во дворе нашел старые доски, положил их на козлы и начал пилить. Потом долго обтесывал их, молотком колотил и, наконец, соорудив гроб по собственному росту, затащил его в дом и поставил на дубовый стол. Зажег свечу пред иконами, тихо что-то бубнил, затем все ходил в потемках, плакал, прощения просил и, наконец, приблизился к отцовскому секретеру. Здесь родитель всегда револьвер хранил, не новый, потертый. Осип достал его, рукавом смахнул с оружия пыль, зарядил его пулями. Все, кажется, было готово, однако он теперь не спешил. Подошел к старому темному зеркалу и увидел свое мертвенно-блеклое отражение. Достал из кармана половинку свеклы и стал натирать ею щеки. Потом довольно улыбнулся и выстрелил себе прямо в голову.

Больше не было ни горя, ни одиночества. Все осталось в прошлом... □

Людмила Маршезан

ЖИЗНЬ И ПЕСНЬ Марины Вещицкой

*Есть свои радости в каждом виде творчества,
но для меня петь — больше, чем радость —
это жизнь. Спеть настоящую песню все равно,
что найти истину.*

Фото из личного архива

Она восхищалась своим отцом Оскаром Адольфовичем. Он родился в Польше в 1879 году. Его фамилию Вещицкий, происходившую от слова «вещать», то есть приносить благую весть, сохранила до последнего дыхания, как память, как знак неразрывной связи с ним. Муж Марины (последний), Евгений Николаевич Иванов, был удивлен ее настойчивостью сохранить девичью фамилию. Она отшучивалась, мол, мужей может быть и несколько, а папа — единственный на всю жизнь. Ей навсегда запомнился страшный день ареста отца: суббота, 7 августа 1937 года. Мать, Варвара Петровна, успокаивала детей — Павлика и Марину, надеясь, что это ошибка. Ведь такой честный, благородный инженер-строитель Оскар Вещицкий нужен стране. Им не сообщили, что 20 августа, всего лишь через 13 дней после ареста (для реабилитации потребовалось 52 года!), он был расстрелян на Бутовском полигоне НКВД под Москвой. Мать еще долго надеялась получить весточку от любимого Оскара, но постепенно огонь в ее глазах тускнел, пока совсем не потух. Будучи певицей, Варвара Петровна Шамшева даже сменила свой сценический псевдоним Страдова, став Орловой, но страдания не покинули ее. Она не дожидая реабилитации мужа в 1989 году.

Брат Марины, Павел Оскарович, был талантливым педагогом, композитором, аккомпаниатором выдающихся певцов Н.А. Обуховой и И.С. Козловского, автором известного «Самоучителя игры на шестиструнной гитаре». Он родился в 1913 году. В то время Вещицкие проживали недалеко от Цветаевых, в Борисо-Глебском переулке. В 1992 году Павел Оскарович покинул этот мир, оставив потомкам богатейший архив.

Марина Оскаровна по своей натуре была сказительницей: умела и любила рассказывать, делиться «сладостным ядом» воспоминаний», которые мне удалось записать и сохранить. Все эти осколки, мелочи многослойной жизни Марины Вещицкой сегодня стали историей. Близкие называли ее Мариша, а супруг ласково — Малинка, что очень шло ей — яркой, сочной, колоритной, как крупная спелая ягода. Она так и запомнилась мне навсегда: красивой, счастливой, красной девицей московской. Марина любила этот мир и пила его каждую минуту своей жизни. Она умела ценить радость мига, этому научила ее война...

Первый день войны... Марина его запомнила так: *«Мы с мамой были дома, как вдруг ворвалась соседка с безумными глазами: "Скорее, бежим!" Подумав, что близится землетрясение, матушка захватила документы и набросила на плечи свой сценический шарф, расшитый блестками. Выскочив на площадь, мы были поражены скоплением народа. Все слушали репродуктор. От голоса Юрия Левитана мурашки шли по телу: "Война!" Мама зарыдала, обняв меня, а я еще не поняла ничего, просто было неловко перед людьми от неуместного сияния праздничного шарфа и слез мамы....»*

После расстрела отца, шестнадцатилетней Марине пришлось поступить на работу в Московский государственный цирк. Там она получила прозвище «Оса» — за строй-

ность и тонкую талию. (Увы, когда я познакомилась с Вещицкой в Париже, «Оса» превратилась в задорную, румяную «Матрешку».)

«Оса» обожала джаз и была четку между акробатическими номерами, чувствуя в этом танце не только свободу тела, но и свободу духа.

Перед самой войной Марина работала во Всесоюзном концертно-гастрольном объединении и с удовольствием колесила по всему Советскому Союзу с танцевальными номерами.

— Марина, а как же вы стали певицей? — с живым интересом спросила я.

— Война заставила, и не забывайте, что моя матушка, профессиональная певица, занималась со мной пением с самого детства, так что петь я умела. Дело не в этом, а в том, что нет эпитетов для войны ни в одном человеческом языке, ибо это дело подлое, нелюдское. Я рвалась к взрослости, жаждала подвига. С возмущением отклонила предложение выступить и пользоваться привилегиями ансамбля НКВД и попросилась на фронт, который был уже рядом. Фашистские офицеры в полевые бинокли рассматривали Москву, выбирая себе самые красивые особняки. С моим партнером по танцам Сашей мы выступали на правом крыле Юго-Западного фронта. Естественно, сцены на фронте не было, просто откидывали борта грузовика, и мы выступали на старом потертом ковре. Вдруг артобстрел.

Последнее, что я запомнила, лежащего в крови Сашу и растрепанные ветром черные пряди волос. Очнувшись в госпитале. Контузия. Быстро встала на ноги, и меня отвезли домой. Несколько дней я восстанавливалась. Бродила по родному городу, не узнавая его. На крыше гостиницы «Москва» засели наши зенитчики, Кремль был тщательно замаскирован, а за Москвой-рекой золотились церкви камуфляжного Кремля, который фашисты пытались бомбить. *«Черт возьми, — подумала я, — если фрицы глупее ворон, значит, Победа у нас в кармане». Уверенность в нашей непобедимости так окрепла, что преодолела саму смерть и страх перед ней. Расспрашивая бойцов о боевом крещении, я поняла, что первый бой, как первая любовь: боязно всем, как бы не ударить лицом в грязь в полном смысле этого слова. В царские времена казаки вступали в бой под свадебный марш Мендельсона. Советские бойцы поднимались в атаку с единоголосным криком "За Родину!"»*

Осенью 41-го года мне было мало понятно, что происходило, а что понятно — то не происходило. Продолжая горевать о синеглазом Саше, погибшем так внезапно, думала, как выступить без него? Подыскать нового партнера невозможно, всех мужчин призвала война. Выход только один — петь! Но петь так, чтобы каждая спетая песня приближала нас побыстрее к Победе. Задумала я тогда, пусть сбудутся мои мечты в мае, как заветный подарок к моему дню рождения. Так оно и

произошло, к сожалению, только через несколько кровавых лет...»

И Марина Вещицкая стала петь во фронтовых бригадах. Молодость, личный шарм и ощущение несказанной любви отвлекали слушателей от ужасов действительности, погружая в воспоминания о родных, близких, любимых. Но политрук поставил ей задачу изменить репертуар, заглушить тревогу солдат и настроить их на подвиг. Легче было резать ножницами воду, чем каждый день петь на истерзанном фронте. Она выматывалась до предела, а линия фронта все приближалась к Москве. Столица жила в это время странной и упрямой жизнью, но жила! Несмотря на объявленную 15 октября эвакуацию, жители города не торопились покидать его. Пахло гарью. Это жгли архивы и секретные бумаги. Серый ветер швырялся пеплом в серые, измотанные лица прохожих, но никто не обращал внимания на такие мелочи. Отблески взрывов полыхали в темном небе. Массированные налеты самолетов со свастикой, воздушные тревоги — горестный трагизм повседневности. Уставшая Марина каждый вечер возвращалась с передовой ночевать в темную, дымную Москву. Но это был даже не долг, на котором она долго не продержалась бы, это пришло время расцвета ее таланта...

Символический парад 7 ноября 1941 года на Красной площади поднял боевой дух советских воинов. Марина тоже чувствовала необык-

«Погибшие в небе за Родину, становятся небом над ней...» Услышав эту песню через много лет после войны, Марина растрожилась. Именно этих слов Евгения Евтушенко не хватило ей в тот неудачный вечер, чтобы утешить авиаторов, потерявших в небе своего товарища, всеобщего любимца, аса. Она тогда не говорила по-французски и не знала, что в переводе «ас» означает карточный туз. Его рисовали на фюзеляжах самолетов французские летчики во время Первой мировой войны, сбившие пять вражеских самолетов, за что и получили прозвище летающих асов.

А вот экстремальный русский характер требовал особенных подвигов, и советские летчики неоднократно оставляли небо своей жизни. В тот вечер Марина лезла из кожи вон: била чечетку, пела, танцевала, шутила, но чувствовала, что не удалось унять скорбь летчиков и развеять их тоску. Впервые не удалось. Без всякого энтузиазма она приняла приглашение на ужин для высшего офицерского состава. Случайно оказалась за столом рядом с Н.С. Хрущевым. Он не знал, что за плечами моло-

*Марина
Вещицкая.
Рисунок
Галины Бларэ*

дой красавицы большой фронтовой опыт, несколько ранений и контузий, а про ее смелость резать правду-матку и колкий язык ходили легенды. Ее живой и острый ум отмечал все «прорехи» фронта: нехватку боеприпасов, танков, самолетов, лекарств, бинтов... Что говорить, если на ее маленькие ножки выдали сапоги 43-го размера! А когда ей случалось выступать в безразмерной армейской форме, бойцы умоляли переодеться в платье. Как зеницу ока Марина берегла чемодан со своими еще довоенными сценическими костюмами, зная, что других не достать. Предлагая тост «за ее пение, которое важнее патронов», Хрущев не предполагал взрывной реакции Марины: «Не путайте божий дар с яичницей. Вы мечтаете победить фашистов пением и стихо-

*Марина
с композитором
Зацепиным
в Париже*

творением «Жди меня, и я вернусь...». Ей хотелось высказаться, снять нервное напряжение, но слезы, нахлынувшие горячей волной, прервали ее слова. Она встала и вышла в ночь. В полной темноте пробираясь в женскую землянку, сбилась с тропинки, зацепившись за что-то, упала. Зажгла спичку и увидела... сыр, спрятанный немцами при отступлении. Вот был настоящий пир для всей роты! Командир пошутил: «Марине бог послал головку сыра...»

Пусть у войны не женское лицо, но женщинам даже на фронте хотелось оставаться женственными. Их землянки отличались простым уютом и чистотой. Они изыскивали невозможные возможности, чтобы вымыться и выстирать белье. Летом, в дни затишья, радовались невысказанной для войны бирюзе неба. Солнце купалось в реке, а женщины — в солнце. С распущенными волосами они напоминали озорных русалок,

распевавших вместо серенад задорные частушки:

*С неба звездочка упала,
Прямо милому в штаны.
Ничего, что все спалила,
Лишь бы не было войны!*

Шутки, веселье, смех, как будто не было и нет войны. «Значит, душа еще не истребалась», — думала Марина.

Каждую песню, а в ее репертуаре насчитывалось более трехсот, она творчески перерабатывала своей внутренней энергией, чувствуя, где надо поддать жару, а где и стихнуть. В ее голосе, взгляде была неизъяснимая проникновенность. Каждый слушатель думал, что только для него, именно ему она поет. Вещицкая говорила, что ее главной заботой было научить людей любить, остальному научатся сами. Слушая ее пение, уставшие, изнуренные, потерявшие друзей, родных и близких солдаты становились снова светлыми и свободными... свободными умереть героями.

Молодая дерзкая весна 1945 года расправлялась с дряхлой зимой, а Красная армия — с фашистскими захватчиками. Немцы бомбили отчаянно, и выступать в зенитных батареях было опасно. Неунывающие зенитчики ухитрились соорудить на опушке леса высокую деревянную сцену, чтобы в полном смысле слова поднять искусство на высоту. Там выступала артистическая бригада в составе шести человек. Под звуки гитары, балалайки и аккордеона Марина выстукивала каблуками пулеметную дробь, синей птицей трепетал платочек в ее руках и «падал с опущенных плеч», а потом Катюшей «выходила на берег крутой».

После концерта в маленьком домике артистов ждал обычный обед: пшенная каша, сухари, водка. Вдруг — воздушная тревога. Бросив ложки, все побежали в лес. Марина знала, что на войне одно спасение — о спасении не думать. Она спокойно взяла свой верный чемоданчик и, прихватив гитару, спряталась под развесистой елью. Ее нашли благодаря гитаре, чей желтый бок бросался в глаза среди зелени елок-палок. Оборванные жилы струн висели на ветках. Тяжелая контузия. Госпиталь. Марину отправили домой в Москву с истерзанным телом и сердцем. Жажда жизни и забота матери поставили ее на ноги. Но усталость войны не проходила.

Много несет в себе новый день. И хотя счастье не должно падать на голову, но оно упало: Победа! Радость

вась в одиночку было невозможно, и Марина, принарядившись, вместе с матерью выскочила на улицу. Плакали во весь голос, обнимались с незнакомыми людьми, смеялись, переспрашивая: «Неужели победа?», чтобы еще и еще раз услышать это долгожданное слово. Рядом с ними начали танцевать, кто-то громко причитал: «Бабоньки, хорошо-то как! Наконец-то земля отдохнет от войны». Небо дышало, пахло миром, и Марина во весь голос запела: «Так на свободе к сердцу приходит первой любви весна...»

... Прошло время, и судьба Марины сделала очередной крутой вираж. Уже в 1976 году ей удалось получить разрешение на поездку к тетушке (сестре матери), которая жила в Канаде. Но как же при этом не воспользоваться возможностью взглянуть на Париж и навестить семью своих старых знакомых? Марина поехала туда и... застряла надолго. В гостеприимном доме этих друзей частенько собирались русские «на рюмку чая». Среди них оказался и всеобщий любимец Евгений Николаевич Иванов, эрудит, инженер, переводчик, говоривший на десяти языках. Марина сразу «положила на него глаз» — любовь пришла внезапно и навсегда. Она запела романс о любви, который прозвучал как признание и этим сразила Евгения Николаевича наповал. Через какое-то время они поженились, так что, можно сказать, Малинка поменяла билет в Канаду на другой —

счастливым. Так началась ее новая жизнь.

Муж ее обожал, баловал и понимал, что его жена — артистка, которой необходимо петь. Евгений Николаевич продал свой дом и открыл для Малинки ресторан «Дворец блинов». Он делал все, чтобы доказать Марине, что только для нее «всходило солнце и заходило в ее честь». Они были красивой и счастливой парой. Вскоре Марина полностью согласилась с П.И. Чайковским, что в Париже «нет никакой возможности скучать».

Она пела в их ресторане и не могла сдерживать эмоций при исполнении цыганских песен. Ее задор, как огонь, зажигал всех присутствующих. Удивительно, ноги сами пускались в пляс даже у тех, кто никогда не танцевал. Ей подпевали те, кто никогда не пел, и она одобрительно приводила в пример Алешу Дмитриевича — известного гитариста и танцора, запевшего только в 50 лет! Он запел так, что его песни и романсы стали классикой русского шансона, а он — легендой эмигрантского Парижа. Публика «старой школы» рыдала, когда он исполнял песню «Две гитары» со своими текстовыми вставками «Вся душа полна тобой, Россия...» Владимир Высоцкий тоже попал под артистический шарм уникального певца с редким голосом. Будучи в Париже, он пел вместе с Алешей Дмитриевичем и планировал записать совместный диск. К сожалению, судьба распорядилась иначе.

Марина была близка со всей семьей талантливых Димитриевичей и выступала иногда с ними. А Валентину считала своей учительницей пения. Валентина Димитриевич была королевой парижских цыган. Несмотря на полноту и большой рост, ее низкий незабываемый голос сводил с ума. Она вышла замуж за маленького, худенького, с изысканными манерами колумбийского дипломата.

Счастливая, наполненная музыкой, песнями и любовью жизнь продолжалась, увы, недолго — в 1986 году смерть отняла у Марины Оскаровны Евгения Николаевича — верного рыцаря и тонкого ценителя ее таланта.

Одиночество... Печальное слово, которое Марина расшифровывала как «одна ночью», ведь днем ее окружали добрые друзья и знакомые. Ляля Черная научила Вещицкую говорить и петь по-цыгански, что расширило ее репертуар, «добытый в недрах» старой эмиграции. Кутить любят все, поэтому игристое шампанское, искристая икра и раздолье цыганских ночей пришлись по вкусу французам. Конечно, уже прошли те времена, когда в 1924 году два русских шеф-повара Александр Рыжиков и Федор Корнилов получили высшую награду «Лучшие кулинары Франции», сейчас посетители восхищаются не кухней, а скорее эмигрантским фольклором, лирико-драматическим качеством цыганского романса, атмосферой, насыщенной звоном гитар и песен.

К сожалению, доброй, но не практичной Марине пришлось расстать-

ся с «Дворцом блинов» и выступать в «Балалайке», «Царевиче», «Избе», а иногда ее приглашала Людмила Лопато в свой волшебный «Русский павильон». Не только голос Вещицкой, но и захватывающее, невероятное женское обаяние, душевное исполнение песен привлекали публику, которая моментально ощущала ее энергию, ее животрепещущую натуру.

Весной 2007 года Марина Оскаровна была приглашена в Москву на фестиваль музыки и песни Русского зарубежья имени Петра Лещенко.

Васильева), пестрые шали на диване, столе и стульях, обилие матрешек разных времен, икон, лаковых шкатулок, музыкальных инструментов, а открытый флакон духов «Красная Москва» наполнял пространство ностальгическим запахом эпохи Советского Союза. Конфеты «Птичье молоко» у самовара подчеркивали гостеприимство дома. Марина обладала искусством весело принимать и угощать друзей и старалась помогать всем — знакомым и незнакомым, успокаивая их любимой фразой: «Мы рождены, чтобы волновать, а не волноваться».

У *Вещицкой, несмотря на возраст, была феноменальная память, каждая песня в ее репертуаре исполнялась без запинки. При нашей встрече она легко цитировала Цветаеву, хотя ей было уже 98 лет: «У меня в Москве — купола горят, У меня в Москве — колокола звенят...» И я вдруг поняла, что здесь, во Франции, Марина все эти годы создавала для себя миниатюрную Россию, и, когда произносила «У меня в Москве...» — казалось, что вместо Эйфелевой башни ей виделись башни Кремля*

В праздничной программе она значилась первой. Ей было 85 лет!

«Теремок» — так прозвали ее квартиру в Булони, где она прожила до последнего дня 19 ноября 2020 года. Навстречу входящим сюда мчалась удалая тройка с бубенцами (картина художника Фетисова), у зеркала — корона с разноцветными камнями, у окна в полный рост красовалось сценическое платье певицы в русском стиле (в настоящее время находится в коллекции Александра

Париж девяностых годов XX века композитор Зацепин назвал, как и свою песню, «Остров невезения». Действительно, в то время ему решительно не везло. Знакомые беспомощно разводили руками, услышав о разводе с француженкой, а Вещицкая не растерялась, напомнила Александру Сергеевичу его же песню: «*Есть только миг между прошлым и будущим, именно он и зовется Париж*», и, подхватив его под руку, потащила на «заработки» в ресторан.

Там она была «женщиной, которая поет», он — стеснительным музыкантом. Публика не догадывалась, что это известный композитор, написавший более трехсот песен! Зацепин переживал, ему казалось, что он «на дне», но Вещицкая умела поднять настроение и рассмешить в трудную минуту, а он — сохранить дружбу и благодарность. Уже в «благополучные времена Зацепин не забывал навестить в Булони «ту женщину, которая поет», даря ей любимые фиалки. Эти цветы в горшках на подоконнике были не просто украшением квартиры, а необходимостью Марины.

«Почему именно фиалки?» — спросила я, когда была у нее в гостях, представляя яркую Марину скорее с «миллионом алых роз». Ответ был неожиданным: «В честь Марины Цветаевой. Она любила фиалки и собирала их в Медонском лесу. Я даже не праздную свой день рождения, а как и Цветаева, отмечаю День ангела — День святой Марины».

У Вещицкой была феноменальная память — телефонные номера друзей она знала наизусть, не стоит даже говорить о ее богатейшем репертуаре, где каждая песня исполнялась без запинки. Вот и во время нашей встречи она запросто цитировала Цветаеву, несмотря на то, что ей уже 98:

*У меня в Москве — купола горят,
У меня в Москве — колокола
звенят...*

Сбросив с плеч русскую шаль, Марина Оскаровна ласковым взгля-

дом обвела своих матрешек и широким жестом пригласила гостей к пыхтящему самовару. Ее лицо выражало любовь и умиротворение. И вот тогда до меня дошло: Марина никогда не жила во Франции, все эти годы она создавала для себя миниатюрную Россию: ходила в русские церкви и магазины, в ресторанах своим пением погружала публику в глубину славянской души. Произнося: «У меня в Москве...» — создавала впечатление, что вместо Эйфелевой башни ей виделись башни Кремля.

В апреле 2018 года мы отмечали 103-летие русской балерины Ксении Триполитовой, для которой Марина Вещицкая спела несколько песен. Ксения, пораженная мощью ее голоса, поинтересовалась возрастом певицы. «96 лет», — ответила Марина. «Какая молодая!» — восторженно воскликнула Ксения, подняв за Марину бокал шампанского. А у Вещицкой во все времена был традиционный тост: «За любовь, и чтобы не было войны». Она донашивала свои седины с большим изяществом, оригинально одевалась и любила украшения. Всегда была приветливой, готовой обласкать и покормить, осыпать комплиментами с головы до ног. Поэтому хотелось еще и еще приходиться к ней в «Теремок».

Но нельзя избежать неизбежного. Она покинула нас в ноябре 2020 года. Тускло светили звезды. А может быть, это не звезды, а чьи-то лица? Может быть, это лица тех родных

и друзей, которых с нами нет? Вспомнились слова песни, которую пела Марина:

*Когда вы песню
на земле поете,
Тихонечко вам небо
подпоет.*

30 ноября, понедельник. Крестоносное русское кладбище Sainte-Geneviève-des-Bois. В этот холодный осенний день мы попрощались с Мариной Вещицкой, которая найдет вечный покой рядом с мужем Евгением Николаевичем Ивановым. Соседи-французы Марины привезли осиротевшие фиалки из ее квартиры, и я невольно улыбнулась, вспомнив, как совсем недавно Марина Оскаровна распевала стихи Федора Сологуба:

*Я люблю весной
фиалки
Под смеющейся
росой...*

Смерть не рифмовалась с ее улыбкой и голосом, с этим траурно-осенним небом, но солнце было внутри нас. Пока мы стояли у могилы, нежные фиалки теряли лиловые лепестки-сле-

Сценическое платье Марины

зы, охраняя память о Марине Оскаровне Вещицкой.

P.S. Она прожила долгую жизнь и не скрывала секрет своей молодости, говоря, что стремление к радости и счастью неразрывно связано с желанием петь. Это главный витамин долголетия, вечный двигатель души и тела. Помня многочисленные тексты песен, Марина Оскаровна утверждала, что время стирает печали, страдания, радости, а песни — никогда. Ведь они как матрешка: начинаешь петь одну — открывается другая, а за ней тянется третья...

Прислушайтесь к ее совету: *«Проснись и пой! Это лучшее средство начать изумительно новый день и подняться к его вершине. Когда душа поет, она сильна и светла».* □

ВОЛШЕБНАЯ СИЛА горькой травы

Она повсюду: на лесной опушке и дачных участках, вдоль проселочной дороги и в городском парке... Если растереть между пальцами несколько ее серебристо-зеленых узких листочков, то почувствуешь незабываемый, терпко-горький аромат. Вкус ни с чем не сравнимой полыни.

В повседневной суете мы настолько к ней привыкли, что практически не замечаем, воспринимая чуть ли не за сорняк. А между тем, полынь — одно из ценнейших лекарственных растений. Более того, именно за необыкновенные, волшебные свойства полынь на особом

счете у знахарей и чародеев, проводящих именно с этим растением свои многочисленные тайные, магические ритуалы.

Кстати, очень интересно происхождение названия этой травы, стебли которой достигают в высоту порой до полутора метров. По на-

родным поверьям, само слово «полынь» происходит от древнерусского «полети», что означает гореть. Так горько, вплоть до жжения, становится во рту, если попробовать разжевать несколько листочков полыни. Другое старинное народное прозвание полыни, ныне полностью забытое, — емшан или евшан. Именно под таким названием полынь упомянута в Ипатьевской летописи за 1201 год. Слово «емшан» пришло к нам из тюркских языков, ведь полынь помимо средней полосы России отлично себя чувствует и в степных широтах. В XIX столетии популярный некогда поэт Аполлон Майков попытался реанимировать это старинное название, написав даже выразительное стихотворение «Емшан», но утопическая идея ученого литератора оказалась заведомо провальной.

А вот ботаническое название этого цен-

ного лекарственного растения *Artemisia* ожидается с древнегреческого как «здоровый» и восходит к царице Карию Артемизии, дер-

жава которой находилась некогда на территории нынешней Турции. Либо же название растения происходит от имени древнеримской богини Артемиды, любимой дочери верховного бога Зевса, которая, как известно из мифологии, была покровительницей всего живого на планете.

Видов полыни на планете очень много, только в России насчитывается более 180 ее разновидностей, которые широко представлены практически во всех климатических зонах нашего Оте-

чества. Кстати, полынь в качестве основного из компонентов входит в состав многих напитков: первое, что приходит на ум, это, конечно же, вермут и абсент.

Рачительные хозяйки обязательно развешивали в доме пучки полыни — чтобы обезопасить место своего обитания от сглаза. Веточки полыни — проверенное временем средство от моли, поскольку многие насекомые просто не переносят ее запаха. Дымом от тлеющих веточек полыни окуривали (и до сих пор сведущие люди окуривают) жилища в дезинфицирующих, очистительных и магических целях. Во времена моров, эпидемий и войн полынным дымом окуривали избы и дворцы, больницы и лазареты для локализации и уничтожения болезнетворных микроорганизмов. Ну а кроме того, дым полыни гармонизирует окружающее пространство вокруг себя, восстанавливает утраченную гармонию природы и человека. Из многих магических, «колдовских» трав именно полынь обладает наиболее мощным и наиболее ярко выраженным эффектом. Вот только пользоваться им стоит с умом!

Выражение «дым коромыслом» известно, конечно же, всем. Но немногие знают, что именно такая плотная, тягучая концентрация дыма обязательно должна быть при окуривании помещения полынью. Только так, и никак иначе! Тогда,

при соблюдении еще целого ряда магических правил, может открыться внутренний взор, способности к ясновидению, передачи информации из параллельных миров во время практики осознанных сновидений. А также многие другие способности и возможности, кажущиеся невероятными и невозможными...

Вот только без особой на то необходимости, не обладая специфическими магическими познаниями, лучше дверь в тонкие миры не открывать — ибо ненароком из-за собственного неумного любопытства вы можете открыть тот самый ящик Пандоры...

Ну а всем сомневающимся в наших словах напомним, что чернобыльник — один из видов горькой полыни. В Библии, в Откровении Иоанна Богослова, за много веков до страшной трагедии на атомной станции было черным по белому сказано: «Третий ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод. Имя сей звезде “полынь”; и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки» (Откр. 8:10-11). Еще на этапе проектирования атомной станции в Чернобыле и вплоть до последних дней непосредственно перед аварией было немало знаков, посланных людям свыше, об огромной опасности при-

ручения «мирного атома» в этих краях. Но, увы, что сделано — того не воротишь. Надеемся, что после этого человечество стало мудрее и впредь будет более осторожно и вдумчиво относиться как к матушке Земле, так и к собственным техническим возможностям.

Напоследок мы предлагаем вам пару рецептов с использованием горькой полыни.

Полынный чай — эликсир здоровья

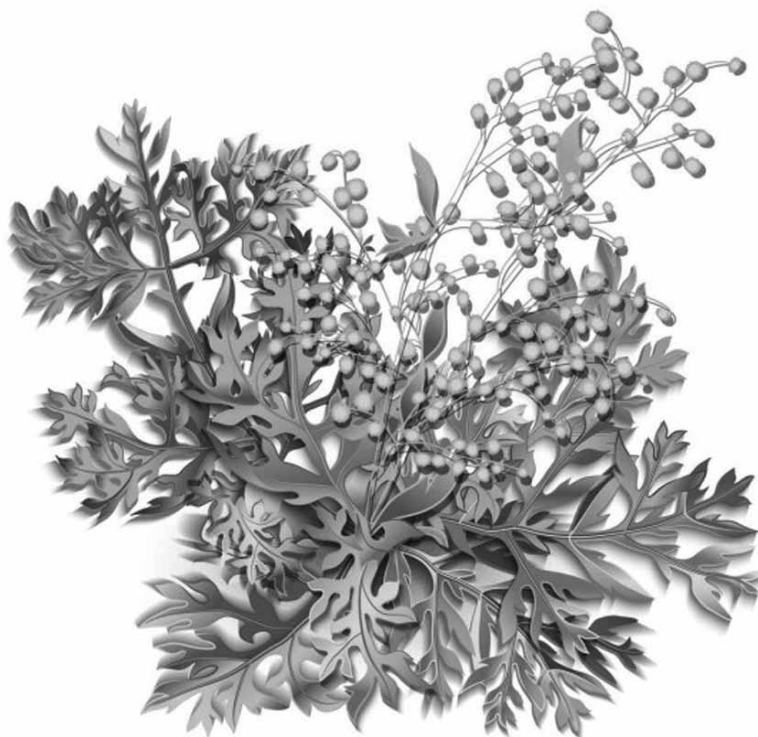
Нам потребуется несколько высушенных веточек полыни: кладем их в заварочный чайник, заливаем кипятком и даем настояться 5–10 минут. В чашке приготовленного мутноватого напитка с весьма терпким, но таким приятным ароматом, скрыта вековая мудрость травного целительства души и тела. Полынный чай пробуждает аппетит, очищает сосуды и невероятно поднимает общий тонус организма. Пить его лучше натощак и за полчаса до еды. Попробуйте его и вы! Если при-

готовленный вами напиток покажется уж слишком горьким, то добавьте в чай ложечку меда или несколько листиков мяты.

Кстати, великий врач древнего мира Авиценна рекомендовал пить отвар из полыни при нарушениях пищеварения, заболеваниях печени и желчного пузыря, ломоте в суставах.

МАСЛО ИЗ ПОЛЫНИ

Да-да, бывает и такое! Более того, его легко приготовить самому в домашних условиях. Для этого берем свежую полынь, кладем ее в стеклянную банку до верха, но не утрамбовываем. Затем заливаем льняным либо подсолнечным маслом, плотно закрываем крышкой. Через день наше масло приобретет фантастический, необыкновенно красивый темно-зеленый перламутровый оттенок. Теперь осталось его лишь процедить и поставить в холодильник. Уверены, ваши гости будут изумлены, когда вы достанете к праздничному столу это необыкновенное угощение. □

АФАНАСИЙ НИКИТИН

ГЕРОЙ
или грешник?

Афанасия Никитина издавна считают героем-первопроходцем, открывшим для россиян сказочно богатую и загадочную страну — Индию. Он сделал это за четверть века до знаменитого Васко да Гамы, о котором знала вся Европа. О путешествии же Никитина знали очень немногие: сам он считал его «грешным» и записки свои почти никому не показывал.

Только триста лет спустя их заново открыл знаменитый историк и писатель Николай Карамзин, который почти полностью опубликовал записки Никитина в своем монументальном труде «История государства Российского». Россия ахнула от изумления и объявила купца-путешественника национальным героем.

«Доселе географы не знали, что честь одного из древнейших описаний европейских путешествий в Индию принадлежит России Иоаннова века... В то время, как Васко да Гама единственно мыслил о возможности найти путь от Африки к Индостану, наш тверитянин уже купечествовал на берегу Малабара...»

А он не был героем, просто обстоятельства сложились так, что альтернативой дальнему и трудному путешествию была только долговая тюрьма. Никитин поставил на кон все — и выиграл. Богатства, правда, так и не нажил — просто не успел.

А если честно, не слишком к богатству стремился.

Детство будущего путешественника было самым обычным для сына небогатого купца. Получил неплохое по тем временам образование, то есть выучился читать и считать. Но сидеть дома было скучно, хотя Европа совсем не манила. Тем не менее, Афанасий еще в молодые годы много ездил по свету, по торговым делам бывал в Византии и Литве. Товар молодого предпринимателя пользовался спросом, и вскоре он стал зажиточным человеком.

Только вот заворожили его сказки о невысказанно богатых южных краях. И постепенно это стало навязчивой идеей: увидеть все своими глазами, побывать там, где никто еще не был.

Средства позволяли совершить любое путешествие, и Афанасий отправился покорять далекую Индию, очень слабо представляя себе, насколько далека эта сказочная страна.

Как и большинство его современников и соотечественников, Афанасий Никитин был человеком глубоко верующим, и в первую очередь именно его вера была испытана его же путешествием.

Для такого рискованного мероприятия необходимо было благословение. И оно было получено:

«И пришел в Калязин монастырь к Святой живоначальной Троице, к Святым мученикам Борису и Глебу. И у игумена Макария и святой братии получил благословение».

Более опытные люди посоветовали ему купить парочку породистых жеребцов: их якобы можно

было продать в Индии за совершенно фантастическую сумму. Никитин так и поступил — приобрел в пограничном персидском городе Армузе породистых скакунов и отправился дальше в компании еще нескольких богатых купцов.

«И привез я, грешный, жеребцов в Индийскую землю; дошел же до Джунира благодаря Бога здоровым, — стоило мне это сто рублей».

Начало путешествия оказалось неудачным: на купцов напала шайка вооруженных разбойников. Отобрали все, спасибо, что жизни не лишили. На жеребцов, правда, не позарились, а больше у Никитина ничего не было, так что он единственный мог продолжить путь.

«И мы, заплавав, разошлись, кто куда: у кого что есть на Руси, и тот пошел на Русь; а который должен, и тот пошел, куда его глаза повели».

Все это в полной мере относилось к самому Никитину. Ведь для путешествия он занял под проценты крупную сумму денег, а так как по законам того времени, как неплатежеспособный должник при возвращении он и его семья неизбежно будут рисковать не только своей свободой, но и жизнью, Никитин решил продолжить путешествие на свой страх и риск.

Ему удалось благополучно добраться до города Чаул — первого индийского города. С возвращением на родину путешественник не торопился. В Индии торговец жил в течение трех лет. Он не терял времени даром, тщательно изучал быт

Афанасий Никитин

и государственное устройство солнечной страны. Все свои наблюдения и выводы путешественник изложил в рукописных трудах.

В этой стране все было удивительным и непривычным. Индийские женщины и детишки разгуливали по улицам своих городов и селений абсолютно голыми. Вначале путешественник думал, что ходить обнаженными женщин и детей заставляет нужда, но это было не так. Очень многие жители удивительной и непостижимой страны носили золотые браслеты, что говорило об их неплохом материальном положении.

Афанасий искренне не понимал, почему индийцы приобретают дорогие украшения и не могут

позволить себе купить одежду. Его удивляло и количество населения, индийцев было очень много, и каждая вторая из женщин была в положении.

Он удивлялся не только обычаям индийцев. Его поражала и природа этой страны, экзотические растения и животные. Здесь он в первый раз увидел змей и обезьян. Он уехал из Индии, полным впечатлений, путешествие показалось ему ярким и красочным.

Но до отъезда было еще очень далеко. Афанасию пришлось пережить серьезные испытания: его несколько раз пытались обратить в ислам, причем не только уговорами, но и недвусмысленными угрозами. Доподлинно неизвестно, стал ли русский купец мусульманином или сумел увернуться. По его запискам невозможно понять, как он поступил.

В своей рукописи Никитин утверждал, что от верной гибели его спас только счастливый случай. Но привел столько цитат из Корана, что вопрос так и остался открытым. Скорее всего, Афанасий принял ислам для вида, оставаясь христианином.

Вообще «Записки» оставляли массу вопросов во всем, что не касалось описания жизни индусов. Неизвестно даже, какой была фамилия отважного купца. В тексте: «Афонасья Микитина сына». Афанасий Никитич, значит. Другая летопись в собственной редакции «Хождения за три моря» (Эттеров список) сообщает:

«...того же году обретох написание Офонаса Тверитина купца, что был в Ындее четыре года, а ходил, сказывает, с Василием Паниным».

Третий источник предлагает такой вариант:

«...в та же лета некто именем Офонасей Микитин сын Тверитин ходил в Ындею и той тверитин Офонасей писал путь хождения своего...»

Складываем все, получаем «тверитянина Афанасия Никитича». Без других подробностей в метрике. Куда же он собрался, куда добрался? Читаем:

«...свещахся с индеяны пойти к Первоти, то их Ерусалим, а по бесерменьский Мягкат, где их бутхана».

Уже интересно. Собрался наш купец пойти с индусами в их святая святых. Афанасий прекрасный филолог, легко перескакивает с родного русского — на «басурманский язык»:

«В Индее же какпа чектур, а учю-зедер: сикишь иларсень ики шитель; акечаны иля атырсень — атле жетель бер; булера достор; а куль караваш учюз: чар фуна хуб...»

Это все кириллицей писано. Но перевод понятен:

«...гулящих женщин много, и потому они дешевые: если имеешь с ней тесную связь, дай два жетеля; хочешь свои деньги на ветер пустить — дай шесть жетелей. Так в сих местах заведено. А рабыни-наложницы дешевы: 4 фуны — хороша...»

Большинство исследователей склоняются к убеждению: перед нами особый шифр, но довольно популярный среди купцов. Текст «Хождения» битком набит персидскими, арабскими, татарскими, староузбекскими, согдианскими архаизмами и словами, целыми фразами неизвестных сейчас наречий. Легендарный «тайный язык хорезмийских купцов», которым и шифрует свои записи наш тверитянин Афанасий.

Помимо хорошего знания «басурманских языков», купец прекрасно ориентируется в вероисповедании земель, куда приходит. Вопросы религий его очень волнуют, к тому же — путешественник прекрасно разбирается в христианском и мусульманском календаре. И... карте звездного неба:

«Во Индеи же бесерменьской, в великом Бедери, смотриль есми на Великую ночь на Великий же день — волосаны да кола в зорю вошьли, а лось головою стоит на восток».

Волосаны и Кола — это Плеяды и Орион, Лось — Большая Медведица. Названия даются на северный манер, как на Руси принято. Но за чужим небом южных стран Афанасий наблюдает очень внимательно, фиксирует мельчайшие изменения лунных циклов на всех отрезках пути, даже политические тонкости подмечает.

«Каждый день встречалось по три города, а в другой и по четыре; от Чаула до Джунира 20 ковов (в «кове» — десять верст), а от Джунира до Бидара 40 ковов, а от Бидара до Кулунгира 9 ковов...»

Много ездил, но очень мало торговал — просто было нечем. Так что торговой выгоды он так и не получил. Афанасий возвратился на родину с пустыми руками, увезти из Индии было нечего, кроме дешевого перца и красок.

Путешествие по жарким странам оказалось очень утомительным. Теперь Афанасий мечтал только о возвращении на родину. После многочисленных и опасных приключений ему это удалось.

Так и неясно, кем же был путешественник. Купцом, который по традициям тех лет любознателен, внимателен, «провешивает караванную тропу»? Или все-таки опытным, проверенным опасными поручениями человеком, отправленным на край земли с некой миссией?

Вторая версия, конечно, более заманчива. К тому же известно, что поручение отправиться в «хождения за три моря» было получено им от

самого великого князя тверского. Вряд ли великий князь стал бы лично встречаться с обычным купцом, даже очень богатым. Тут явно были какие-то важные государственные интересы.

Один, без гроша, товара, книг и карт, отобранных разбойными астраханцами, весной 1468 года путешественник выныривает в землях Персии, тропками Великого шелкового пути крутится в Хорасане и его окрестностях.

«Из Рея пошел в Кашану и тут был месяц. А из Кашана к Найину, потом к Йезду и тут жил месяц.»

На что жил, точнее, выживал? Об этом он писал предельно откровенно:

«А жены их со своими мужьями спят днем, а ночью ходят спать к чужестранцам, да спят с ними, да дают им корм и приносят с собой сахарную еду и вино сахарное, да кормят и поят гостей, чтобы их любили, а любят гостей людей белых, потому что их люди очень черны. А зачет жена от гостя дитя, и мужья дают корм. А родится дитя белое, тогда гостю пошлины триста тенек...»

Слова Никитина не вызывают сомнения, так как об этом же спустя 25 лет писал и португальский мореплаватель Марко Поло. Так что способ выживания, а может быть, заработка, был найден.

Непростой способ. В другом месте «Записок» прорывается:

«А все черные люди злодеи, а женки все <...> колдуны да воры, да обман, да зелье, господ морят ядом.»

*Две памятные монеты Банка России,
посвященные 525-летию путешествия
Афанасия Никитина в Индию. 2 рубля, серебро, 1997 год*

Замечу, что в рукописи нет никаких описаний, интересных купцу: цен на товары, их номенклатура, маршруты доставки, нет описаний рынков. Целый год странствий по богатым торговым городам — и три строчки в записях. На что жил, с кем встречался, как выживал? Неизвестно. Только одно на ум приходит объяснение: Афанасия там встретили как родного.

Почему? Не потому ли, что все-таки принял ислам?

По всей видимости, Никитин сначала просто делал вид, что обратился. Но вскоре он уже назывался на местный манер — Юсуфом Хоресани, затем начал соблюдать обряды ислама. Через всю книгу пронес Никитин свою душевную боль вероотступничества: «А иду я на Русь с думой: погибла вера моя...»

Нет сомнения, что Афанасий Никитин старался хотя бы в душе оставаться православным христианином, но жестокая действительность диктовала свои условия:

«Горе мне, окаянному, с пути истинного сбился и не знаю уже, по какому пути пойду».

Не просто крик, но надрыв слышится в его словах:

«Братья русские христиане, кто хочет пойти в Индийскую землю — оставь веру свою на Руси...»

По всему получается, что был Афанасий Никитин специальным посланником тверского князя и высшего духовенства. Вся его эпопея — это «поиск особого товара для князя». И сейчас, и века назад особым, бесценным товаром была информация. А уж ее-то «купец» набрал более чем достаточно. Только вот зачем?

Скорее всего, затем, чтобы Тверь установила более тесные отношения с богатой Индией, усилила свое могущество, стала главным русским княжеством, ключевым пунктом торговли с Востоком. Случись так, не Москва была бы столицей, а Тверь. Но задуманное не всегда оборачивается реальностью.

Зачем понадобились великому тверскому князю Михаилу Борисовичу алмазы Индии? Версии об украшении короны царской отмечают, видимо, некие важные исторические события вынудили отправить Никитина «за три моря» киселя хлебать. Вопрос тогда стоял острейший: Орда вот-вот падет, кто станет ее правопреемником? Тверь

*Фрагмент памятника
Афанасию Никитину в Твери*

или Москва? В те годы все балансировало на грани.

«Со всех сторон окруженная Московскими владениями, Тверь еще возвышала независимую главу свою, как малый остров среди моря, ежечасно угрожаемый потоплением... Князь Михаил Борисович знал опасность: надлежало по первому слову смиренно оставить трон или защитить себя...» (Карамзин).

Защитить себя... чем? Нужно войско большое, средства на его содержание, наемники из Литвы и Дикого поля. Ордынцев нужно срочно перекупать целыми улусами. Это фантастические расходы. Вот именно в этот момент и посылает Тверь своего сына... Не по мелочи какой размениваться, корицей и гвоздикой пробавляться... Одним ходом — сразу в дамки. Драгоценные камни нужны. Товар компактный, баснословно дорогой в европейских и ордынских землях. Горсть — вот тебе и тумен полнокровный на поход.

Кадр из к/ф «Афанасий Никитин»

Об Индии давно легенды по Руси ходили. Об этой сказочно богатой стране знали из описаний походов Александра Македонского. Туда и направился Афанасий Никитин, сын Тверитин.

Зачем? Ответ очевиден: русско-го купца интересовали... алмазы. И он отыскал рынок этих драгоценностей:

«Камбай — пристань всему Индейскому океану. А в Каликуте — пройти его не дай Бог никакому судну! А родится в нем перец, имбирь, цвет мускат, цинамон, корица, гвоздика, пряное коренье. И все в нем дешево...»

Афанасий писал о похождениях, кружил по всем крупным городам и портам, жаловался и стенал, тосковал по дому. Максимально до-тошно выведывал все тонкости восточной торговли, пошлины, точные маршруты, политические и религиозные особенности земель.

Зачем все это было обыкновенному купцу?

«Да около родятся драгоценные камни, рубины, кристаллы, агаты, смола, хрусталь, наждак... В Пегу же пристань немалая, и живут в нем все индийские дервиши. А родятся в еем драгоценные камни, рубин, яхонт. Продают эти камни дервиши... Мачин и Чин от Бидара четыре месяца идти морем. А делают там жемчуг высшего качества ...

В Райчуре же родится алмаз... Почку алмаза продают по пять рублей, а очень хорошего — по десять рублей, почка же нового алмаза только пять кеней (мелкая монета), черноватого цвета — от четырех до шести кеней, а белый алмаз — одна деньга. Родится алмаз в каменной горе; и продают ту каменную гору, если алмаз новой копи, то по две тысячи золотых фунтов, если же алмаз старой копи, то продают по десять тысяч золотых фунтов за локоть».

Неизвестно, вез ли наш тверитянин домой алмазы, но маршрут прописал досконально. Все выведаль, наказ великого князя исполнил.

И все эти богатства — такие, казалось бы, доступные, снова стали красивой легендой. Путешественник умер на обратном пути домой, в Смоленске. Причина его смерти неизвестна, однако биографы утверждают, что долгое проживание в странах с разным климатом не пошло на пользу Никитину. Хотя он и отличался крепким здоровьем, но и оно не выдержало всех выпавших на его долю тягот.

«Сказывают, что-де — и Смоленска не дошед умер. А писание то своею рукою написал, иже его руки тетради и привезли гости Мамыреву Василью к дьяку великого князя в Москву».

Вот это загадка — так загадка. Самому яркому врагу родной Твери отписал свои бесценные путеводные маршруты? Каким путем возвращался, почему перестал вести записи, был ли при нем «товар»? Афанасий своей смертью хоть помер? Неизвестно...

В любом случае, трагическая смерть Никитина в одном-двух днях пути от конечной цели, будь то Москва или Тверь, должна иметь логическое объяснение. Маловероятно, что внезапно своей смертью умер человек, который смог выжить в столь экстремальных условиях в течение нескольких лет. Тем более что в своих путевых заметках он, если и жалуется, то на муки духовные.

Что свело его в могилу? Незалеченная далекая лихорадка из жарких стран, зима в тот год слишком на Руси лютая, яд... может быть?

Все это не может не привести к мысли, что смерть Афанасия Никитина была насильственной. А то, что все это произошло практически на пороге дома, делает судьбу Никитина вдвойне трагической. По существу, за свое путешествие он заплатил своей жизнью.

А вскоре не стало и тверского Великого Княжества.

«Иоанн в уме своем решил Твери судьбу... Сентября 8-го (1485 г.) осадил Михайлову столицу и зажег предместье. Через два дня явились к нему все тайные его доброжелатели, тверские Князья и Бояре, оставив Государя своего в несчастьи. Михаил видел необходимость или спастись бегством, или отдаться в руки Иоанну; решился на первое, и ночью ушел в Литву... Столь легко исчезло бытие Тверской знаменитой Державы, которая от времен Святого Михаила Ярославича именовалась Великим Княжением и долго спорила с Москвою о первенстве».

Сегодня об удивительном человеке и путешественнике Афанасии Никитине напоминают три памятника: один в Твери, воздвигнутый в 1955 году; другой — в индийском городе Ревданда, открытый в 2002 году, и самый главный — литературный «Хожение за три моря», которое сразу после его смерти доставили в Москву, и где оно было включено в московские летописные своды. А имя его навсегда останется в ряду самих выдающихся путешественников не только России, но и всего мира. □

Дарья Репина — талантливая актриса театра и кино. Она окончила актерский факультет Высшей школы сценических искусств — мастерская Константина Райкина — и сейчас является приглашенной актрисой театра «Сатирикон».

Дарья Репина

«Актер должен уметь слушать и слышать»

Фото из личного архива

— Дарья, как начинался ваш путь, наверное, в детстве, вы мечтали стать актрисой, как и многие девочки?

— Я в детстве всегда любила играть и, когда родители мне показывали какой-нибудь мультфильм, начинала сразу импровизировать, подражать героине, наряжалась, подбирала нужный реквизит. Очень мне нравилась Русалочка, и я, подобно

ей, прыгала в бездну морскую, но только не со скалы, а с дивана...

Мама часто водила меня в театр. В двенадцать лет мы пришли с ней в Сатирикон, на спектакль «Страна любви» в постановке Константина Аркадьевича Райкина, по пьесе-сказке «Снегурочка» Александра Николаевича Островского. Этот спектакль до сих пор в памяти. И до сих пор это мое самое

сильное впечатление от театра. Тот спектакль изменил все во мне, именно тогда мне захотелось на сцену...

— Кто является вашими учителями в профессии?

— Актерская профессия требует постоянного тренинга, развития, и я постоянно учусь, участвуя в любом проекте, будь то театр, кино, учусь у режиссеров, у своих коллег. Актер должен уметь слушать и слышать, уметь перенимать — именно в хорошем смысле этого слова. Гибкость, как мне кажется, одно из

самых важных актерских качеств. Можно по-разному играть у разных режиссеров и при этом не изменять себе.

Сергей Викторович Сотников, актер и режиссер Сатирикона, был одним из первых моих педагогов на курсе. Он всегда верил в меня и, когда я сама теряла веру в себя, мог сказать: «Дашка, ты такая классная!» И эта его фраза меня окрыляла, помогала.

У меня есть мечта — сыграть в спектакле у Сергея Викторовича. Может быть, она осуществится...

Фото
Александра
Россоловского

Слева:
*«Дивный
новый
мир»*

*«Дочери
Лиры»*

Фото
Александра
Россоловского

— Вы учились в Высшей школе сценических искусств Константина Райкина?

— Да, и у нас были замечательные педагоги, сам Константин Аркадьевич, Елена Ивановна Бутенко-Райкина, Марина Дровосекова, Ренат Мамин, мастеров можно перечислять и дальше. Всем педагогам благодарна за то, что сделали из меня актрису и сформировали как личность, как человека.

В школе Наталья Юрьевна Вавилова привила нам любовь к классическому, арт-хаусному кино, ее лекции были всегда самыми любимыми.

После выпуска мне встретились удивительные люди — режиссеры:

Надя Кубайлат — ученица Женовача, она научила меня быть гибкой, Дмитрий Лимбос, ученик Кудряшова, научил меня экспериментировать, ничего не бояться в профессии, Микита Ильинчик — ученик Каменьковича и Крымова, убедил, что в театре возможно все...

В кино я снималась у Виктории Клиповой, в главной роли, в картине «О чем горит звезда», и она мне многое дала как актрисе. Были сложные съемки, но по приобретенному опыту это было как несколько лет обучения в киношколе. Сто страниц твоего текста — и в них полный спектр актерской игры. В этой роли есть все — и драма, и комедия, и слезы, и страдания...

— Вы постоянно играете в Сатириконе?

— Я — приглашенная актриса. С детских лет люблю этот театр, в нем есть мощная энергия, большая отдача, с которой играют артисты. Театр — это живой организм. Это важно и ценно, когда актеры полностью выкладываются на сцене, тогда происходит обмен энергией с залом.

Если ты играл в Сатириконе, то в любом другом театре тебе будет проще. Умение круглосуточно «пахать», выносливость. Здесь воспитывают характер! Никогда не схалтурят — всегда играют как в последний раз. И все это мне пригодилось на съемках.

Когда училась в одиннадцатом классе, много раз ходила на один и тот же спектакль в Сатирикон и замечала, что всегда актеры играли честно, а в других театрах, при просмотре в пятый раз одного и того же спектакля, меня почему-то уже ничего не трогало, что-то переставало работать.

— Дарья, вы пробуете себя не только в актерской профессии?

— Раньше считалось, что успех — это когда двадцать лет актер служит в одном театре и верен только ему, а сейчас другое время, и это здорово, что ты можешь играть на разных площадках и еще совмещать свою деятельность с чем-то другим. Это все не отнимает силы, а, наоборот, дает второе дыхание. Иногда я задумываюсь о режиссер-

ской профессии и недавно продюсировала свой первый короткометражный фильм.

Работаю еще и как арт-директор «Циферблата» на Кузнецком Мосту. Это «свободное пространство» для всех, и у нас можно интересно провести досуг, каждый день происходит что-то интересное.

Мы проводим и так называемые киноклубы. Мой друг, Егор Дроздов, выбирает для показа фильмы на иностранных языках, раз в неделю смотрим, потом обсуждаем.

Я посмотрела всего «Властелина колец» на языке оригинала, очень помогает в наше непростое время, при отсутствии языковой практики, поддерживать свои познания в английском языке.

— А какие фильмы предпочитаете смотреть?

— Максимально разные. В силу профессии я должна быть в курсе происходящего, что снимают сейчас.

— В наше сложное пандемическое время трудно выходить на сцену?

— В театре сейчас особенно чувствуется, где фальш и «нафталин», где хотят, что называется, «айпануть», быстро заработать, и очень остро ощущается искренность, самоотдача, честность — зритель сегодня более чувствителен, более тонок. И нельзя играть по принципу «зритель все схавает».

Фото
Юлии Солодовниковой,
Musecube.org

— Какие люди вам импонируют в жизни?

— Мне повезло с окружением, люблю волевых, смелых, устремленных, свободных, ярких, красивых людей!

— Как вы думаете, что может погубить человека в жизни?

— Страх — это самое опасное. Страх убивает. Страх парализует.

— Вы любите путешествовать?

— С детства много путешествовала с родителями. Потом выезжала за рубеж уже самостоятельно. Могла бы быть тревел-блогером, так как объездила всю Европу, Лондон знаю, наверное, даже лучше, чем Москву, хожу по нему без карт,

могу водить экскурсии и много интересного рассказать об этом городе. Своих друзей консультирую, как можно без особых затрат путешествовать по миру.

— Что хотели бы пожелать сегодняшнему зрителю?

— Быть добрее. Сейчас век Интернета, и любому актеру в социальных сетях любой человек может написать что угодно. Будьте снисходительнее. Хвалите, дарите цветы, приходите в театр в красивой одежде, потому что магия должна быть не только на сцене, но и в зрительном зале.

Смотрите хорошие спектакли.

Все, что может спасти нас, — это Искусство и Любовь. □

Беседовала **Елена Воробьева**

Ирина Опимах

ОДНА КАРТИНА И ТРИ ХУДОЖНИКА

В истории этой картины переплелись судьбы трех художников, одного француза и двух американцев — великого Клода Моне и его последователей, «отцов» американского импрессионизма, двух Теодоров — Теодора Робинсона и Теодора Батлера.

Клод Моне

Теодор Робинсон

Теодор Батлер

В 1883 году Моне, уже неплохо зарабатывавший, скопил некоторую сумму и приобрел землю в Нормандии, в живописной деревушке Живерни. С огромным энтузиазмом он принялся обустроить дом, который украсили картины его самого и его друзей-художников, но главным для него стал сад — с цветами, деревьями, прудами, в которых росли лилии и кувшинки, постепенно ставшие его излюбленными моделями.

Моне очень любил Живерни. Вот и 1887 год он весь провел там — за-

канчивал начатые ранее картины, наблюдал за своим садом, глядя, как времена года сменяют друг друга. И общался со своим большим семейством, которое тосковало, когда он по тем или иным причинам покидал их.

И как всегда, вдохновенно писал цветы, свой сад, а еще детей, его собственных и детей Эрнеста и Алисы Ошеде, которые повзрослели и похорошели. На его картинах этого времени — мальчики, ловящие рыбу, девушки — читающие, гуляю-

щие, рисующие... Особенно ему нравилось писать свою падчерицу Сюзанну — с книгой в руках, погруженную в чтение или гуляющую под зонтиком на фоне бурного цветения его сада...

Но жить в деревне, общаться только с детьми и Алисой Ошеде,

слегка скучновато. И он разослал письма своим друзьям, приглашая их к себе в гости. «Приезжайте ко мне в деревню», — писал Моне писателю Октаву Мирбо, скульптору Огюсту Родену, доктору Жоржу де Белио. Звал он к себе в Живерни и своих новых американских приятелей,

Теодор Робинсон. «Свадебный марш».

Свадьба Теодора Батлера и Сюзанны Ошеде, падчерицы Клода Моне

ставшей после смерти жены (в 1879 году) его самым близким другом, любимой женщиной (кстати, уже родившей от него в 1877 году сына Жана-Пьера), — это было для него

лей, художников, чье творчество было ему очень близко. Это — Джон Сарджент и Теодор Робинсон. Робинсон сразу откликнулся на зов Моне и приехал в Живерни.

«Сюзанна Ошеде»

Справа:

*«Девочка в саду
Живерни»*

Художнику Теодору Робинсону было к тому времени 35 лет. Сын методистского священника Или Робинсона, он с детства страдал приступами астмы. Чтобы мальчик вел более спокойный образ жизни, не бегал и не прыгал, что могло вызвать приступы болезни, миссис Эллен Робинсон усаживала сына за стол, давала ему краски и бумагу и таким образом приобщила к рисованию.

А у Теодора оказался талант, в 1870 году он даже поступил в Художественный институт в Чикаго и учился там, пока астма не заставила его перебраться в Колорадо — тут ему дышалось легче.

В 1874 году Робинсон поступил в Национальную академию дизайна в Нью-Йорке, а затем, два года спустя, отправился в Европу, в Париж — ведь только там можно было понять и почувствовать, что такое настоя-

щее искусство. Он учился сначала в студии Эмиля Огюста Каролуса-Дюрана, а затем — у Жана-Леона Жерома. И его усилия были вознаграждены — в 1877 году одна из его картин была принята на выставку в Салон!

Вернувшись в США, он преподавал живопись, работал декоратором, а потом все-таки снова вернулся во Францию. В Париже Теодор и познакомился с Моне, которому очень понравились картины Робинсона и то, с каким вдохновением, с каким увлечением он работал над своими полотнами. А потому неудивительно, что Моне, соскучившись по общению, позвал американца в Живерни.

Моне нельзя было назвать любителем больших компаний, и, уж тем более, он не любил молодых художников, непрерывно жаждущих и ждущих от него каких-либо указаний и откровений. Но вот с Робинсоном он проводил время с большим удовольствием — они гуляли, разговаривали, нередко обедали и ужинали вместе. Теодор искренне восхищался тем, что делал в искусстве его старший товарищ, а Моне высоко оценивал работы Робинсона.

Постепенно в Живерни возникла настоящая колония американских художников. И вскоре местная бакалейная лавка мадам Боде, служившая и как кафе, выглядела уже как

*«В лесу
Живерни»
(Сюзанна Ошеде
читает,
Блани Ошеде —
за мольбертом)*

настоящий салун! Тут пели, плясали, пили и спорили. Ночевать американцам было поначалу негде, и мадам и месье Боди уступили им свои комнаты, а потом приспособили для жилых комнат другие помещения, прикупили подушек, матрасов и одеял, и лавочка Бодэ превратилась в гостиницу Бодэ. Супруги даже организовали для своих постояльцев возможность покупать краски и холсты! Ну что не сделаешь для обожаемых клиентов!

Однажды у Бодэ появился новый постоялец — тоже американец, близкий друг Робинсона Теодор Батлер. Это был настоящий красавец и настоящий джентльмен — высокий, стройный, элегантный, с аккуратно подстриженной бородкой

и небольшой лысиной. У него было две страсти — живопись, а писал он великолепно, и катание на коньках. И вот как-то зимой на местном катке он познакомился с очаровательной Сюзанной Ошеде, любимой моделью Моне, той самой читающей или гуляющей девушкой с его полотен. Грациозная, тоненькая, нежная Сюзанна покорила сердце американца. И настал момент, когда он сказал ей: «I love you!»

В эти дни Моне рисовал в Руане свою знаменитую серию полотен с Руанским собором. О страстях, бушевавших в Живерни, Моне рассказала мама Сюзанны Алиса Ошеде.

Моне был взбешен! Стоило ему уехать, и сразу начались какие-то непотребства! Как смеет этот аме-

риканец ухаживать за его любимой девочкой!

«Я поражен тем, что происходит в мое отсутствие! — писал он Алисе. — То, что нам известно об этом искателе приключений, не внушает мне никакого доверия! Вы обязаны от имени дочери отказать этому американцу — это народ, у которого нет ни документов, ни понятия о гражданском состоянии! Иметь с ними дело — все равно, что играть в лотерею! И потом, что за глупость — выходить замуж за художника, который ничего собой не представляет? Если только у них не безумная любовь, дайте ему понять, что у него нет ни малейшей надежды».

Моне был настолько вне себя, что даже угрожал продать дом в Живерни!

«Все равно, будет это продолжаться с вашего попустительства или нет, я больше не могу здесь оставаться...» — предупреждал он Алису в следующем письме.

Но разумная Алиса, прежде чем принимать какое-либо решение, захотела навести справки и разобратся — что же это за человек, Теодор Батлер, столь пылко ухаживающий за ее дочерью?

Оказалось, что ему около 30, что он родился в Колумбусе, штат Огайо, в весьма приличной семье. Решив посвятить себя искусству, учился в Нью-Йорке, а потом приехал в Париж, где брал уроки в Гранд-Шомьер, Академии Коларосси и Академии Жюлиана, а также у Каролюс-Дюрана, и уже в 1888 году был удо-

стоен поощрительной премии Парижского салона за картину «Вдова». Каролюс-Дюран рассказал ему о Моне и Живерни, и Батлер решил отправиться туда вслед за другими своими знакомыми, художниками-американцами.

Но в Живерни его ждала не только встреча с выдающимся художником, но и с его очаровательной падчерицей...

Моне, относившийся к Сюзанне как к дочери, страшно ее ревновал и совсем не был готов видеть ее чьей-то женой. Но — пришлось смириться. Сюзанна была явно влюблена, а он так хотел, чтобы его любимая девочка была счастлива. И если для этого она должна выйти замуж, что ж, он не может ей помешать.

И вот 20 июля 1892 года, спустя десять дней после собственной женитьбы (Алиса Ошеде наконец-то получила статус его законной супруги!), Моне снова шел под сводами церкви Святой Радегонды. На сей раз он вел под руку ослабевшую от волнения Сюзанну, наряженную в элегантное свадебное белое платье. Вел, чтобы отдать в руки этого милого янки Батлера.

Тот день навсегда остался в истории мирового искусства — друг Батлера и Моне Теодор Робинсон запечатлел его на своей картине «Свадебный марш». В ней столько солнца, света, воздуха и счастья...

Через год у супругов Батлеров появился сын Джимми, а еще через год — дочь Лилли. Им было очень хорошо друг с другом, в их доме ца-

рила любовь. Но счастье оказалось недолгим, оно продолжалось 7 лет — 6 февраля 1899 года Сюзанна Батлер умерла. Это был страшный удар для всего семейства Моне-Ошеде-Батлеров. Заботу о детишках взяла на себя сестра Сюзанны Марта. Она стала близким человеком Теодору, и в 1900 году он женился на ней.

Но эту свадьбу Робинсон уже не мог запечатлеть на картине — он вернулся в США в 1893 году, прожив в Живерни 8 лет. Преподавал, зарабатывая таким образом на жизнь, поскольку картины его на родине тогда еще популярностью не пользовались, и никто особенно не стремился купить его «импрессионистскую мазню» — в США общество еще не созрело до понимания нового искусства. Теодор Робинсон умер в 1896 году в Нью-Йорке от острого приступа астмы. Ему было всего 44 года!

В 1914 году семейство Батлеров переехало в Нью-Йорк, Батлер активно работал — и как художник, и как общественный деятель, они с Мартой принимали участие в работе Общества Красного Креста. В 1921 году они вернулись в Живерни. Тут был их настоящий дом. Тут жил Моне...

Последние годы Моне были поистине трагичными — он стремительно терял зрение. Можно себе представить, что это означало для него, художника, который раньше как никто мог видеть красоту природы, красоту мира, в котором он жил... Доктора пытались ему помочь, делали операции, но... Однако Моне не сдавался и работал, работал. Кто знает, по ка-

ким законам, руководствуясь какими чувствами он писал свои нескончаемые кувшинки, своих нимфей, творя эти огромные полотна, насыщенные светом и цветом...

14 июня 1926 года в его жизни случился последний праздник — выходила замуж Лилли, дочь Сюзанны и Теодора Батлеров. Ее мужем стал парижский декоратор и художник Роже Луи Фердинан Тильгуа. В их доме в Живерни собирался цвет парижской богемы — Тристан Тцара, Эрнест Хемингуэй, Андре Бретон и Луи Арагон, который позже напишет великий французский роман «Орельяна», где оживут прекрасные пейзажи Живерни и сам великий хозяин этой земли Клод Моне.

5 декабря 1926 года его не стало. Рак легких. Несмотря на тяжкие потери, несмотря на то, что ему часто приходилось очень нелегко, Моне прожил долгую жизнь — он умер, когда ему исполнилось 86 лет. Его прах был похоронен в семейной усыпальнице, рядом с могилами Алисы, сына Жана, убитого в 1914 году болезнью, и очаровательной Сюзанны, покинувшей мир в расцвете лет в 1899 году.

Теодор Батлер пережил своих друзей на 10 лет. Он умер в 1936 году, когда и он, и его друг Теодор Робинсон уже считались классиками американского искусства, отцами американского импрессионизма, и их картины украшали собрания лучших музеев мира.

А картина Робинсона «Свадебный марш», на которой герои этой исто-

*«На прогулке»
(Сюзанна
Ошеде)*

рии еще живы и так счастливы, хранится в чикагском Музее американского искусства Терра. И улица, по которой идет свадебная процессия, практически ничем не отличается от этой же улицы в сегодняшнем Живерни. Там так же летом светит солнце, такое же голубое небо, и такого же цвета стены домов... Так же и сегодня в Живерни приезжают художники и просто любители живописи со всего света — прикоснуться к кра-

соте этой земли, полюбоваться этим миром, созданным когда-то Моне для себя и своих любимых людей.

(Кстати, сын Батлера Джеймс тоже стал художником. А сестра Теодора Батлера Мэри Элизабет Шелдон, урожденная Батлер (1849–1897), — прабабушка по отцовской линии президента США Джорджа Буша-старшего и прапрабабушка президента США Джорджа Буша.) □

КРАСОТА— ЭТО СИМВОЛ СИМВОЛОВ!

Фото из личного архива

... Мне всегда хочется задать вопрос признанному художнику, прошедшему все петлистые тропы жизненных испытаний и многотрудных творческих дорог:

— А как ЭТО у вас началось?.. Откуда эта неумная страсть к рисованию, к безудержной «визуальной вольнице», магической тайне — изображать этот загадочный божественный мир, и всю свою человеческую жизнь пытаться уловить, воссоздать неповторимые краски, формы, ритмы и образы?! Еще и наполнить изобразительные «феерии»

жизнью... вдохнуть живые эмоции, наполнить их светом, собрать все фрагменты и детали в гармоничную картину, освященную магически — притягательной силой красоты?!

Задаю свой «банальный вопрос» улыбчивому собеседнику с очень живыми и очень молодыми глазами, художнику Владимиру Николаевичу Пронину, дружески пригласившему меня в свою мастерскую, рядом с метро «Шаболовская».

Но... неожиданно вместо ответа произошла молчаливая метаморфоза с лицом моего собесед-

ника. Улыбка, будто снятая в рапиде (замедленная съемка), медленно исчезает, и я понимаю — он теперь уже не здесь, не со мной в его мастерской, он в своем «далеком — близком» и, похоже, мигом забыл обо мне...

Владимир Николаевич долго молчал, а затем... я услышал тихий рассказ о карандашах, акварельных красках, о репродукциях «великих» картин, которые он коллекционировал, о том, как читал книги о художниках и порой «зачитывался» до поздней ночи, и, тогда мама приходила в его комнату и задувала керосинку... Слово «художник»

волновало его, он тайно мечтал, что обязательно станет настоящим живописцем... Но сформулировать для себя это далеко запрятанное в глубины детской душонки желание никак не мог. Боялся, что ли? Не верил сам себе, что сможет так рисовать, как те мастера, перед репродукциями которых у него перехватывало дыхание. А еще его ошарашивала мысль, что и его картины будут печатать в журналах и книгах... Это казалось невозможным, ну, просто ни-ког-да!..

Родился Владимир Николаевич в подмосковном Красногорске.

И, похоже, не прошли бесследно те радостные часы с карандашами и красками. Восторженные всплески радости будоражили сознание и душу, от нечаянных проб цветowych фейерверков, которые сам же и рисовал карандашами, добавляя красочных эффектов акварелью...

— Крепко зацепила меня тогда веселая «возня» с красками! — усмехнулся Владимир Николаевич и уже серьезно продолжил: — Волновали меня все эти цвета и после занятий. Те нарисованные картинки долго еще оставались в моей по-детски цепкой памяти, и порой я стал замечать, что в разыгравшемся воображении вдруг

пытаюсь перекрасить свой рисунок, сделать его еще ярче, цветней и, что с самых первых шагов было для меня очень и очень важно, — красивей! Обязательно — красивей!

Из-за этого волнения от красок и красоты картин на репродукциях я забросил все другие мальчишеские увлечения. Не стал бегать на школьный двор, где мы с ребятами обычно играли в футбол. Правда, кроме рисования осталось еще коллекционирование бабочек, но тоже — обязательно только красивых!..

В итоге поступил в Федоскинскую школу миниатюрной живописи. Вот только вспомнил, и мигом, как в сказке, передо мной

явился мой педагог Василий Ильич Дюжаев. И другой учитель живописи — Городилин...

Почему именно в эту школу поступил? Прежде всего потому, что там не было сумасшедших конкурсов, как в московских художественных училищах. Все-таки Федоскино — это село. Вот и получилось — все рвались в Москву, а я против этого оголтелого течения — из Москвы...

Тогда казалось, что из-за конкурса поступил в эту школу. Но нет, то было судьбоносное для всей моей жизни решение... Только сейчас мне это понятно, а тогда... все делалось на ощупь, как и полагается «подслеповатому щенку».

Федоскинское училище — это народные промыслы. Это «народная картинка», декоративно-художественное украшение быта и жизни человека. Это истинное искусство, зародившееся во мгле веков... Ну и, конечно, что очень важно лично мне как художнику — красота! Стремление к гармонии красок, форм, емких выразительных плоскостей, сбалансированных композиционных решений, многозначных идей! И, кроме всего, — украшение жизни! А это — божественное деяние! Все вечный гимн жизни и красоте! И так неуместно здесь эстетское презрение «утонченных знатоков-тусовщиков» к слову «красота». Потому что неумная жажда красоты —

путь священный, и я... устремлен к ней и сегодня...

Поступление в Федоскинскую школу было точным попаданием, словно драгоценная находка моего становления на тропу будущего творчества!

Я с первых дней занятий был захвачен историей лаковой живописи и историей нашего федоскинского промысла, работы мастеров которого давно знали и ценили во всем мире.

Слава богу, четыре промысла лаковой миниатюры еще остались и производят «продукт» в России: — Палех, Мстера, Холуй и наше Федоскино! Кстати, именно с федоскинской шкатулки и начался на Руси лаковый промысел...

Я в буквальном смысле «нырнул» в историю. Едва дотаскивал до дома сумку, набитую книгами из библиотеки училища по этим не дававшим мне покоя темам и вопросам, с жадностью набрасывался — читал и читал...порой до серо-голубых квадратов в стеклах оконных рам — так незаметно обозначался утренний рассвет...

Я был изумлен — оказалось, федоскинский промысел был заложен еще в 1795 году. А совершил это благородное деяние владелец небольшой подмосковной фабрики, которая выпускала лакированные козырьки для фуражек и военных масок, некто купец Коробов. Он решил запустить про-

изводство лаковых табакерок. Так я узнал, что федоскинская живопись — вид русской лаковой миниатюры — писалась масляными красками на папье-маше. Федоскинская лаковая миниатюра исполняется в три-четыре слоя — последовательно. Замалевок (это общий набросок композиции), пропись или перемалевка (более детальная проработка), лессировка изображения прозрачными красками и бликовка (завершение работы светлыми красками, передающими блики на предметах) и так далее — до последнего мазка.

В 1910 году десять мастеров лаковой миниатюры учредили «Федоскинскую трудовую артель». Так в мир русского искусства влился еще один «ручеек поистине народного творчества» — появилась Федоскинская лаковая миниатюрная живопись!

И, конечно, ориентация на зрителя и потенциального покупателя. Ведь так называемые ценители искусства хохочут от одного упоминания о зрителе, народе, для которого художник творит...

Школу я окончил хорошо...но по окончании опять оказался в селе, теперь в другом — Жостове. Поступил на работу в Жостовскую фабрику декоративной росписи. Проработал два месяца — призвали в доблестную Советскую армию.

С местом службы повезло, далеко не увозили — остался в родном Подмосковье. Служил в Загорянской части (подмосковный поселок Загорянка). И, как обычно случается с выпускниками художественных заведений, работал художником, так сказать — по профессии. И недалеко от дома, что тоже было важно. Служил отлично, присвоили звание ефрейтора, стало быть, был не плохим советским солдатом!

А когда честно отдал долг родине, решил, что необходимо получить диплом о высшем образовании. Я не грезил, скажем, Суриковским или Строгановкой. Ездил даже в Архитектурный, но там... мой пыл сразу унял экзамен по математике... С этим предметом у меня были большие нелады, и больше «хилой троечки» я никогда не получал, а здесь — МАРХИ! Московский Архитектурный Институт!!! Одним словом, ушел оттуда, как сказал поэт Некрасов, «солнцем палимый»...И здесь очень вовремя мне пришла подсказка, даже не помню, от кого из друзей, что в Текстильном институте в Москве есть декоративно-оформительское отделение. Дальше — дело техники, я поступил и теперь скажу — то был благословенный жест судьбы!

В институте меня тоже ждал подарок судьбы — два любимых педагога! Дмитрий Николаевич

Домогацкий преподавал живопись и рисунок. Не забыть вовек его почти пророческие слова: «Живопись — это верный цвет на нужном месте!» Ах, как точны слова учителя, и что судьбоносно: истинный смысл их мы осознали лишь спустя годы работы, жизни, профессиональной зрелости.

Второй педагог-любимчик, заведующий кафедрой композиции, профессор Вячеслав Николаевич Козлов.

Это были счастливейшие годы учебы в Текстильном!

Кстати, учился я с Егором Зайцевым, сыном знаменитого кутюрье Вячеслава Зайцева. Очень хороший парень, талантливый, и без «мании величия», слава богу!

Словом, дух захватывало от студенческой жизни. Так много узнавали нового, постоянно рисовали и писали, носились по музеям и выставкам. В этом смысле Москва, конечно, незаменима...

И, быть может, от такой насыщенности радостью творчества и молодостью совершенно незаметно пролетели сладостные студенческие годы. Бывает, в минуты усталости и упадка сил так помогают воспоминания о тех незабвенных денечках. Подумаешь, вспомнишь, и вдруг замечаешь — мигом взбодрился, ожил, опять готов к работе — словно необъяснимая колдовская магия подействовала...

В советские времена в стране была отлаженная система распределения на работу окончивших вуз. Об этом заботилось государство. Меня направили в Московский ткацко-отделочный комбинат (МТОК). Проработал там два с половиной года. Я очень старался, трудился, как говорится, «с упоением»! Именно тогда и появились у меня первые успехи. Потому что были первые, они и запомнились навсегда. Три моих ткани были представлены на Всесоюзном смотре. Тогда же получил и свою первую в жизни денежную премию. Две ткани получили «Знак качества», а это в советское время была наивысшая оценка работы. А еще мне вручили грамоты за активное участие в культмассовой работе (я руководил театральной студией).

Но, несмотря на это, я постоянно чувствовал какую-то душевную неустойчивость — меня все время куда-то тянуло — душа устремлялась в неведомое. Эта неудовлетворенность терзала меня постоянно, в результате я все же решил перейти в Реставрационные мастерские Московской области. Это был, по сути, Художественный комбинат, который занимался архитектурной реставрацией, а точнее, предприятие называлось «Мособлреставрация»... Там я занимался росписью стен на заданные темы и просто

покраской в определенных колоритах, реставрацией гипсовых изделий и отливкой новых — для интерьеров. А еще восстановлением орнаментов по останкам элементов — отрисовка и перенос на стены...

Наиболее запомнились объекты: Центральные бани, арабско-мавританский зал. Интересной была работа в мемориальном доме П.И. Чайковского, в подмосковном Клину, а еще — Дом отдыха в Вороново. Голландский домик...

Здесь меня и застало судьбоносное событие, которое перевернуло не только мою жизнь, но и жизнь людей всей страны. И, конечно, их судьбы.

Грянула перестройка! В стране началось «великое роение» вместо обычной жизни. Словно «квадратно-гнездовым способом» тиражировались кооперативы, разрешили частную торговлю, все эти палатки... ну и иные «прелести» зарождающегося капитализма. Властно зашагал по жизни величайший социальный хаос — все смешалось!... Еще вчера очень значимое мигом обесценилось, потеряло уровень своих притязаний. Первые жесткие уроки были просты и банальны, но от бешеной скорости перемен — не ожидаемы, и, как удар хлыста, беспощадны, нестерпимо болезненны... — Владимир Николаевич вздохнул и,

чему-то усмехнувшись, тихо продолжил: — Еще во время работы в «реставрации» были варианты проехаться за границу, посмотреть, как там живут, творят и зарабатывают «забугорные» коллеги-художники. Но и себе, и друзьям тогда категорически сказал: «Пока не найду свой стиль... или, точнее, что-то очень узнаваемое... «свое», шагу никуда не сделаю! Это я так говорил, но целенаправленных поисков «своего стиля» не предпринимал. То есть, конечно, что-то пробовал, но это было бессистемно и спонтанно, поэтому и не предвещало серьезного результата.

— А как все же появилось и оформилось ваше течение или стиль, ваш «Орнаментальный неосимволизм?» — не удержавшись, спросил я.

Владимир Николаевич в ответ улыбнулся:

— Если честно, я ничего не искал — открылось... наи-ти-ем! Может, смешно звучит, но это — истинная правда! А «наитие» все же существует... хотя это загадочная субстанция, и никто ее в реалиях не видел... Таинственное Оно!..

«...И независимая лира чужда была страстям земным, звуча наитием святым!» — нараспев продекламировал он и добавил: — Это начертал «не дядя Афоня», а боль-

шой русский поэт Языков... Стало быть, это самое наитие творцам давно известно... Проще сказать, это «снишествие» создалось в душе само, как бы вдохновением, таинственной, неведомой, но, безусловно, высшей силой!

Фоном жизни в то беспокойное, порой просто сумасшедшее время была перестройка. Кооперативы. Я тоже неожиданно оказался в одной из таких коопераций, расписывал стены, делал прочую «оформилровку» в общепитовских заведениях, которые теперь становились частными. Кафе, пивнухи, рестораны, прочие забегаловки... Работенка была, что называется, на износ! Здесь

не было никаких худсоветов и прочих интеллигентских разговоров об искусстве. Вместо них явились хозяева-наторишы. Все стало просто — намалевал, понравилось — заплатили. Не понравилось — пшел вон!... и все! Не будешь ведь с этими бандюками судиться — вообще прикончат... из-за угла. Но выбора, увы, не было. «Ура! Перестройка!! Ура!!» — орали день и ночь по «ящичку» и вообще — повсюду...

Однажды поздним вечером я заехал к маме. Весь замызганный, ни рук, ни ног уже не чувявший от усталости. Часов пятнадцать на лесах просидел... сказочных русалок...

Мама сразу все поняла. Уложила на диван отдохнуть, а сама кинулась приготовить мне ужин. Я прилег, и неожиданно — совершенно непонятно и по сей день, почему — мне вдруг представилась Мать Божья, или, по-иностранному, Мадонна с ребеночком. И картинки, а их, показалось, было много, в моем внутреннем видении поплыли как в слайд-программе — одна за одной...

Я встал, прошел в другую комнату, плюхнулся в кресло, закрыл глаза и опять увидел ее — Мадонну! Она оказалась ...кубистической... Я боялся открыть глаза — вдруг это божественное видение исчезнет. Так и сидел, прикрыв веки и продолжая смотреть на мистическое явление.

Даже не помню, как ушел от мамы, настолько отключился от реальности. Очнулся только за работой — я торопливо делал аппликацию. Пытался выклеить свое видение с помощью нескольких журналов «Америка». Ножницами вырезал квадраты, треугольники и другие формы и почти лихорадочно, торопливо клеил все это на лист бумаги, собирал композицию, которая так нежданно явилась мне в воображении.

Вот после этого фантастического, почти мистического случая, я и увидел свой стиль. Не четко и окончательно, но главное в этом чудодейственном видении уже

было. Я назвал это просто, придерживаясь сути, — орнаментальная основа... Стало быть — орнаментальный... А орнамент в переводе означает украшение, нео — новый, символизм, ну это можно перевести и понимать как информацию. И получилось — украшение новой информации (естественно, визуальной). Так и оставил...

В сущности, я создаю информативно-декорационную живопись, и нет у меня многосложных философских подоплек. И «манифестов» я не писал... Прав был великий Ренуар, когда говорил: «Живопись смотрят, а не рассказывают!»

И теперь, казалось бы, когда все определилось, я должен был писать только так. Но!... Да-да, опять «но». Я твердо решил «войти в этот новый стиль», опробовать его и, проще говоря, вжиться, слиться с ним душой и личным, и своим личным духовным художественным сознанием. Вот для этого написал 15 работ и попытался трезво оценить, что же у меня получилось... Редко бывает, но, на удивление самому себе, результатом я остался доволен, почувствовал — все новое в этих работах стало истинно моим, как говорится, прижилось, чему я был несказанно рад и чувствовал себя победителем.

А судьбоносные чудеса тоже не прекратились. Едва я определился со своей таинственной наход-

кой — звонок телефона. Какой-то незнакомый мне человек сказал в трубку:

— С вами хочет встретиться американский продюсер и галерист, словом, бизнесмен, интересующийся живописью.

— Да, непременно буду, спасибо! — не думая ни секунды, буквально на автомате ответил я.

И так же, не раздумывая, рванул на ту встречу. Состоялась она на Краснопресненской в бизнес-центре.

Предложили на выбор Нью-Йорк или Майями-Бич. Сам не знаю, почему, но я выбрал Майями. И, думаю, сделал правильно. Подписал договор и стал готовиться к отъезду в Штаты. Но вдруг случилась беда с мамочкой... Инсульт и частично — паралич, словом, несчастье, поэтому пришлось мне остаться. А когда маме стало немного лучше, она сама сказала, чтобы я выполнил свой договор, и стала уговаривать меня уехать. Мне удалось найти сиделку для мамы, и только после этого я вылетел в Америку, где проработал три года...

Вернувшись домой, сразу попытался вновь наладить свою творческую жизнь. То есть устроить мастерскую и писать... Вступил в Союз дизайнеров, завязались кое-какие творческие планы с Российским Фондом культуры. Где-то в

это время меня пригласили преподавать. Вскоре снова стал участвовать в различных выставках, где однажды и познакомился с Леонидом Феодором, нынешним Президентом Евразийского Художественного Союза. Он и пригласил вступить в это только что организовавшееся содружество художников. Мне предложили возглавить секцию «ОРНЕОС» — «Орнаментальный неосимволизм», что я и сделал незамедлительно. Теперь предстояло самое трудное — собрать интересный, заинтересованный, творческий коллектив единомышленников. И, конечно, художников талантливых, дерзких, ищущих! Необходимо, чтобы были мастера с высоким творческим градусом и страстным желанием созидать, работать, творить вечную властительницу жизни — красоту! Ведь именно она и стала первопричиной моей детской возни с цветными карандашами и акварелью, а позднее — моих профессиональных занятий искусством, да просто погружения в иную реальность — в совершенно бездонный неохватный мир изобразительного искусства. «Красота есть во всем, но не всем дано это видеть», — говорил мудрец Конфуций. Даже не седая, а «пепельная» древность... Но! Он уже тогда... тоже думал об этой магии и тайне... А вот слова французского живописца Камилля Писсарро: «Счастлив тот, кто может разглядеть кра-

соту в обычных вещах, там, где другие ничего не видят»... Или же слова другого француза — писателя Стендаля: «Красота есть не что иное, как обещание счастья!» Ну, это прямо философская доктрина. А эстет Оскар Уайльд продолжил эту мысль: «У красоты смыслов столько же, сколько у человека настроений. Красота — это символ символов. Красота нам открывает все, поскольку не выражает ничего». А великий русский композитор Михаил Иванович Глинка, будто заглянув в собственную душу, вздохнул и тихонько шепнул: «Чтобы красоту создать, надо самому быть чистым душой!»...

Услышав эти слова художника, я подумал: «Ну, Владимир Николаевич, у вас счастливейшее совпадение... точнее сказать, сочетание ваших живописных эпопей и... вашей личности! Да-да, личности прекрасного, излучающего доброту и радость человека! Вы из тех светоносных художников, которые живут и творят "на стороне Света", высекая из хаоса многотрудного бытия драгоценные искорки — крупинки божественной красоты!»

Но этих слов я не произнес. Смутили бы они по-простому доброго и искреннего человека, скромного мастера-художника, поэтому я только вздохнул...

Мы долго молчали... Я был немного растерян совершенно безоглядной искренностью и непри-

крытым чистосердечием художника. Нынче такие откровения и «распахнутость чувств» не в чести... Мне приоткрылось и то, что я не мог видеть — педагогическая деятельность мастера. Преподает Владимир Николаевич в Российском государственном университете имени А.Н. Косыгина, в Институте искусств на кафедре рисунка и живописи. А еще ведет занятия по композиции на кафедре тележурналистики...

Работая над этим материалом, я, конечно, общался и со студентами Владимира Николаевича. И стало понятно, почему его уважают и любят студенты. Похоже, верно говорится — если человек талантлив в одном — он непременно проявляет эту талантливость и в других сферах своей деятельности.

Он — старший товарищ по искусству. Всегда помогает, объясняет и показывает — словом, учит по-настоящему. Доступен, отзывчив и, по сути своей, очень добрый человек! Подобные люди всегда обладают магией притяжения, и наш Владимир Николаевич из таких...

Общаться с ним, учиться у него, — большая радость и удача! Его как-то педагогом называть не хочется. Потому что он — настоящий учитель! В самом древнем понимании и толковании этого слова.

Творческая жизнь мастера продолжается... Ведь искусство и творчество — вечны!.. □

Лев Прыгунов, один из ярчайших актеров советского кино, в этом году отметил 60-летие творческой деятельности. Причем на съемочной площадке! Он по-прежнему в отличной форме, в свободное от съемок время пишет картины и занимается литературным творчеством. Свой новый автобиографический роман Лев Георгиевич назвал «Чудеса». И не случайно! В жизни народного артиста России они действительно происходили...

Фото из личного архива

Лев Прыгунов

«У меня никогда не было желания бросить актерскую профессию»

— Лев Георгиевич, впервые на съемочной площадке вы оказались в 1961 году. Что это был за фильм, что за роль?

— Я тогда еще учился в Ленинградском институте театра, музыки и кинематографии. Фильм — он про море и про любовь — назывался «Увольнение на берег», съемки проходили в Севастополе. Я играл главную роль — морячка Николая. А другого морячка, моего друга по имени Петр, играл Володя Высоцкий. Мы с ним как раз на пробах в Москве познакомились и сдружились. Проб было много, и в

перерыве мы с ним поехали в Ленинград и пять дней там гудели! Потом отправились в Таллин к моему другу. В те годы там можно было купить приличную одежду, и я, помню, приобрел брюки, а Володя пиджак. В общем, у нас с ним интересная вышла история... Высоцкий тогда еще не был знаменит, песен, по-моему, не писал. А вот через два года, когда мы вновь оказались на одной съемочной площадке в Алма-Ате, Володя уже всюду пел. Его тогда перехватили какие-то местные интеллигенты — водили по квартирам, записывали песни на маг-

нитофон. А я — просто отдыхал. Ведь Алма-Ата — мой родной город, поэтому я жил дома, с мамой и сестрой.

— Вы ведь после дебюта в «Увольнении на берег» снимались практически каждый год. А после какого фильма вас стали узнавать на улице?

— Естественно, после «Сердца Бонивура» (4-хсерийный фильм 1969 года, в котором Лев Прыгунов сыграл главную роль. — *Прим. автора*). Но до этой картины я снялся уже в двенадцати фильмах, «Бонивур» — тринадцатый. Потом было еще несколько картин, которые я считаю очень удачными. Моя любимая — «Три дня Виктора Чернышева». Сначала фильм назывался «Простые парни», но цензура не пропустила — разве могут советские парни быть простыми?! Но это было точное название. Фильм рассказывал про ребят, которые собираются во дворах, курят, хвастаются победами над женщинами... Ну, такие — ни к чему не стремящиеся, ни о чем не мечтающие. Тем не менее, эти парни — более положительные герои, чем мой, которого в фильме зовут Антон. В общем, я там играю плохого человека. Но роль эту очень люблю.

— В каком проекте вы снялись недавно?

— В сериале для Первого канала «Фитин». Павел Фитин — это реальный человек, он руководил службой внешней разведки СССР с 1939 по 1946 годы, сам был легендарным разведчиком. Я сыграл роль англичанина

Стэнли, который служит в разведывательном управлении своей страны. Все сцены в сериале у меня на английском языке. Действие происходит в Великобритании, но Туманный Альбион снимали в Подмосковье, нашли для этого очень красивый викторианский дом. Должен признать, работать было очень интересно!

— То, что вы свободно владеете несколькими иностранными языками и выучили их самостоятельно, мне известно. А откуда умение рисовать? Вы ведь еще и известный живописец.

— В детстве я три с половиной месяца учился у замечательной художницы. Кажется, ее звали Елена Ивановна, фамилию не помню, она в годы войны была эвакуирована в Алма-Ату из Москвы. Мы, несколько ее учеников, тогда успели пройти натюрморт и пейзаж. И она сказала: «В следующий раз начнем учиться рисовать лицо и фигуру человека». Но когда я пришел на это следующее занятие, на дверях висела записка: «Простите, ребята, я была вынуждена уехать в Москву». Если бы я еще годик у нее позанимался, я бы стал не актером, а художником — абсолютно точно. Снова в мир живописи я окупился в классе десятом. Моя сестра работала в библиотеке и сделала мне пропуск в один из залов, где я мог смотреть альбомы по живописи и архитектуре. Без специального пропуска в этот зал не пускали. И там я впервые увидел импрессионистов, которые в то время были, мягко говоря, не в чести. И я испытал такой восторг!

— Однако после школы вы не пошли учиться на художника...

— Понимаете, поступать в художественное училище в Алма-Ате я как-то... не решился, потому что это учебное заведение считалось слишком уж богемным, и вместо этого поступил на биофак пединститута. Там однажды сыграл в студенческом спектакле, увлекся этим делом и, бросив институт, поехал учиться на артиста. Кстати, тогда, в библиотеке, я также с восторгом разглядывал альбомы с архитектурой Ленинграда, с шедеврами Эрмитажа. Все это произвело на меня сильнейшее впечатление, и поступать в театральный вуз я отправился в Ленинград, а не в Москву. Хотя знал, что, когда стану актером, все равно окажусь в Москве. Но учиться хотел в Ленинграде — хотел напитаться этой красотой. Увлечение изобразительным искусством повлияло и на то, что моими ближайшими друзьями часто становились художники. Вообще, это крепко во мне сидело. Настолько, что я потом стал заниматься живописью всерьез. В те годы, когда в нашей стране кино не снималось, мы с женой жили на деньги, вырученные от продажи моих картин.

— В одном из интервью вы говорили, что могли бы стать хирургом, если бы не пошли в актеры. Это правда?

— Абсолютная. Но, знаете, когда я уже стал актером, желания поменять профессию у меня никогда не возникло. Выбор был сделан раз и навсегда. А насчет хирургии могу объяснить.

Я снимался в фильме про врачей и единственный из всей съемочной группы напросился присутствовать на настоящих операциях — очень хотел глубже вникнуть в эту профессию. Ни режиссеру, ни другим актерам это даже в голову не пришло. И я, стоя тогда рядом с хирургами, почувствовал, какая мощнейшая энергия идет от разверстого человеческого тела. Это рождает такой жгучий интерес к жизни!.. А у меня отец, он был биолог по профессии, хорошо знал медицину и был прекрасным таксидермистом, делал чучела птиц. Я ему часто помогал и тоже хотел стать биологом, как отец, поэтому и пошел на биофак. Но учиться там мне было неинтересно, я уже знал, наверное, половину из того, чему нас учили, от отца, из его книг, которые остались после того, как он погиб в экспедиции. Мне тогда было 10 лет.

— Вот вы сказали об энергии, которую ощутили, стоя у операционного стола. Но вы и свой художественный метод называете энергетическим реализмом. Почему?

— Потому что я пишу картину до тех пор, пока она не начинает отдавать энергию. Я это очень хорошо ощущаю. Понимаете, здесь работают такие тонкие вещи, которые называют эзотерическими, мистическими. Кому-то они открываются, кому-то — нет. Вот однажды в Мурманске проходил кинофестиваль и одновременно — моя выставка. И мы там встретились с Валентином Гафтом, прилетевшим на кинофестиваль. Он захотел посмотреть мои картины — оказа-

лось, Валентин не знал, что я еще и рисую. Мы пошли в зал. Он был потрясен: «Ого! Это все ты?! Вот это да!» Потом вдруг повернулся ко мне и сказал: «Лева, да у тебя лечиться можно! А ты картины продаешь?» — «Да, продаю». — «И вот эту?» — «И ее». — «Все. Я ее покупаю». И купил картину, которую я назвал «Улетающий натюрморт».

— Гафт... Стольких замечательных актеров уже нет с нами! А из ныне живущих кого вы считаете самыми яркими?

— Я, начиная с 90-х годов, снимался, в том числе, и в западных картинах, причем с такими актерами как Бен Аффлек, Морган Фримен, Майкл Клейн. Все названные — профессионалы высочайшего уровня. А из наших совершенно гениальным считаю Леонида Куравлева. Мы были хорошие друзья, но потом жизнь как-то развела. Считаю, он как актер смог открыться лишь процентов на пятнадцать, и как же это несправедливо! Специально на него надо было сценарии писать! Очень давно Леонида на экране не видно. Хотя я уверен, он бы и сейчас играл, если бы что-то стоящее предлагали. Но, видимо, не предлагают... А из актрис совершенно гениальная, конечно, Инна Чурикова, звезда Ленкома. Талант от Бога.

— А как судьба свела вас с Майком Тайсоном? Я видела фото, на котором вы вместе.

— А рядом на снимке еще и мой сын Рома. Это был 1988 год, я снимался в американском сериале, съем-

ки проходили в Москве, в гостинице «Украина». Одной из актрис была жена Тайсона Робин Гивенс. Фигуристая, глазастая — красотка! А я тогда ничего про Тайсона не знал, просто разговаривал с молодым парнем, который тоже там ходил в какой-то белой шубе. Времени свободного у нас было много, и мы просто болтали о том о сем. Однажды на площадку заглянул мой сын и сказал: «Папа, ты что — это же чемпион мира по боксу!» Майку Тайсону было в то время 23 года, и он только что завоевал этот титул. И вот тогда мы втроем сфотографировались. Потом я узнал, что красотка с ним развелась и отсудила 44 миллиона долларов! А брак их продлился всего несколько месяцев. Причем на суде она заявила, что в Москве Майк гонялся за ней с топором!

— Вы упомянули западных актеров, с которыми вам выпало сниматься. Их работа на съемочной площадке как-то отличалась от работы наших актеров?

— Меня поражало, насколько они дисциплинированы в том, что касается работы. Даже такие звезды. Западные актеры приходят на съемочную площадку четко в 8 утра, даже если их сцены снимаются позже. Правда, у каждого из них, тем более знаменитых, есть свой вагончик, а в нем — все необходимое для отдыха. Когда снимался в советских фильмах, я часто был свидетелем того, как актеры возмущались: «Зачем меня так рано вызвали на площадку? Я что, целый день должен сидеть?!» Впрочем, наш актер имел

*Лев Прыгунов
с Майком
Тайсоном
и сыном*

право возмущаться, потому что получал копейки за свою работу. А их западные коллеги получали миллионы долларов. Правда, они с этих денег платили и платят огромные налоги... Но, должен сказать, что сейчас в России кино снимается очень профессионально. Не сравнить с тем, как мы работали в СССР. Все четко, каждый человек на своем месте, идеальный порядок, все продумано до мелочей. И труд актеров оплачивается достойно.

— Вы снимаетесь, в том числе, в фильмах своего сына Романа, ставшего известным кинорежиссером. Его мать, ваша первая супруга, погибла в автомобильной катастрофе. Сейчас вы счастливы во втором браке. Расскажите немного о жене.

— Ее зовут Ольга. Она работала помощником режиссера на трех картинах, в которых я снимался. В момент нашей встречи мне было 42 года, я за Олей ухаживал, и, должен сказать, она долго сопротивлялась... Однако вот уже скоро 40 лет, как мы вместе. А это о многом говорит! Наш брак действи-

тельно счастливый. Я всегда ценил в женщине доброту, ум, красоту и хозяйственность. И мне именно такая встретилась! Кстати, все мои лучшие стихи посвящены ей.

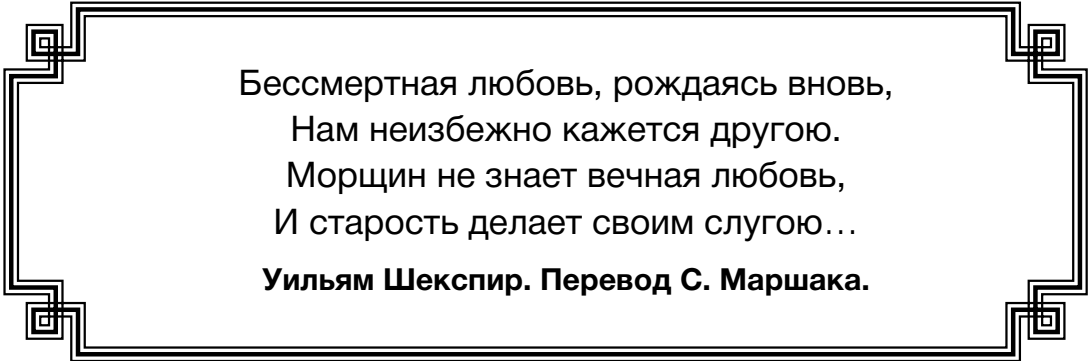
— Да, как литератор вы выпустили несколько поэтических сборников. Но в последнее время увлеклись и прозой?

— У меня есть книга, которой я горжусь, она называется «Сергей Иванович Чудаков и др.» В ней я рассказал о гениальных людях, дружбу с которыми мне послала судьба, например, об Иосифе Бродском. Еще в журнале «Звезда» был напечатан мой роман «Азиатское детство Ивана Ташкентского». Недавно я закончил еще один роман, который называется «Чудеса», пока думаю, в каком издательстве его печатать. Так что проза увлекает! Но, конечно, и стихи я тоже продолжаю писать, и живопись не забываю. Но во всем этом я — любитель. А профессия у меня все-таки одна — актер, и в ней я тоже, слава богу, востребован... □

Беседовала **Марина Бойкова**

НЕРАЗЛУЧНИКИ

Бессмертная любовь, рождаясь вновь,
Нам неизбежно кажется другою.
Морщин не знает вечная любовь,
И старость делает своим слугою...

Уильям Шекспир. Перевод С. Маршака.

Первый раз я встретила эту занятную пару, приехав на летние каникулы к бабуле. Мне было десять, а им, как мне казалось, лет сто десять. На двоих. Они были как моя бабушка, даже постарше, а бабушки, как известно детям, бывают пожилые. Это я сейчас знаю, что моей «старенькой» бабуле было на тот момент пятьдесят четыре года. Самый расцвет!

Представьте себе уютный провинциальный дворик в заводском поселке, с развешанным на веревках постиранным бельем, с деревянным, потрескавшимся от дождя столиком для домино, разноцветными скамейками у подъездов. Летний вечер, когда спадает липкая жара, усталый работающий люд возвращается с завода, неспешно ужинает и собирается во дворе. Стучат костяшки домино, весело летает над сеткой волейбольный мячик, детвора устраивает гонки на велосипедах, оглушая взрослых радостным визгом. А на одной из лавочек непременно найдется умелец с гитарой, хриплым голосом копирующий Высоцкого. Привычная картинка тех лет.

А в нашем дворе играли на флейте и пели романсы. Та самая «старая» пара, ровесники моей бабули, задавали музыкальный тон дворику. У них всегда были слушатели. Женщины средних лет, в ситцевых цветастых платьях, подперев щеки, слушали Вертинского, Сенчину и Захарова, ути-

рая набегавшие слезы и тихонько подпевая. Мужики, заводские трудяги, при первых звуках флейты подтягивались поближе. Изредка нарочито фыркали, дескать, «не наша музыка, непривычная», искоса присматривались к тому, как нежно обращается дворовый музыкант со своей «дудочкой», извлекая из нее прозрачные волшебные мелодии.

Меня флейта не интересовала, равно как и романсы. Да и вообще, старики отдельно — юность отдельно. Хотя... эти двое еще и на велосипедах катались. Где это видано, чтобы старики детские занятия осваивали? Это сейчас вся страна пересела на велосипеды, встала на самокаты и зашагала скандинавской ходьбой. А тогда мы хохотали, глядя, как «старики» медленно разъезжают, крутя педали своих стареньких великов.

В следующий раз я приехала к бабуле, когда мне было двадцать. Родители развелись сразу после того памятного лета, и меня больше не пускали к папиной матери. Да я и не жалела, были новые маршруты, другие интересы, неизведанные горизонты. А в двадцать мне хотелось спрятаться от всего мира, уползти в нору зализывать любовные раны. Глубокие и еще кровоточащие. Казалось, что мир рухнул, жизнь закончилась, и впереди все безнадежно и беспросветно. Сейчас вспоминаю и смеюсь. А тогда...

...Городок разросся, давно перестав быть заводским. Невысокие старые постройки снесли, дома-башни загородили небо, брусчатку заменили асфальтом, а супермаркеты призывно сияли витринами. Но бабушкин дворик устоял. По-прежнему висело на веревках белье, все так же радовались жизни дети. Только взрослые уже почти не сидели на скамейках и не пели. Жизнь ускорилась, не до посиделок стало. Лишь старики выползали во двор, играли в привычное домино и перемывали косточки прохожим. Я старалась проскочить мимо, не поднимая головы, и уходила в небольшой лесок, недалеко от дома.

В первую же лесную вылазку я встретила ту самую музыкальную пару. Они почти не постарели. Или мне так показалось. Я бы и не обратила на них внимания: мало ли вокруг пожилых людей, но смешная шапка с ушами на голове женщины так не походила на привычный стариковский прикид, что я остановилась, разглядывая экстравагантную старушку. А она меня сразу узнала. Приветливо окликнула, назвав по имени и спросив что-то взросло-дежурное.

Уходить сразу было невежливо (ох уж это мамино учительское воспитание), я подошла поближе, и старушка разглядела мои заплаканные глаза побитой собаки. Я внутренне приготовилась к отпору — сейчас начнет расспрашивать, сочувствовать, вещать, что все еще впереди (обычная

взрослая лабуда). А она стала рассказывать про мужа, как он лихо катается на лыжах, а она, неумеха, пару раз упала и теперь боится.

— На коньках с детства катаюсь, а лыжи не освоила. Страшно, и все тут. А Иваныч мой вон как рассекает, — с гордостью указала старушка на невысокую фигурку, еле тащившуюся на лыжах. — А ты катаешься?

— Катаюсь, только на горных лыжах.

К своему удивлению, я стала рассказывать о своих поездках на горные курорты, на одном из которых, я, кстати, и познакомилась с той самой любовью, которую сейчас оплакивала. Старушка (я так и не вспомнила ее имени — бабуля в детстве упоминала, да мне было не до старушечьих имен), не утешала, только слушала и рассказывала — о себе, о муже Иваныче, о единственном сыне, о внуках, о работе на заводе. Я совсем не помню подробностей, помню только, что мне стало легче от разговора с ней.

— Ты приходи в лес, — прощаясь, сказала она. — Лес — он такой, волшебный, все печали забирает, врачует полегоньку.

— А мне и не надо ничего лечить, я не больна, — вскинулась, было, я.

— Тогда дыши всласть. Иногда надо просто не забывать дышать, и все встанет на свои места.

Это вскользь сказанное «не забывать дышать» мне потом здорово помогало в жизни.

В тот приезд я сильно сдружилась со своей бабулей. Она стала моей подружкой, слушательницей моих первых (конечно же, любовных) стихов, «жилеткой» для слез. Через месяц я, обновленная и почти здоровая душевно, вернулась домой. Жизнь продолжалась.

Новый приезд к бабуле случился еще через десять лет. До этого я приглашала ее к себе, отправляла в санаторий, возила на море и даже в горы. Мы переписывались и перезванивались, не теряя друг друга, несмотря на то, что мама не одобряла такую тесную связь с бывшей свекровью. Ну, да кто маму слушает в таком возрасте!

Итак, мне тридцать, и я снова у бабули в гостях. Да не одна. Приехали втроем: мы с мужем и наш ненаглядный сынок, месяц от роду. Бабуля настояла на помощи нам, а мы и не возражали. Мужу-программисту было все равно, где работать, был бы Интернет. А я находилась в глубоко счастливом декрете и в небольшой (или все же большой) панике, как успевать ухаживать за малышом и управляться с домашними делами. Муж, конечно, помогал. Но ему работать нужно, нас, сидящих на шее, кормить. А бабуля как-то неслышно переложила на свои плечи добрую половину забот.

Осень выдалась тусклая и промозглая. Вот не выходить бы из дома, лежать под пледом, читать любимые детективы и радоваться жизни. Эй, мамочка, очнись! Какой плед? Какие детективы? Сказки — вот твоя основная литература. И ребенку нужен свежий воздух, он не виноват, что мамаша у него такая теплолюбивая. Закутались потеплее, и вперед!

Усыпанные пожухлыми листьями дорожки, унылые голые деревья, спешащие прохожие — такая мрачная картинка встречала меня на прогулках. Очередной раз, толкая ярко-синюю коляску по почти безлюдной улице, я наткнулась взглядом на пару в зеленых дождевиках, увлеченно что-то разглядывающую в траве. Что там можно интересного увидеть? Подошла поближе: это же те самые спортивно-музыкальные старички. Да, жизнь никого не щадит.

Теперь уже заметно постаревшие, усыпанные глубокими морщинами, с согнутыми спинами, они создавали впечатление «божьих одуванчиков». Стало заметно, что они явно старше моей моложавой бабули. Старушка снова меня узнала, несмотря на пробежавшие годы, и опять назвала по имени. Вот это память.

— Ты такая красивая стала, взрослая, счастливая. А счастье красит. (В этом точно что-то есть). — Кто у тебя? Дочка или сынок?

— Сынок. Ему тридцать семь дней, — с невыразимой гордостью выложила я. — Уже большой. Гулять любит, на улице сразу засыпает, а дома не укачаешь никак. Вот и хожу в такую погоду, когда хозяин собаку не выгонит из дому.

— А мы любим осень и дождь, правда, Иваныч? — обратилась она к мужу, повысив голос. Тот кивнул. — Слышать он плохо стал, вот и кричу. Не разбужу малыша? — обеспокоено уточнила старушка.

— Ему хоть из пушки стреляй, как папеньке его, — рассмеялась я. — А что вы разглядывали в траве? (Мне было так скучно, что даже разговор со стариками казался интересным).

— Листья, — оживленно пояснила старушка. — Угадывали, с какого дерева.

— А зачем вам это? Они уже облетели, отжили свое.

Прозрачные голубые глаза собеседницы с удивлением смотрели на меня:

— От этого они не стали менее интересными. У них разная форма, цвет, размер. Они как люди. Нужно только уметь разглядеть.

Странно, но мне стало занятно. Я, конечно, не вглядывалась вместе со стариками в грязные листья в тот раз, но начала внимательнее смотреть по сторонам, видеть людей, а не скользить по ним взглядом. Кстати, и мои прогулки с сыном перестали быть однообразными и скучными.

Не только чужие, но и свои дети быстро растут. Особенно, когда ты работающая мама. За следующие десять лет я успела родить дочку, сделать карьеру, похоронить бабулю... И вступить в наследство. Небольшая квартира в бывшем заводском поселке стала моей по бабулиному завещанию. Я приехала оформлять документы и решать, что делать с доставшимся мне жильем за тысячу километров от моего нынешнего дома.

Даже не предполагала, что будет так больно и страшно переступить порог бабушкиной квартиры. Навалились, как в калейдоскопе, воспоминания, накатила неподъемная горько-соленая тоска, закипели непрошенные слезы. Я выскочила из дома, и ноги сами привели меня в лес. Наревевшись вволю, выплавав горечь, стала оглядываться, чтобы понять, куда забрела в своей тоске.

И снова, как в старом кино, наткнулась на пару стариков-«неразлучников». Совсем согнувшиеся, он — с палочкой, она — потряхивающая головой, оба улыбались друг другу и солнцу. Он что-то говорил, она молча кивала. Меня они не узнали. А, может, просто не увидели. А я не подошла. Старость непривлекательна...

В какой-то момент он вдруг медленно нагнулся, тяжело опираясь на палочку, и стал завязывать шнурок на ботинках старушки негнувшимися артритными пальцами... Ему удалось победить непослушный шнурок далеко не с первой попытки, но он справился. Так же тяжело выпрямился. А перед этим легонько и нежно погладил ее ногу с выпирающими даже сквозь толстые колготки венами. Я замерла...

...Через полгода я приехала продавать бабушкину квартиру. Соседка по мере сил присматривала за жильем, но дом без хозяев обижается и быстро ветшает. Мы решили с мужем, что ездить сюда не сможем, не к кому, да и незачем.

Зайдя во двор, я вдруг попала на похороны. Хоронили старика Иваныча, одного из «неразлучников». Гроб, по обычаю тех мест, поставили во дворе, чтобы все могли проститься. Старушка сидела рядом, изредка перебирая редкие волосы на голове мужа, глядя его застывшее лицо, что-то шептала. Я не смогла пройти мимо, присела рядом. Она меня снова узнала и, словно продолжая начатый когда-то разговор, произнесла:

— Как хорошо, что ты пришла. Мы часто тебя вспоминали с Иванычем. Он такой умный был. Не то, что я. Сильный, надежный, он всегда решал, как нам жить, — унеслась она в воспоминания.

Я про себя удивилась. Умный? Судя по рассказам моей бабушки, именно старушка была каким-то начальником на заводе, а он простым элек-

триком. Бабуля их сравнивала с героями фильма «Москва слезам не верит». Сильный? Да он же такой щупленький был, невысокий.

— У него руки золотые были, и голова, как у профессора, — это наш директор завода говорил. Все просил Иваныча институт заочно окончить, чтобы должность какую-то ему дать, а мой все отмахивался: «Ерунда, мол, это ваше высшее образование». Иваныч меня на руках носил... лет до шестидесяти. Потом однажды спину потянул, еле разогнулся. Так я запретила себя поднимать, — улыбнулась старушка. — И плакать мне запретил. Мы договорились, что не будем оплакивать того, кто раньше уйдет. Вот я и не плачу. Он меня у жениха отбил. Я уж, было, замуж собиралась за одного инженера. А тут Иваныч на завод по распределению явился. Специалист замечательный, на флейте играл, стихи декламировал. Кругами вокруг меня ходил, умасливал. Так и отбил.

— А почему вы все время его Иванычем называете?

— Так он старше был на семь лет. Поначалу обращалась, как к старшему, по имени-отчеству, потом по отчеству, да так и прижилось. А он меня Асенькой всю жизнь называл. Ласково так...

— Вы его очень любили? — спросила я.

— Любила? — Старушка задумалась. — Не принято у нас было про любовь думать, не так нас воспитывали. Иваныч по молодости что-то такое про любовь говорил. А я даже и не знаю ничего про любовь. Это у вас, у молодых, она есть. А я им живу, Иванычем. И он мной...жил... — Прозрачные слезинки покатались из глаз и застряли в глубоких морщинах. — Вот не удержалась, заплакала, — покачала она трясущейся головой. — Уж прости, Иваныч...

Квартиру удалось продать быстро, и я вернулась к себе домой. А вскоре соседка, которая раньше присматривала за бабулиной квартирой, написала, что Асенька умерла на сорок первый день после похорон мужа. Сходила на кладбище, как положено, на сороковой день, убрала в комнатах, сложила стопочкой документы, пенсионные карточки вместе с пинкодами к ним, приготовила себе одежду в последний путь и... не проснулась. Дождалась, пока душа мужа улетела из родного дома, и последовала за ним. «Неразлучники» не могут иначе...

Когда на меня накатывает тоска и начинает казаться, что все бессмысленно и бесполезно, я вспоминаю заветную фразу: «Иногда надо просто не забывать дышать», пожухлую траву с запутавшимися в ней листьями и заботливо завязанные шнурки на стареньких ботинках.

Несмотря ни на что, жизнь прекрасна! □

Алексей Борычев

ОСЕНЬ...

Посмотрели мне в окошко осени глазищи...
Нищая с пустым лукошком подаянья ищет.
В золоте холодных дней скованные дали
Стали резче и ясней, и синее стали.
Тишину рассыпал лес ворохами листьев,
И пролита синь небес на глазенки лисьи.
Лапой заячьей сентябрь дни легко листает,
Заливая их янтарь струями токая.
Флер сыреющей листвы, напоенный ими,
Одурманит... Но любви позабыто имя.

ЗЕФИРНАЯ СВИРЕЛЬ

Зефир — западный ветер
Зефирная свирель поет о позднем лете,
О сумраке дождей и запахе травы.
Зефирная свирель — как память о поэте,
Которого, смеясь, давно отвергли вы.
Зефирная свирель — как пауза в куплете,
Янтарь осенних дней, шептание листвы.
Ах, все уже прошло... в забвенье те и эти...
Ах, все уже прошло, прошло давно, увы!
В бокале отцветет, блестя на солнце, Вистлер!
И скатерть на столе отснежит, как метель.
Но прогремит над ней высокий твердый выстрел...
И замолчит свирель, зефирная свирель...

ВЕНЧАНИЕ

Октябрь закатной полосой
Упал на серые леса,
Пролив невидимой росой
Остылый воздух на глаза,
Порушил терем разноцветный
Осенних кленов и берез,
А после — тихо, незаметно
В бокалах луж печаль принес.
Пылала пламенем прощальным
И пуншем пенилась она...
Но не прощальный, а венчальный
Бал уготован был для нас:
Когда погас напиток пенный,
И позабыли все о нем,
Явился главный во вселенной —
На небе некий добрый гном.
Он обручил весну и осень
Искристой снежной тишиной,
Испил напиток, топнул оземь,
Скрепил союз кольцом-луной.
И закружились в хороводах
Все-все, успевшие на бал,
Забыв о бедах и невзгодах...
А я — рассеянный стоял.
Бросая лучики заката
В оцепенение мое,
Соединил легко и свято
Небытие и бытие!

ОСЕННЯЯ ПЕСНЬ ВРЕМЕНИ

В тускнеющей янтарности лесной
Запело перламутровое время.
Оно стояло к осени спиной —
Звучали тишины стихотворенья.
Их пело время красками высот —
До крика памяти, до гула страсти...
И было хорошо от этих нот,
И боль была от них, и было счастье!..
И было то, чего не может быть,
И каждому хватало малой меры —
И тосковать, и злиться, и любить,
Хватало сил, желания и веры.
Но песня!.. Песня вдруг оборвалась,
И время стало снова молчаливым.
Той песне эхо не дало пропасть,
И каждый побывать успел счастливым!

ЛОСИНОМУ ОСТРОВУ

Остров Лосиный — моя колыбель!
Сколько прошедшего! Сколько пропащего!..
В памяти струнной — апреля капель —
Звонкими звуками времени вящего.

Светлым ликером весны веселы
Тени прошедшего, призраки странные...
Чутко молчит старый лес. А стволы —
Солнцем апреля, тоской осиянные...

Прошлым хохлатым — мои февраль —
Пьют вечера, их настойку янтарную.
Волны чудес, будто память Земли,
Светятся в небе печалью алтарною.

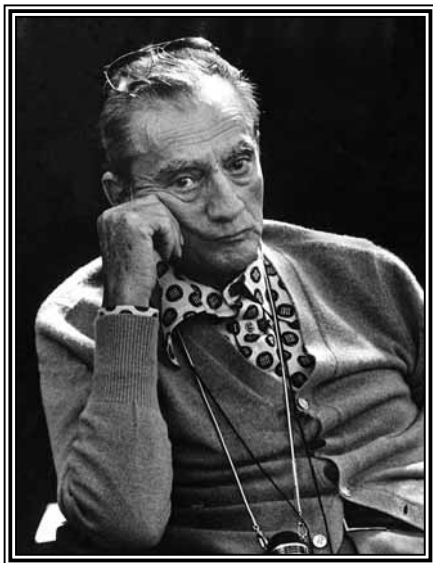
Прошлое! Прошлое! Где твой огонь,
Что освещал тонким светом грядущее!..
Остров Лосиный, такой дорогой! —
Где же бездонность, тобою цветущая? —

Где же бездонность открытых очей
Детства наивного, юности бешеной?.. —
Все потонуло в озерах ночей
Позднего времени, зрелости взвешенной.

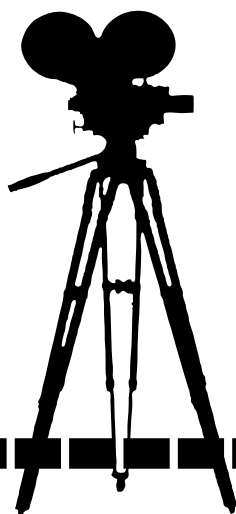
Остров Лосиный! Сгубили тебя
Ветры внезапные позднего времени.
Стал ты другим, все потери терпя.
Нету теперь ни надежд, ни прозрения!

Дико вокруг, беспокойно в душе.
Даже весна точит глупое лезвие.
Страшно кривляется в злом кураже
Пьяным паяцем плохая поэзия.

Лес мой! В тебя погружаюсь опять.
Ты симметрично в меня погружаешься.
Время легко обращается вспять.
Мир мой! Так что же ты не возвращаешься!

Лукино Висконти

Говорить в ПОЛНЫЙ ГОЛОС

Один из отцов итальянского неореализма, Висконти уже в первой своей картине 40-х годов «Одержимость» заложил его основополагающие принципы, а во второй, послевоенной — «Земля дрожит» поднялся до классических обобщений этого эпохального направления. Потомок одного из самых аристократических и древних родов Италии, владевшего некогда Миланом, он снял свой второй фильм в рыбацкой деревушке на Сицилии, с непрофессиональными актерами, говорящими на местном диалекте (для итальянского проката картину пришлось дублировать и снабжать пояснительными титрами).

Из широких, но все же тесных для него, как для Феллини и Антониони, рамок неореализма Висконти быстро вышел, оставив там Де Сику, Росселини, Де Сантиса и других корифеев, с которыми начинал. Его превращение в художника мирового уровня, столпа так называемого авторского кино, разрабатывающего ключевые для всей европейской культуры темы и образы, пришлось на 60-е-70-е годы и ознаменовалось созданием неповторимого большого стиля, изысканно барочного и ослепительно орнаментального.

Творчество Висконти несло в себе великие традиции итальянской оперы, близкой ему по форме и по духу, и в то же время использовало облагороженные стереотипы массовой культуры, которая тогда начинала тотальное наступление на высокое искусство. Висконти был истинным знатоком русской литературы, музыки, оперных произведений. Он неоднократно ставил в театре Чехова и других наших классиков, оперы Мусоргского. Готовясь к съемкам фильма по «Преступлению и наказанию» Достоевского, режиссер приезжал вдохновляться Петербургом (тогдашним Ленинградом). Мечтал поставить в кино «Братьев Карамазовых»...

Советская критика преподносила творчество Лукино Висконти в качестве прогрессивного. Он действительно был художником-гуманистом,

к тому же человеком, близким к компартии. Но если копнуть глубже, мы увидим, что его творчество несло на себе отпечаток декаданса. Разложение и упадок как отражение общеевропейских культурных и социальных тенденций присутствуют во многих фильмах Висконти. В «Гибели богов», «Смерти в Венеции» и «Невинном». В последнем своем фильме мастер любит красота увядания жизни, отголоски которой мы находим и в куда более раннем, примыкающем еще к неореализму фильме Висконти «Рокко и его братья», с Анни Жирордо и Аленом Делоном в главных ролях, где перенесенные в иную среду прослеживаются сюжетные и идейные мотивы «Братьев Карамазовых» и «Идиота» Достоевского.

Художник во многом загадочный и непостижимый, всегда стремившийся к совершенству, понятному лишь ему одному, владевший магией кадра, Лукино Висконти сосредоточил в своих грандиозных фильмах пульсирующую проблематику современности, продолжающую будоражить наше коллективное сознание.

Родился он в ноябре 1906 года в Милане. Его отец, герцог Джузеппе Висконти де Модроне, был большим поклонником искусства и театральным меценатом. Мать, Карла Эрба, происходила из богатого рода предпринимателей, добившихся господства в фармацевтической промышленности Милана.

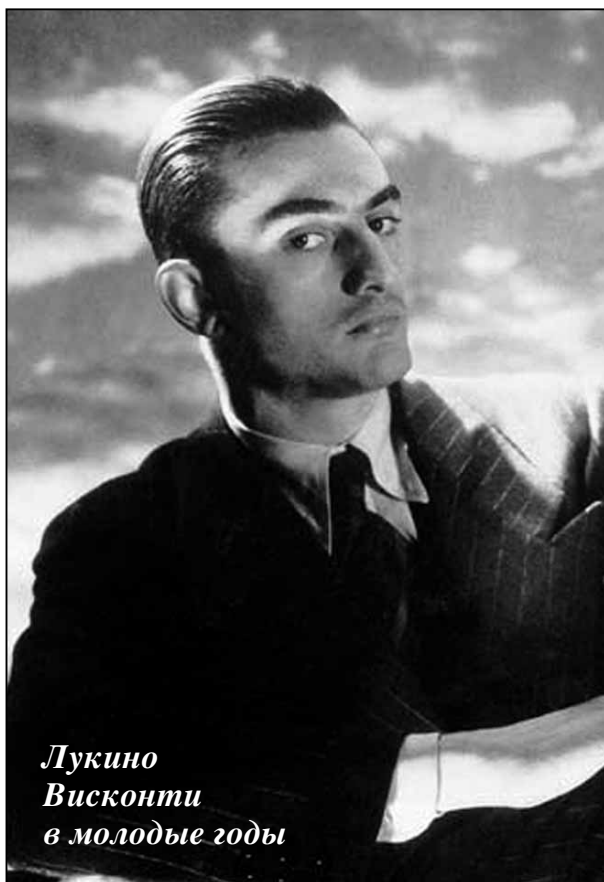
Примечательно, что одна из ветвей этого обширного старинного рода расцвела и на российской почве. Один из «русских» Висконти — граф Юлий Помпеевич Литте — служил в военном чине при дворе императрицы и женился на любимой племяннице всесильного князя Потемкина Екатерине Энгельгардт. Некую графиню Висконти упоминает в рассказе «О кувельном мужике» наш кудесник языка Лесков. Ну а самую гордую фамилию Висконти мы встречаем на страницах «Божественной комедии» Данте.

При всей окружавшей семерых детей роскоши отец воспитывал их в твердых и строгих правилах. Они занимались иностранными языками, спортом, музыкой. Маленький Лукино учился игре на виолончели и композиторству. С малолетства его любимым писателем являлся Шекспир, а театром — оперная Мекка «Ла Скала». Подросток сформировался в утонченного, вдумчивого и отважного юношу. В 1936 году по рекомендации знаменитой Коко Шанель он устроился ассистентом (или бутафором) в съемочную группу выдающегося французского кинорежиссера Жана Ренуара (сына великого импрессиониста Огюста Ренуара). Фильм «Загородная прогулка» стал лучшей школой режиссуры будущего мастера.

Но, прежде чем целиком посвятить себя избранной профессии, молодой аристократ оказался в рядах

антифашистского Сопротивления. Он укрывал в своем доме людей, которых преследовали нацисты, помогал солдатам армий союзников бежать из плена. В Риме Лукино арестовали, и он чудом избежал казни... А в 42-м снял свою первую классическую ленту «Одержимость» («Наваждение») по роману Дж. Кейна «Почтальон звонит дважды», положившую начало неореализму. Это история любовной страсти, преступления и возмездия.

Превращение школяра в истинного художника случилось в одночасье, на крыльях огромного таланта и в обстановке неслыханного исторического подъема смертельной битвы с фашизмом. В 1945 году Вискон-

*Лукино
Висконти
в молодые годы*

ти вместе с другими кинематографистами выпустил документальный фильм об их общем антифашистском Сопротивлении — «Дни славы». Тогда же произошло его сближение с коммунистами.

Неуемная энергия этого, по сути, начинающего режиссера поражает. Еще до окончания войны он бросается в бурную театральную деятельность и с января 45-го по февраль 47-го ставит на разных сценах Италии одиннадцать драматических спектаклей, а в 46-м формирует собственную театральную труппу, просуществовавшую целых 11 лет (своеобразный рекорд в итальянском театральном искусстве того времени). Висконти выступил основоположником нового национального режиссерского театра, в его постановках — натуралистического.

Определенного рода натурализм он будет изживать в своих ранних фильмах, вторым из которых явилась легендарная картина «Земля дрожит». Задумав ее в 1947 году, режиссер отправился в старинный рыбацкий поселок на Сицилии, где когда-то происходили события, описанные в романе Верги «Семья Маловолья».

Сценария не было, фильм создавался прямо по сюжету романа (больше так Висконти не будет работать никогда). Вместо профессиональных актеров в фильме снимались местные жители — рыбаки, торговцы рыбой, батраки, каменщики, их дочери и подруги. Говорили они на сицилий-

*«Земля
дрожит»*

ском диалекте, потребовавшем титрованного перевода в итальянском кинопрокате. Висконти одержимо добивался того, чтобы экранная жизнь персонажей стала продолжением реальной жизни этих бедняков. Съёмки тянулись невероятно долго — полгода. Исчерпав бюджет, режиссер продал часть фамильных драгоценностей и полотен из семейного собрания, но довел работу над фильмом до конца. Его ассистентами выступили впоследствии выдающиеся мастера итальянской кинорежиссуры Ф. Рози и Ф. Дзефирелли.

В августе 1948 года «Земля дрожит» была представлена на Венецианском кинофестивале, номинирована на главный приз (его получил фильм Лоуренса Оливье «Гамлет»), удостоилась международной премии за «стилистические ценности» и потрясла зрителей сочетанием невероятной правдивости и высокого поэти-

ческого пафоса. Искусство неореализма достигло в этом фильме одной из своих вершин.

С неореализмом утонченный эстет, аристократ крови и духа расстанется еще не скоро и до того, как в совершенно другой, условно говоря, архаусной манере перейдет к живописанию внутренней деградации и разложения своего класса, создаст в прежнем духе несколько картин из жизни низших слоев общества. В 50-е годы он успешно сочетает работу в театре и в кино и черпает вдохновение в собственных спектаклях, снимая знаковую трагикомедию «Самая красивая» (1951).

В этом фильме блеснула великая, поистине народная итальянская актриса Анна Маньяни. Она сыграла жену римского рабочего, которая, узнав, что на киностудии объявлен конкурс среди девочек 6–8 лет на главную роль в новой ленте, при-

водит туда свою обожаемую дочь и всеми правдами и неправдами добивается для нее кинопробы...

Испытание временем — важнейшая проверка произведения искусства на право называться великим. Для кино, в силу стремительности его развития, быстротечности самой жизни киноленты и привязанности «седьмой музы» к реалиям времени, подобный экзамен особенно сложен. Сквозь толщу лет до нас доходят считанные шедевры, достойные того, чтобы их смотрели до тех пор, пока существует мир экрана. Фильм «Самая красивая», которому пошел уже восьмой десяток, безусловно, относится к их числу. Это простая в восприятии картина, чья драматическая глубина и пронзительность скрываются за внешне комедийным, полунекдотическим сюжетом.

Иное дело — фильм «Рокко и его братья» (1960) о трагических перипетиях жизни братьев-боксеров, перекликающийся с «Братьями Карамазовыми» и «Идиотом» Достоевского, которого Висконти необычайно почитал и хорошо знал. В роли всепрощающего Рокко, выходца из нищеты Луканини, который отправился с братьями искать в столице лучшую долю, снялся молодой Ален Делон в проникновенном дуэте со столь же молодой Ани Жирардо (собственно, после этого фильма оба они обрели всеевропейскую известность). По свидетельству прессы, картину смотрела вся Италия.

К тому времени уже полностью сформировался творческий облик Лукино Висконти и его трудный, неуживчивый режиссерский характер. «Дух противоречия», «непреклон-

ность», постоянный «вызов самому себе» — так обозначали сотрудничавшие с ним профессионалы ключевые черты маэстро. Искусство работы с актером он сравнивал с умением находить подземные воды. «Лукино фактически подменял актеров, подолгу объяснял реплики, задавал интонацию, сам декламировал и проигрывал эпизоды», — говорил его близкий друг и крупнейший кинорежиссер М. Антониони.

Полную свободу действий он предоставлял Маньяни, а, к примеру, на Марчелло Мastroяни постоянно кричал и ссорился с ним на площадке. С непревзойденным характерным английским актером отрицательного обаяния Дирком Богартом, исполнившим заглавные роли в «Гибели богов» и «Смерти в Венеции», Висконти проводил в совершенном безмолвии це-

лые съемочные смены и по добромумог шутить на съемках «Людвиг» с яркой немецкой актрисой Роми Шнайдер. С этими и некоторыми другими актерами у него было полное взаимопонимание и единомыслие не только в работе, но и вообще в жизни.

Тот же Антониони отмечал, что к середине 60-х Висконти окончательно сформировал свою отличительную стилистику, в основе которой лежат «сила и плавность повествования, потрясающее умение развивать характер персонажа в процессе рассказа». Это определение в полной мере относится к таинственно-притягательной картине режиссера «Туманные звезды Большой Медведицы» (1965). В ней он обращается к современной теме с гамлетовскими мотивами: брат и сестра, объединенные тайным инцестом, мстят убийце

отца, ставшему их отчимом, и матери, оказавшейся пособницей преступления. Великолепный сценарий, впечатляющий визуальный ряд, запредельная игра Клаудии Кардинале в роли сестры и, наконец, неотвратимость выбора между прошлым и будущим — все это, органично воплощенное в фильме, принесло ему заслуженный Гран-при Венецианского фестиваля — «Золотого льва».

И уж, конечно, «фирменные» черты мастера отчетливо проявились в его предшествующей исторической киноэпопее «Леопард» (1962), снятой по мотивам одноименного романа князя Дж. Томази Ди Лампедуза. Это кинопроизведение явилось своего рода заключительной частью первой итальянской, или даже сицилийской, трилогии Висконти, включающей в себя фильмы «Земля дрожит» и «Рокко и его братья», построенные на историческом материале и связанные с реальностью Сицилии.

«Леопард» получил «Пальмовую ветвь» в Каннах, демонстрировали его и на Московском кинофестивале. Эпитетом «шедевр» он был наделен практически сразу. Но давайте вспомним, что шедевры — это далеко не всегда фильмы, которые легко и приятно смотреть. Шедевры Висконти только подтверждают подобное правило. Другое дело — ритм. Он в экранных шедеврах всегда безупречен и, можно сказать, является их отличительной особенностью. Висконти ритмом

владел виртуозно, нигде не замедляя и не ускоряя действие.

Мы созерцаем на экране коричневатую гамму обожженных беспощадным сицилийским солнцем крестьянских полей и сумрачную прохладу дворцовых покоев их надменного знатного владельца. И — размышляем о неизбежной смене исторических эпох, когда в процессе Рисорджименто (объединения Италии) под знаменами Гарибальди феодальный уклад в сельском хозяйстве страны уступал место капиталистическим отношениям. И вместе с величественным князем Солино (Берт Ланкастер) наталкиваемся на неизбежные выводы о том, что они, революционеры, «всего лишь займут наше место»; и что «уходит время львов, леопардов, а на смену приходят шакалы». Солино мудро стремится обеспечить преемственность аристократии. Однако сам Висконти относится к этому стремлению с пессимизмом, полагая, что аристократия несет на своем пути непоправимые потери. Так, под мгновенно узнаваемую завораживающую музыку Нино Рота благородство уходящего хозяина поместья его хищный преемник Таркеди (Ален Делон) решил на себя не брать.

«Леопард» оказал бесспорное влияние на советские и восточноевропейские костюмно-исторические фильмы 60-х-70-х годов о событиях 19-го столетия. Влияние, следует признать, плодотворное. Критика писала, что если бы «Леопард» состоял только из 45-минутной сцены бала, где

«Самая красивая»

«по зеркальной галерее палатцо Ганджи под вальс Верди томно кружатся, сжимая друг друга в объятиях, Делон с Кардинале, картину все равно хотелось бы смотреть без конца. Воссоздавая в мельчайших подробностях канувший в Лету мир европейской аристократии, Висконти вновь подтвердил свою репутацию перфекциониста, задумав «обжить» несколько пустующих дворцов на Сицилии и вернуть исторический облик одному из кварталов Палермо...

Первоначально режиссер планировал предложить главную роль Лоуренсу Оливье или нашему Николаю Черкасову(!). Но финансировать такую масштабную постановку могла только голливудская студия, в данном случае «XX век Фокс». Поэтому в глазах продюсеров Б. Ланкастер — бывший циркач из трущоб Гарлема — выступил своеобразным гарантом интереса к фильму американских

зрителей, мало разбирающихся в изображаемой исторической эпохе. С ролью актер, по общему мнению, справился великолепно, взяв за образец для подражания аристократические манеры самого Висконти.

После постановки чеховского «Вишневого сада» (1965) Висконти практически распрощался с театром и в последний период жизни погрузился в немецкую литературу, музыку, историю, даже совершил путешествие по Баварии и Австрии. Культуру Германии он знал и понимал глубоко, свидетельством чего стала его так называемая «немецкая трилогия» — фильмы, созданные на протяжении пяти лет: «Гибель богов» (1969), «Смерть в Венеции» (1971) и трехчасовая драма «Людвиг» (1972).

С годами Висконти все больше сосредотачивал внимание на темах

*«Рокко
и его
братья»*

Справа:
*«Семейный
портрет
в интерьере»*

распада семейных отношений, а также показывал фатальную обреченность той замкнутой, хоть и высококультурной и утонченной, полуфеодалной аристократической среды, к которой принадлежали и его собственные предки. Темы — исключительно трудные для воплощения на экране, почти неуловимые в сюжетных конструкциях и требующие подлинного режиссерского мастерства. Понятно, что Висконти к тому времени обладал им в совершенстве и — главное — знал о кино все. Его нередко называли «утомленным могильщиком европейской культуры»; а он не мог и не хотел скрывать в своем беспощадном анализе элитарного мира вырождающейся аристократии красоту и поэтичность этого увядания в лице ее притягательных носителей, которых изображал с нотками любви и грусти.

Вообще, для режиссера-антифашиста снимать мрачно-готический кинороман о «внутрисемейном» возвышении нацизма на фоне гибели попавшего к нему в западню рода сталелитейных магнатов было абсолютной сверхзадачей еще и потому, что этот фильм снят вне привычных клише неореализма, у истоков которого как раз сам Висконти и стоял.

Невероятная пластика и багровый колорит этой трагической киноэпопеи подчинены скрытому спору ее создателя с видным германским философом, автором нашумевшей книги «Закат Европы» О. Шпенглером, утверждавшим, что нацизм был пробуждением утраченного западной цивилизацией романтического духа. Висконти же здесь творит образную концепцию нацизма как кровавой пародии на классический европейский романтизм. По мысли Висконти, западная культура породила чу-

довище нацизма, поскольку изжила самое себя, неся в своем лоне уже мертвые символы.

«Гибель богов» поистине удивительный фильм, где острый психологизм актерских работ накладывается на сознательную карикатурность классического повествования. Главный вывод великой картины Висконти заключается не в том, что отжившая культура, воплощенная по Шпенглеру в фаустовской душе, сама себя обрекла на гибель, но в том, что, не желая умирать, она приговорила к смерти весь прочий мир. Естественно, мир этот умирать не захотел и, объединившись, сокрушил «коричневую чуму».

В замечательной мемуарной книге «Человек правил» английский актер Дирк Богарт, сыгравший одну из главных ролей в предыдущем фильме Висконти «Гибель богов», вспо-

минает, как маэстро в сопровождении свиты заехал к нему однажды в загородный дом во Франции и, прощаясь, небрежно подтолкнул пальцами по столу дешевое издание новеллы Томаса Манна «Смерть в Венеции». С этого момента, пишет автор, печальный композитор фон Ашенбах тихо «присел» рядом с ним на диван и почти на год стал неотъемлемой частью его жизни.

Хронологически «Смерть в Венеции» предшествует «Гибели богов», действие картины разворачивается в начале прошлого века. Но по смыслу они синхронизированы тематическим мотивом неотвратимой гибели великой западной культуры (в ее «фаустовском», по Шпенглеру, выражении), изжившей самое себя.

Однако фильм Висконти на тему «смерти искусства» в итоге доказывает противоположное благодаря

«Людвиг»

фигуре главного героя, готового ради любви принести в жертву собственную жизнь, ибо красота, по утверждению режиссера, побеждает все, даже самую смерть.

Испытывающий духовный и творческий кризис композитор (прообразом его послужил Густав Малер, чья Третья и Пятая симфонии сопровождают действие фильма) приезжает собраться с силами на венецианский курорт Лидо. Под задувший сирокко в Венеции распространяется эпидемия холеры, скрываемая властями плавающего города. Не обращая на нее внимания, фон Ашенбах грезит наяву, перебирая в памяти важнейшие моменты своей жизни и многое переоценивая заново. А смертельная болезнь под конец добирается и до него...

Девятнадцатистраничная новелла Манна превратилась у Висконти в более чем двухчасовую величественную киноэпопею с полифонией красок, света и сокровенной атмосферы

чудо-города, которую запечатлела виртуозная камера Паскуалино Де Сантиса. Он осуществил поистине грандиозную работу по совмещению изобразительного ряда с музыкальным сопровождением. Малер, с его томлением, почти разрывающим, деформирующим музыкальную форму, был нужен Висконти как прообраз главного героя-композитора и одновременно как полноправный участник на уровне музыки экранного действия. И сюжетной истории — тоже, поскольку известно, что она действительно произошла с самим композитором.

Так рождается сложный кинотекст, ошеломляющий зрителя игрой подспудных смыслов (или же оставляющий его равнодушным, если он этих смыслов не воспринял). Но вот что просто не может оставить любого мало-мальски искушенного зрителя равнодушным — это проживание роли Ашенбаха практически незна-

ваемым здесь под гримом Дирком Богартом, удостоенным вместе с Висконти почетной премии BAFTA (британского аналога Оскара). Как лучшему режиссеру года Висконти вручили еще и итальянский «Оскар» — премию «David di Donatello».

Из Канн маэстро увез «Золотую пальмовую ветвь», правда, специальную, в честь 25-й годовщины Каннского кинофестиваля. Главный же приз в том далеком 1971-м году достался картине британского режиссера Дж. Лоузи «Посредник», в которой главную роль опять-таки сыграл Дирк Богарт. Некоторые участники церемонии награждения посчитали такое решение жюри оскорбительным для Висконти. Как, впрочем, и то, что «Оскар» 1972 года получили лишь костюмы «Смерти в Венеции».

Немецкую трилогию Висконти завершал четырехсерийным «Людвигом» (1972), вольной интерпретацией жизненной трагедии полубезумного и эксцентричного последнего баварского короля Людвига II, до беспамятства влюбленного в Прекрасное, в искусство и растрачивавшего бюджет государства на строительство причудливых замков и театра для вагнеровских опер, которыми под его покровительством должен был дирижировать погрязший в долгах великий композитор. В предпоследнее десятилетие XIX века мечты короля-романтика и идеалиста разбиваются о жестокие жизненные реалии и приводят героя к загадоч-

ной гибели. Висконти сделал вполне гениальную попытку развернуть на экране в 70-е годы масштабную шекспировскую трагедию елизаветинской эпохи.

При этом никаких подделок он не признавал. Аристократ до мозга костей, Висконти вырос во дворце миланских герцогов, некогда правивших этим богатейшим городом страны, и на съемки привозил для настроения портреты из фамильной коллекции, что не мешало ему быть подлинным демократом, человеком прогрессивных взглядов. Да, он жил в башне из слоновой кости, но дверь в нее была открыта для всех. И стремился он как режиссер, разумеется, не к внешней красоте, но к эстетической наполненности кадра, когда требовал, чтобы в бутылках на обеденном столе было настоящее и очень хорошее вино, во флаконах на туалетном столике — первоклассные французские духи, а постельное белье — из лучшего голландского полотна. За всеми подобными «причудами» мэтра крылся глубокий внутренний смысл. Не случайно Б. Ланкастер, американский плебей, превосходно сыгравший в «Леопарде» старого сицилийского князя, в одной из сцен фильма выдвигает ящик комода и бросает беглый взгляд на тончайшие платки с монограммами. Изумленный актер спросил тогда Висконти перед началом съемки: «К чему такие навороты?!» И тот ответил: «На платки с монограммами вы будете смотреть по-другому».

*«Туманные
звезды
Большой
Медведицы»*

Справа:
*«Смерть
в Венеции»*

Не вина создателя в том, что заключительная часть «немецкой трилогии» все же заметно уступает в художественном отношении двум предыдущим. Лукино Висконти приложил неимоверные усилия для реализации своего действительно очень сложного и амбициозного замысла, что послужило причиной перенесенного им на съемках инсульта, который имел роковые последствия. Воспользовавшись тяжелым физическим состоянием маэстро, продюсеры, вложившие в проект крупные деньги, настояли на выпуске в прокат не полной режиссерской, а сокращенной трехчасовой версии фильма. Добились они также ряда других уступок режиссера, что не способствовало коммерческому успеху ленты.

Она шла на телеэкране, но даже там сохранила блеск и красоту «большого стиля». Удивительно изысканный и одновременно горький фильм Висконти погружает нас в небытие Прекрасного в преддверии грядущего превращения искусства кино в аттракцион, в бездумное развлечение толпы на фоне тотального наступления массовой культуры. Каждый филигранно выстроенный кадр, каждый безупречный ракурс камеры, ошеломляющие интерьеры, костюмы, музыка дают возможность ощутить болезненно-заораживающую, гнетущую атмосферу исчезающего аутичного мира, где царствуют тоска и безумие.

По разным объективным причинам режиссеру не удалось реализовать сокровенный план экранизации

вать ключевой философский роман немецкой литературы нового века «Волшебную гору» Томаса Манна. Размышления мастера об извилистом пути Германии, ее грандиозных взлетах и падениях, тяжким эхом отозвавшихся на судьбах других народов, завершились «Людвигом». Дальше произошел неожиданный «поворот винта» к современной психологической драме «Семейный портрет в интерьере» (1974). Некоторые исследователи полагают, что Висконти внес в нее автобиографические мотивы. Так или иначе, картина получилась, безусловно, исповедальная и оттого откровенно грустная.

Действие этого весьма камерного, приглушенного в цветовом и световом аспекте фильма происходит в Риме тех же самых семидесятых годов и замкнуто в пределах уже не

дворцовых интерьеров и парковых пейзажей, а в стенах роскошной двухэтажной квартиры под крышей респектабельного особняка, обставленной старинной мебелью и увешанной потемневшими полотнами в золоченых рамах. В нижнем этаже обитает пожилой профессор-интеллектуал, разочаровавшийся в своей эпохе, не желающий ничего знать о новых поколениях и ведущий затворническую жизнь коллекционера живописи.

Собирает он жанровую живопись 18-го столетия. На этих картинах мы видим утонченных дам и господ, красивых, элегантных, ведущих беспечную жизнь в своих роскошных поместьях. Однако их потаенные страсти и пороки, схваченные кистью пронизательных художников, вопреки статичности непри-

«Невинный»

нужденных поз, взывают к нашему воображению. Такова заключенная в фильме метафора, ибо весь он является разоблачительным и сочувственным (как всегда у Висконти) портретом одной знатной семьи.

Она врывается в размеренное существование профессора, который страдает от одиночества, понимает это, но боится, как бы чужие проблемы не стали для него личными. Вот почему он посвящает свой досуг творениям человеческих рук, включая божественную музыку, сопровождающую его уединенные размышления, а не самим людям. Эксцентричная маркиза Брумонта все-таки вынуждает его сдать верхний этаж своему очередному молодому любовнику-альфонсу Конраду, к которому подселается дочь маркизы со

своим женихом. И — начинается порочная вакханалия...

Смысл происходящих вокруг него семейных дрязг и событий остается профессору неведом. За финальной трапезой, где все его скандальные постояльцы высказывают друг другу ужасные истины, он всего лишь случайный наблюдатель. И эта трагическая трапеза выступает заключительным аккордом, последним мазком на проникновенном кинополотне «Семейного портрета в интерьере».

Фильм-завещание, как называли «Семейный портрет» критики, Висконти монтировал уже в инвалидной коляске, поскольку на съемках упал и сломал шейку бедра (травма для пожилых практически неизлечимая).

Далеко ему за наградами ездить не пришлось. Две премии «Давида ди Донателло» лучшему фильму и лучшему иностранному актеру (Берт Ланкастер) были привычные, домашние. Главный приз Вальядолидского кинофестиваля в Испании — это все, чем удостоили шедевр старого мастера международные киносмотрители. Сегодня авторитетные фестивальные руководители признают, что их коллеги недооценили тогда предпоследнюю картину Висконти, которая, подобно элитному вину, набрала с годами особое качество и заслужила всемирное признание.

Последней же работой Лукино Висконти стала наполненная упаднической красотой периода, известного как «Bell'Epoca» («Прекрасная эпоха»), экранизация романа Г.Д. Аннунцио «Невинный» (1976). Мир аристократов, роковая любовь, измены, тонкий налет эротики, невыносимо красивые интерьеры и лица итальянских актрис... Высочайшего класса режиссура и операторское мастерство все того же П. Де Сантиса, завораживающая музыка, идеально обрамляющая фильм, который язык не поворачивается назвать салонной драмой и в котором «невинный» — лишь младенец, оказавшийся плодом порочной страсти.

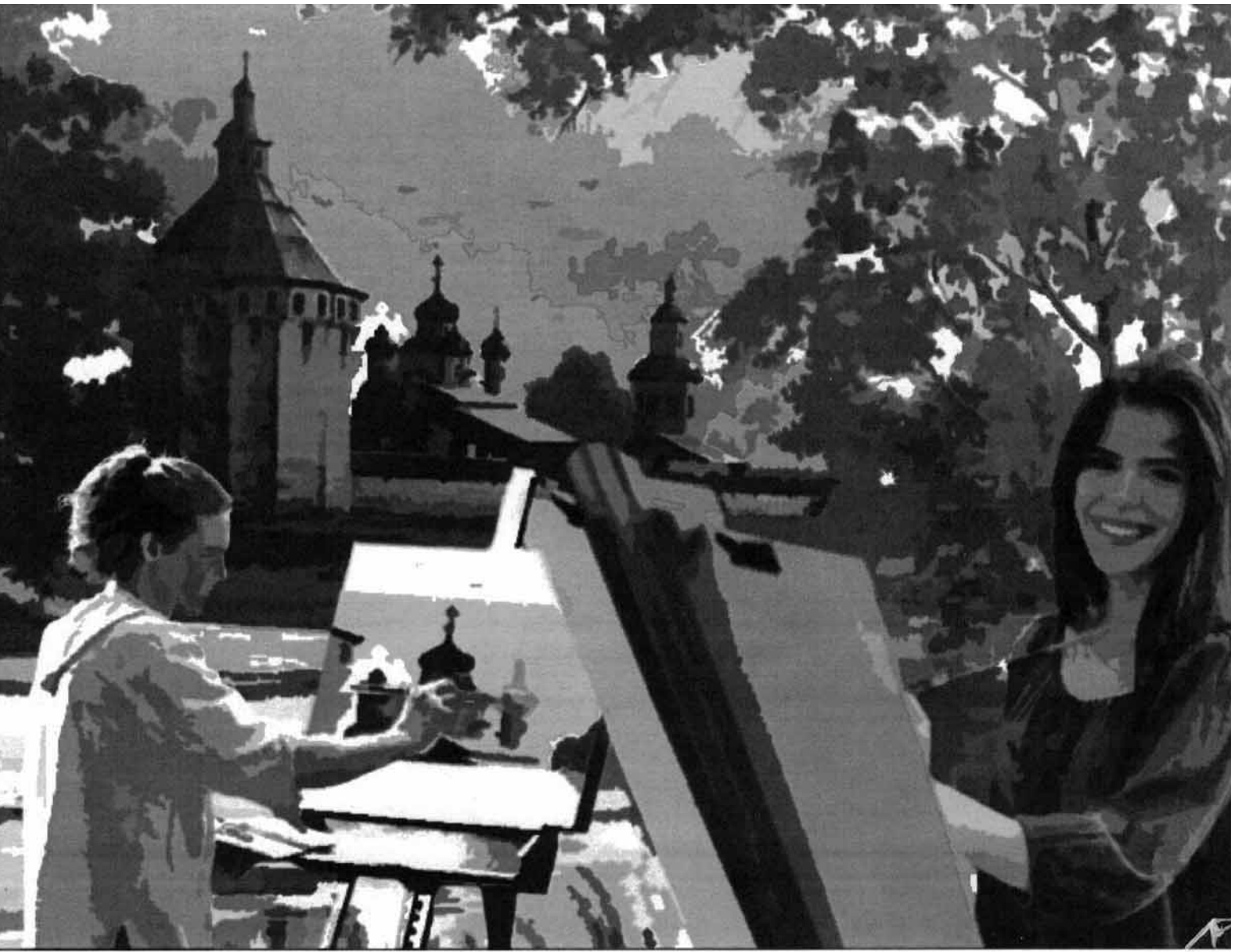
...Сильнейшая простуда ускорила конец корифея киноэкрана. Он успел провести съемки и ушел из жизни в марте 76-го. Монтаж и

озвучивание картины осуществили по его режиссерскому сценарию коллеги-друзья. Финальный титр извещает зрителей: «Это был фильм Лукино Висконти».

Похоронен великий режиссер неподалеку от родового имения герцогов Висконти на острове Искья. По желанию покойного на надгробной плите сделана надпись: «Он обожал Шекспира, Чехова и Верди».

Как ни странно звучит, но было время, когда фильмы Висконти являлись абсолютным табу в СССР. Посмотреть их не могли даже специалисты. Известный киновед А. Плахов вспоминал, что, работая над диссертацией о Висконти, столкнулся с категорическим отказом сотрудников Госфильмофонда показать ему «Людвиг» и «Смерть в Венеции» (почему — непонятно до сих пор). Возможность познакомиться с многогранным висконтиевским творчеством в полном объеме возникла у нас в стране только тогда, когда актуальная для своего времени проблематика этих мощных фильмов себя исчерпала и наступил совершенно новый культурный этап.

Тем не менее, и фанатичные сторонники Висконти, и столь же горячие приверженцы, скажем, Феллини сошлись на том, что Висконти воплотил в себе магистральную тенденцию классической европейской культуры, отзвуки которой продолжают звучать и поныне. □

вилась. А к саням уже бежали, проваливаясь в снег, одетые кто во что люди. С разных сторон бежали — не уйти монахам. Да и невозможно — грохнул выстрел, и опрокинулся навзничь молодой послушник. Около головы по снегу — кровь, словно рябиновая гроздь.

Второй успел подняться, но к нему, замахаясь, прыгнули сразу двое. Что-то круглое взметнулось, блеснуло, впилося в висок, дробя кость. Медленно, словно после тяжелого хмеля, осел монах на рогожи, поскреб руками и затих.

Павлуха постоял над ним, смотрел, как стекленеет удивленный взгляд, а потом наклонился, заботливо поднял выпавшую из мертвых пальцев сумку и взвесил в руке. Не зря они в засаде мерзли — как и говорил Щербатый, фунта два золотишка, не меньше. Даже если пополам с серебром, все равно добыча знатная.

Пока оттаскивали в сторону тела, чернобородый мужик спрыгнул в колею. Наклонился, повозил в снегу окровавленным кистенем, очищая шипы, отряхнул и сунул за пояс.

Тем временем испуганно всхрапывающую лошадь вывели из сугроба, сани развернули.

— Пора уносить ноги, Кистень, — позвал Павлуха. — Как бы монастырские не всполошились.

— Ну, поехали!

Тот, кого навали Кистенем, сплюнул и, загребая снег яловыми сапогами, шагнул к розвальням.

Через минуту на лесной дороге остались чернеть только две распростертые на снегу фигуры. И опять наступила тишина.

Это началось в тот самый день. Именно он стал точкой отсчета, хотя, наверное, можно было бы выбрать и другую. Тот день, когда Мика переступила порог Академии архитектуры, подошел бы не меньше. Или тот, когда впервые увидела Дэна. Или...

Она мчалась, опаздывая на общее собрание курса. Звенели трамваи, сияли вымытые окна особнячков, а Мика бежала вниз по узкой улице и была переполнена ощущением близкой свободы.

Ворвавшись в аудиторию на пару секунд раньше декана, она плюхнулась на стул рядом с Сашкой и огляделась. Весь поток, три группы разом, не слишком часто можно было увидеть. Но сегодня решался вопрос с летней практикой, и явились все, даже Ирка, недавно родившая близнецов, даже наглый Троянский, который принципиально посещал только занятия по специальности, а общие дисциплины так же принципиально игнорировал. Даже... нет, на Регину и Дэна лучше не смотреть, слишком много чести.

Декан тем временем закончил вступительную речь о том, что летнюю практику должны пройти все, потому что осенью нужно представить не менее 20 листов в цвете, ну и так далее... Никто и не возражал. Этудную практика — вещь не только нужная, но и веселая. А уж как измученные учебной студента ждали ее весь год и особенно последние недели! Жаль только, что вариантов было не слишком много, а оставаться в городе, выводя акварелью давно нарисованные многими поколениями студентов церкви и пейзажи — перспектива не слишком радужная. Но хоть так.

— Группа, уезжающая в Чехию...

Ну, это ей не светит, это трое гениев-отличников, получивших на поездку гранты от академии, и две дюжины тех, у кого родители имеют толстые кошельки.

— Группа, уезжающая в Петербург...

Петербург Мику никак не манил, она не любила этот город, он вгонял ее в депрессию. Кроме того, в питерскую группу записались Регина и Дэн, а ей с ними никогда не будет по пути.

Декан монотонно перечислял фамилии, и вдруг слово неожиданно взял заведующий кафедрой рисунка и живописи:

— Друзья мои, появилась еще и возможность поехать в Кутьевск. Мы связались с базой отдыха, которая расположена рядом с Георгиевским монастырем, и вчера получили ответ. Цена путевки на три недели по нынешним временам просто смешная, проживание в деревянных домиках без удобств, трехразовое питание. Добираться поездом через Москву, с пересадкой, потом автобусом. Но зато места изумительные — река, лес, монастырь пятнадцатого века. Желающим могу показать буклет с фотографиями.

— Мика, а ведь это, кажется, нам подходит, — ткнул ее локтем в бок Сашка. — Лично меня удобства мало волнуют. Поехали?

Времени было в обрез — на сборы дали всего три дня, а у Мики был «хвост» по истории искусств. Пришлось гоняться по этажам за неуловимым доцентом Пановым и устраивать на него засаду, но, в итоге, «хвост» она ликвидировала. Сашка, выступавший в роли болельщика, радостно чмокнул Мику в нос и умчался на свидание со своей Ленкой. Дело у них неуклонно катилось к свадьбе, и это радовало — Ленка была не слишком умна, зато обаятельна и покладиста. Сашке с ней будет хорошо.

Мика плелась домой в расслабленном состоянии. Все, завтра вечером отъезд. А то, что руководителем группы назначили Арсения Игоревича Кайсарова, ее мало волновало. Как-нибудь да поладят, не на год же они едут,

в конце концов, к тому же она с Кайсаровым почти не пересекалась, в ее группе он не преподавал.

Дома Мика укладывала вещи в сумку, мыла кисти, резала бумагу по формату папки и просто скакала по квартире под грохот «Раммштайна». За компанию с ней носилась ошалевшая спаниелиха Буська. Их шумное веселье прекратила вернувшаяся с работы мама, и они вдвоем еще раз проверили, все ли она взяла.

Тогда ей казалось, что самое главное — ничего не забыть.

Нет, не удалось им тогда уйти, как ни старались. Что их семеро против целой оравы монастырских? На усталой лошади да в санях далеко ли уедешь? Оставалось уходить через лес, по снегу.

Кистень велел разделиться, местом сбора назначил дальнюю заимку. При себе оставил одного Павлуху — видать, на его быстрые ноги и острый глаз надеялся. И поначалу казалось — отобьются. Ведь два револьвера и кистень даже против дюжины монахов — и то сила. Не учел одного, что к ним присоединятся охотники с ружьями. Когда увидел мелькающие за стволами деревьев полушубки, только выругался злобно. А тут и первый выстрел прогремел.

Они бежали в сторону Мегжи, если удастся на тот берег уйти — ищи-свищи. Бежал Павлуха по-заячьи, то прямо, то, когда чуял, что сейчас стрельнут, прыгал в сторону. Валенки утопали в снегу, ноги заплетались, а пар изо рта оседал на бровях и редких отвислых усах. Впереди маячила спина Кистеня. Вот ведь силушка у атамана — словно никакой усталости не знает.

Павлуха рванулся вперед, запнулся за что-то под снегом, и пропахал носом ближайший сугроб. Но тут же вскочил, обернулся. Монахи были уже близко. В револьвере оставалось четыре патрона, два из которых он не пожалел — пули ушли в сторону упорно бегущих за ним черных фигур. Один монах покачнулся, остановился, держась за плечо, но не упал.

И тут громыхнуло справа — полыхнуло огнем из-за сосны. Павлуха пригнулся и побежал по хорошо заметным в снегу следам атамана. Только бы оторваться от погони и добежать до реки, там они спасутся. Не достанут их с берега из берданок, а по льду бежать куда легче, чем по снегу.

Стегнуло по лицу веткой, сорвало шапку, холодный воздух остужал лоб, так даже легче. А шапка — да ну ее...

Кистень бежал ровно, ломился напрямик, словно лось, уже прикидывал, что к реке под откос можно и кубарем — так быстрее. Только, увы, не дали.

И откуда тот рыжебородый охотник появился?.. Похоже, наперерез шел, на лыжах, да с собаками. Те рванули вперед так, что успел Кистень выстре-

лить всего лишь три раза, одну лайку на месте уложил, другую ранил, а две остальные налетели на него, и пока отмахивался, суя им в зубы локоть левой руки, охотник смог спокойно прицелиться.

От грохота Павлуха замер за кустами, вжимаясь в снег.

Все, не бегать больше атаману — после заряда картечи в живот.

Собаки еще рвали упавшего, рыча в исступлении, тянули полы полушубка. Охотник подкатил к лайкам, цыкнул на них, и обученные кобели послушались, отпрянули.

Павлуха боялся дышать — а ну как почуют псы. Тихо, очень тихо зарывался в снежный замет. Повезло ему до поры до времени — не учуяли.

А потом послышались крики — набежали остальные преследователи. И уже до Павлухи дела никому не было — как же, самого Кистеня одолели! Разглядывали убитого, радовались. Эх, люди божьи...

Холодно было в снегу по самые ноздри сидеть, ох, холодно... Пока не утащили мертвого атамана, уложив на большие сосновые ветки, боялся Павлуха и нос высунуть. Но обошлось, затихло. Только тогда и выбрался, поплелся к заимке. Уже темно было — думал, не дойдет. Чудом одним не зачоченел по дороге.

Щербатый, как услышал, что Кистеня убили, перекрестился. Только и сказал, что всего двое их уцелело — Павлуха, да еще один, Васька-хромой. Вот она судьба — хромой ушел, а быстрый да верткий Кистень под пулю угодил. Да только судьба ли это? Следующей же ночью зарубил Щербатый топором обоих — и Павлуху, и Ваську. А после в лесу зарыл. Нет атамана, нет и шайки. А кубышка с награбленным добром — вот она, достанется тому, кто хитрее окажется.

На вокзал они хотели приехать заранее, но благие намерения вечно обрачиваются какой-нибудь ерундой. Конечно же, у отвозившего их Сашкиного отца что-то забарахлило в машине, пришлось срочно пересаживаться в троллейбус, в итоге, Мика с Сашкой примчались на перрон за три минуты до отхода поезда, и первыми, кого они там увидели, были Регина и нежно обнимающий ее сзади Дэн.

— Быстро в вагон, — увидев их, скомандовал Кайсаров и, что-то пометив в блокноте, добавил: — Наши места с шестнадцатого по двадцать восьмое.

Ах, вот как... Но ведь вчера говорили, что едет десять человек. Еще двое — вот они, стоят в обнимку. А кто третий?

Третий высунулся из окна и помахал им рукой — Ромка Кайсаров.

В академии было довольно сложно иметь отца-преподавателя, таких «деточек» априори считали бездарностями, пролезшими по блату. Именно поэ-

тому Кайсаров-младший с первого курса кинулся доказывать всем свою самостоятельность и непомерную крутизну. Сам Роман учился курсом младше Мики, а выглядел эдаким наглым принцем — высокий брюнетистый красавчик с длинными ресницами и лучезарной улыбкой. Выходит, папенька решил не оставлять отбившегося от рук балбеса без присмотра. Бедный Ромка!

— Игнатка-то где? — спросил старик, с трудом поднимая морщинистые веки. На иссохшем лице седая, с редкой рыжей искрой, борода выглядела необыкновенно нарядно. И это почему-то раздражало Афанасия. Но отца было жалко, ох, как жалко.

— На дворе Игнатка, — ответил сын, кряжистый, неловкий мужик лет сорока, и подсел к отцовской постели. — Позвать?

— Не надо. — Старик пожевал впавшими губами и снова закрыл глаза. — Так отойду, незачем парнишке глядеть.

— Ты, батя, еще поживешь, — с излишней горячностью начал Афанасий, но отец снова шевельнул губами, и он мигом смолк.

— Слушай... — прошелестели губы. — Помнишь, когда ты мальцом был, чуть старше Игнатки, я тебя в лес водил? На то место, где Гришку Кистеня порешил?

— Помню, батя, — кивнул сын, недоумевая, с чего это старик припомнил такую давность.

— Ну, так вот. Место я показал, а после услал тебя. Помнишь?

Афанасий кивнул и, спохватившись, что отец лежит, закрыв глаза, снова повторил:

— Помню.

— Перепрятал я его тогда... Там же, рядом. Под кривой сосной зарыл, прямо под развилкой, в корнях.

— Что зарыл, батя?

«Бредит, что ли, старик?» — озабоченно подумал Афанасий и перекрестился.

— Золото... Золото, Афоня. То самое, монастырское. Гришка тогда от погони с ним уходил. А тут я. Ну и согрешил. Хотел после настоятелю отнести, а не смог. Страшная сила в таком богатстве, никак не пускала. Поначалу-то я его наспех спрятал, в трухлявом стволе. Знал, что скоро рассыплется, вот и перепрятал.

— И что? — осторожно спросил Афанасий, вглядываясь в еле слышно шепчущие губы.

— А ничего. Там оно и лежит до сих пор. Ты, Афоня, сам решай, что с захоронкой той делать. А не решишь, Игнатке скажи... вот как я сейчас тебе говорю. Монастыря-то уже нет. А золото... Страшная у него сила, у золота...

Старик умолк, и молчание это продолжалось так долго, что Афанасий испугался. Схватил иссохшую, похожую на палый лист руку старика и все понял.

Оставил его батя вслед за матушкой, круглым сиротой оставил.

Вбежавший в избу мальчишка-подросток, рыжий, вихрастый и конопатый, замер на пороге, увидев, как беззвучно плачет у дедовой кровати отец.

Кутьевск встретил их тишиной. После двухдневного стука колес и песен под гитару, после шумной Москвы, в которой они, бесприютные, проболтались с утра до вечера, стрекочущее кузнечиками сонное царство просто оглушало. Поезд уполз куда-то за деревья, а они остались. Гора сумок и этюдников около вокзала, помятые физиономии, и на них — растерянность.

Кайсаров отправил Ромку и Дэна узнать насчет автобуса, и те вернулись в глубокой задумчивости — нужное транспортное средство объявится лишь часа через два, да и то, если не сломается. Так им объяснила бабка, торгующая на привокзальной площади семечками.

Пришлось отправлять еще гонцов — в поисках пропитания. А потом они устроились на травке и ели пирожки с капустой, запивая их ядовито-зеленым «Тархуном» из пластиковых бутылок.

Автобус, кряхтя и вздыхая, появился не через два часа, а через три с половиной. И водитель, перед тем как тронуться в путь, тоже долго вздыхал, обходя его кругами и стуча обутыми в кирзовые сапоги ногами по колесам...

И все-таки к концу дня они добрались до «Буратино». Более идиотского названия для места отдыха придумать было невозможно. Наверное, когда-то давно тут был пионерский лагерь — напротив ворот еще сохранилась заросшая лебедой гипсовая фигурка «Маленький Ленин на пеньке» и прожаренный стенд с какими-то патриотическими лозунгами. На кое-как огороженной территории виднелись два довольно больших деревянных строения и куча разномастных дачек россыпью. Мика стиснула зубы. Судя по всему, их расселят по принципу «мальчишки-девочки», так что придется делить комнату с остальными четверьмя девчонками, в том числе и с Региной. От такой перспективы стало тошно.

Спас ситуацию, как ни странно, Кайсаров. Он предложил взять на абордаж самые маленькие домики и поселиться в них по двое-трое. Круглая, как колобок, администраторша поддавалась на уговоры, проворно спрятала шоколадку и выдала ключи с бирками. Мика с Алькой вцепились в первый же попавшийся. Общество Альки Мику вполне устраивало — они были если и не подругами, то хорошими приятельницами.

Они закинули свое барахло в крошечную избушку, единственным достоинством которой был чудесный вид на реку. Называлась река Мегжа. До

ужина оставался еще целый час, поэтому ноги сами понесли их вниз по склону — к небольшому пляжику, оснащённому парой погнутых железных грибков и перекошенной кабинкой для переодевания.

Судя по количеству отдыхающих и состоянию инвентаря, база отдыха переживала отнюдь не лучшие времена — на пологом зеленом берегу они обнаружили всего с десяток человек, да еще полдюжины плескались в воде. Негусто.

Зато вода в Мегже была чистой и прозрачной. А главное — справа, в полукилометре, над рекой высился тот самый Георгиевский монастырь. Автобус подвез их к «Буратино» с другой стороны, так что могучие стены, из-за которых проглядывали синие церковные купола, многоярусную колокольню и ряд видневшихся неподалеку изб они рассмотрели только сейчас.

— Да-а... — восхищенно протянула Алька. — Лично я после ужина пойду рисовать вон туда, — указала она на небольшой мысок, выдававшийся в реку. С него должен был открываться превосходный вид на монастырь.

У Мики тоже руки зачесались, она так и видела, как будет сочетаться зелень раkitника, желтый каменистый склон и вырастающие из него стены обители.

Один только нелепый двухэтажный домина из красного кирпича, стоящий чуть в стороне от избышек, портил картину. Похоже, там еще продолжались строительные работы — неподалеку от дома гудел бульдозер.

— Ладно, пошли быстренько искупаемся, и ужинать, — вздохнула Мика.

На удивление, еда в дощатой столовой оказалась вполне съедобной. Им дали по тарелке рисовой каши с изюмом и курагой, пышно названной фруктовым пловом, и по стакану киселя с плюшкой. Плюшку Мика завернула в салфетку и сунула в карман — до того как ложиться спать, еще наверняка есть захочется.

Руслан и Антон потихоньку обошли столики, за которыми сидели сокурсники, и конфиденциально, чтобы не услышал Кайсаров, предложили скинуться на «банкет по случаю приезда». Мика с Алькой выдали требуемую сумму, предупредив, что сходят на этюды и появятся позже. Так что лучше не ждать и начинать без них.

— Ясно, — кивнул Антон, накаченный бритоголовый крепыш в черной спортивной майке. — Вот тот домик голубой на берегу, около большой сосны, видите? Там мы и будем. И не шастайте до темноты. Неизвестно, что тут за публика.

Сашка идти рисовать отказался наотрез, сославшись на головную боль, ипохондрию и желание сберечь жизненные силы для предстоящего банкета.

та. Прихватив папки и этюдники, девушки отправились вдвоем. К берегу можно было пройти по узкой тропинке сквозь заросли крапивы пополам с дикой малиной. Алька шла впереди, изредка оглядываясь, не заблудились ли они. Наконец Мика пролезла в огромную дыру в заборе и оказалась на склоне.

— Ну что, рискнем проверить, что тут за публика? — мрачно спросила она, рассматривая компанию парней, успевших за это время расположиться на мысу.

Близоруко щурясь, Алька покачала головой:

— Лично я такого желания не испытываю. Пошли лучше туда, — махнула она рукой в сторону зеленой низинки. — Если пройти подальше, можно будет найти ракурс, с которого будут видны только монастырские стены с колокольней.

— Ладно, пошли, — вздохнула Мика.

Девушки спустились вниз и пересекли луг, отделявший территорию базы отдыха от монастыря. Чуть дальше виднелась насыпь и дорога, а за ней, на невысоком холме — деревенское кладбище.

Лучи садящегося за монастырь солнца насквозь пронизывали пахнущий нежно и печально шиповник. Мика прикоснулась к бело-розовому цветку, и он осыпался круглыми лепестками, похожими на крылья бабочек. За покосившимся забором виднелись кресты и железные пирамидки со звездочками. Крестов было больше.

За ограду они не полезли, пробирались вдоль. И буквально через несколько метров наткнулись на вывороченный из земли камень — обычный, довольно большой валун, с одной стороны покрытый подсохшей земляной коркой. Алька обошла камень и присела на корточки.

— Смотри, тут кто-то пытался вытесать крест. Наверное, это старое надгробье.

Мика подошла поближе. Это был явно не крест. Две вертикальные линии, пересеченные крестом, вроде бы, еще часть ромба.

— Не знаю, я бы сказала, что это больше похоже на рунные знаки. Но откуда бы им тут взяться? Наверное, просто мальчишки развлекались. И вряд ли этот булыжник — надгробье, раз за оградой лежал.

— Ну, то, что за оградой, может означать, что под ним похоронили самоубийцу или какого-то отпетого грешника, — не согласилась Алька.

— Вряд ли кто-то теперь вспомнит, кто тут лежал, если вообще лежал.

С этими словами Мика вскинула на плечо этюдник и двинулась дальше. Оглянувшись, увидела, что Алька возится с ремнем-лямкой — та ослабла, и нужно было немного ее подтянуть.

Ничего, догонит, подумала она и, дойдя до конца кладбища, вдруг увидела человека. Он сидел прямо на траве около какой-то безымянной могилы, оплывшего и заросшего чабрецом земляного холмика, и... улыбался. В таком месте улыбка выглядела настолько неуместной, даже дикой, что девушка невольно остановилась.

На вид ему было лет двадцать пять или тридцать. С кудрявой темной бородкой, по пояс обнаженный, облаченный только в закатанные до колен светлые штаны. И босой. На волосатой груди — серебряный крестик на шнурке. Мика рассматривала его во все глаза — сидит себе, словно на пляже, шевелит в траве пальцами вытянутых ног и ухмыляется. Возможно, это какой-то местный блаженный? Нет, не похоже — взгляд темных глаз был вполне осмысленным. Просто очень довольный чем-то мужик. Только не место такому проявлению счастья на погосте.

Тут ей в голову пришла мысль об эксгибиционистах и прочих маньяках, и она испуганно обернулась. Алька, к счастью, была уже рядом. Когда Мика опять взглянула на могилу, человека рядом с ней уже не было, и даже ветки росшей рядом сирени не шелохнулись.

— Куда же он пропал? — вслух проговорила она.

— Кто? — удивилась Алька.

— Тот тип, что сидел вот тут.

— Мика, ты не бредишь? Тут никого и не было. Я бы заметила.

— Как не было?! Сидел тут один полуголый тип, бородатый.

— Точно сидел?

Мика разозлилась, швырнула этюдник на землю и пролезла в одну из дырок в ограде. Вот могила, вот тут сидел мужик. Да, именно тут. Она с минуту постояла в задумчивости, а затем молча вылезла обратно. Потому что густая трава около могильного холмика была нисколько не примята и выглядела так, словно сюда много лет никто не забредал. Может быть, бородач сидел на чем-то вроде камня или бревнышка? Нет, она точно видела — в траве. Тогда почему на ней не осталось ничего?!

Отчего-то ей вдруг стало не по себе, появилось ощущение, что кто-то смотрит на нее. И взгляд этот был недобрый.

— Что с тобой, Мика? — встревожено спросила подруга.

— Ничего, — пробормотала Мика, подбирая этюдник. — Тогда, наверное, это было привидение.

— Привидения появляются на кладбище только по ночам, — последовал безапелляционный ответ.

— Смотри под ноги! — прикрикнула Мика, потому что сама едва не свалилась в глубокую канаву, наполненную стоячей водой.

За канавой девушки остановились, идти дальше не имело смысла — перед ними был отличный вид на монастырь.

Все время, пока они рисовали, Мика размышляла о том, что же произошло, и чего она внезапно испугалась. Даже достала лист бумаги и по памяти быстренько набросала портрет бородатого. Получилось похоже, но Альке она рисунок показывать не стала.

Темнеть начало поздно, к тому времени они успели сделать по паре этюдов и подвергнуться атаке назойливых комаров.

— Обрато пойдеш той же дорогой? — с сомнением поинтересовалась Алька.

— А что, есть другая?

— Можно попробовать выйти отсюда сразу к дамбе. По ней немного дальше, зато в кусты лезть не придется.

Выбранный путь действительно оказался более долгим, девушки сделали крюк, огибая новостройку, и вскарабкались на насыпь. Потрескавшийся асфальт, редкие бетонные столбики по краям. Дорога уходила к монастырским воротам.

Вблизи стены монастыря выглядели еще более внушительно — два яруса узких окон, которые больше напоминали бойницы. Колокольня высилась над воротами, словно прикрывая собой темные к склону избы.

— Деревня называется Георгиевка, по монастырю, — сообщила Алька. — Надо бы завтра туда наведаться, я люблю старое дерево рисовать.

— Говорили, что мы завтра с утра в монастырь отправимся. Вот и посмотрим.

Лес был наполнен обычным шумом — шелестели, покачиваясь на ветру, кроны деревьев, поскрипывала где-то старая береза, стрекотала сорока, слыша человеческие шаги.

— *Смотри, Игнатка, тут оно и было, запоминай — от гари точно на юг, а потом через овражек. Как перейдешь, ищи просеку, она к месту и выведет. А там дальше — река. Не забудь.*

— *Не забуду, — кивнул Игнат и почесал горевшее от комариных укусов ухо. — А что, правда, что дед в одиночку Кистеня одолел?*

— *Правда. Хотя с собаками да с ружьем. Но и у того, сказывал, пистолет был.*

Афанасий остановился, разглядывая лес. Точно, здесь. Теперь уж сын не забудет, найдет.

— *Ну, все, часть дедова завещания исполнил. Можно домой возвращаться.*

— Какого завещания? Ты про что, батя? — с удивлением посмотрел на него паренек.

— А про все остальное потом узнаешь, когда время придет. До поры тебе, Игнатка, без этого жить будет легче. Ну, пошли обратно, а то бригадир приезжал, ругался, что трудодни не все отработали.

Игнат еще раз обернулся — низкие тучи, проносящиеся над лесом, делали его если не мрачным, то суровым. Отсюда, если напрямик идти, до деревни не так уж и далеко, а кажется, что край света.

Мике не хотелось идти на эту вечеринку. Она просто устала с дороги. В конце концов, пошли уже третьи сутки, как ей не удавалось нормально выспаться. И сейчас желание было одно — залезть под одеяло и закрыть глаза. Но ее отсутствие могли бы посчитать малодушием.

Алька быстро переоделась в брючный костюм и нарядные босоножки и стала похожа на фотомоделю. Мике такое счастье не светило, поэтому она ограничилась подаренным мамой свитерком в индейском стиле, к которому полагались кожаные тесемки с костяными висюльками. Эту дребедень она на скорую руку вплела в волосы, и, глядя в зеркальце, решила, что стала похожа на унылую бледнолицую скво, захваченную племенем апачей. Ну и черт с ним! Джинсы и кроссовки... Можно идти.

Обычная вечеринка, самая обычная. Ничего нового.

Но новое было. Оно сидело в углу и перебирало струны обшарпанной гитары. У него было усталое отрешенное лицо, чеканный профиль и волосы, слегка тронутые на висках сединой. Звали его Арсений Игоревич Кайсаров.

Почему-то Мика до последнего была уверена, что его тут не будет. За время поездки руководитель группы обращал на подопечных внимания ровно столько, сколько требовалось для решения текущих проблем. Да и что какая-то заурядная попойка третьекурсников для успешного архитектора, который согласился поехать с ними только для того, чтобы сыночка контролировать?

Интересно, почему они в Чехию не отправились при таком раскладе?

А Ромка, вот он, сидит на деревянной скамейке, жует бутерброд. Под бдительным отеческим присмотром, так сказать.

Мике стало совсем тоскливо — какое уж тут веселье? И если Дэна и Регину она еще могла пережить, то присутствие Кайсарова стало для нее последней каплей. Даже если он собирается весь вечер музицировать.

В принципе, она уже отметила свое присутствие, и оставалось разве что сделать вид, что напилась, и тихо свалить отсюда. Это была хорошая идея, и Мика немедленно приступила к ее реализации, тем более что Павел уже

протягивал ей стакан с неким напитком. Визуально и даже по запаху определить, что это такое, было невозможно. А на вкус... Бр-р-р!

Стол, на котором в качестве закуски фигурировали ставрида в масле, миска огромных соленых огурцов и нарезанная крупными кусками любительская колбаса, был накрыт на веранде. Неподалеку от нее, на берегу реки, горел большой костер. А музыку включать никто не торопился, хотя когда все начинают под нее скакать, смыться куда проще.

Тем временем вокруг Кайсарова уже сгруппировались любители попеть хором и под гитарные аккорды затянули что-то заунывное. Дым от костра иногда залетал на веранду, добавляя абсурдности в происходящее. Алька вовсю кокетничала с Павлом, а Регина обнималась с Дэном, выбрав для этого самое освещенное место. Так что у Мики иного выхода, как закрыть глаза и сделать вид, что тоже поет, не оставалось. Лишь бы никто не видел, как ей плохо...

*«Десять девушек едут Веной,
плачет смерть на груди гуляки...»*

Голос у Кайсарова был низкий, с хрипотцой, так что вторить ему было легко. Она и вторила, как могла.

*«...а за ними в серебряной стуже
старой Венгрии звезды пастушьи,
и ягнята, и лилии льда...»*

Вдруг Мика сообразила, что поют только они вдвоем, остальные как-то незаметно замолчали. Почему так получилось, она не поняла — то ли больше никто не знал слова «Маленького венского вальса», то ли «Слеза Буратино» сыграла свою роковую роль. Отступить было некуда, и пришлось продолжать:

*«... я оставлю эхо дыханья
в фотографиях и флюгерах
и шагам твоей поступи вверю
ленты вальса, скрипку и прах».**

Песня закончилась.

— Блеск! — констатировал Ромка. — Лучший дуэт сезона!

Мика подняла голову и откинула с виска крошечные индейские колокольчики. Две секунды, минимум две секунды надо было выдержать изумленно-раздраженный взгляд Регины. И отвернуться.

Внезапно ей стало весело, настолько, что она с трудом сдержала смех. Неужели бывшая подруга откроет сезон новой охоты? А ведь похоже на то... Этот вечер, язычки пляшущих на ветру огоньков свечей и два голоса,

* Федерико Гарсиа Лорка. «Маленький венский вальс».

то сливающиеся, то догоняющие друг друга. А потом склоненная к ее руке голова Кайсарова. Такое Регина просто не сможет простить «мелкому ничтожеству», как она назвала однажды Мику в присутствии Дэна. А тот только опустил глаза и промолчал.

Две секунды истекли. Теперь можно было выбирать, что делать дальше. Болтать с Сашкой? Просто торчать тут?

Она встала и отправилась к костру. Посидела рядом с ним, шевеля в огне палкой. Подошел Ромка, принялся что-то рассказывать. Мика слушала, кивая, а сама думала совсем о другом...

Откуда взялась эта ненависть, Мика так и не смогла понять, как ни старалась. Первое, что вспоминалось — ей пять лет, и в гости к ним приходит высокая красивая женщина с девочкой. Региночке тоже пять, она крупная, нарядная и избалованная, так что рядом с ней Мика-мышонок теряется. Девочка по-хозяйски лезет в Микин ящик с игрушками, фыркает, крутит любимой кукле Матрене голову. Мике обидно, но она молчит. Тогда девочка закрывает дверь детской и толкает ее с такой силой, что Мика падает на пол. Она не кричит, не плачет, но кто-то слышит грохот опрокинутого ящика. Регину начинают воспитывать, она покаянно мотает головой: «Больше никогда, мамочка».

После этого они изредка встречались и, как ни странно, даже немного сдружились. А когда оказались на одном курсе академии, Мика искренне обрадовалась — все-таки среди семидесяти незнакомых парней и девчонок есть хоть одна подружка. Они так и ходили поначалу — парой. На занятия, в класс рисунка, в столовую.

Но потом начались странности, которые Мика некоторое время старалась не замечать. То косые взгляды однокурсников, которым кто-то наболтал, что у нее был недобор проходного балла, и в бесплатную квоту ее вписали за взятку, то пропала ее курсовая работа по живописи, и в последнюю ночь перед сдачей пришлось спешно писать новый натюрморт, то Дэн вдруг спросил, не армянин ли ее отец. Это особенно задело Мику — какая разница, кто ее родители? И то, что свое экзотическое имя Микаэла она получила в честь лучшей подруги матери, она объяснять не стала. Постаралась перевести все в шутку.

То, что Мика не оправдывалась, хотя сделать это было легко, и ничего не пыталась никому доказать, только подливало масла в огонь. Регина оказалась из тех, кто постоянно ищет себе жертву, а, найдя, начинает ее исподтишка третировать. Многие на их потоке были в курсе происходящего, и Мике искренне сочувствовали. Но и у Регины были «болельщики», так что нехорошее развлечение приобретало иногда характер травли. А то, что ее предал

Дэн, поначалу Мику просто подкосило. Если бы не Сашка, не Алька и еще несколько человек, она бы ушла или хотя бы взяла академический отпуск. Но это был не выход. Выход один — выстоять.

Она не могла изменить ситуацию, поэтому пыталась изменить себя. Получалось плохо.

— Эй, ты что, уснула? — вывел ее из задумчивости голос Романа.

— Что? Ой, извини, что-то у меня голова разболелась. Пойду-ка я действительно спать, иначе завтра буду никакая.

— Я тебя провожу. — Он встал и протянул ей руку.

Мика хотела возразить — в конце концов, до их домика рукой подать, всего метров сто. Но внезапно ей пришла в голову забавная мысль. А что, если Ромка Кайсаров чем-то сродни Регине? Нет, вряд ли он способен на такие пакости, как Региночка. Просто подсознательно соперничает с отцом — таким успешным и талантливым. И не просто так он отправился за ней к костру, и провожать собрался тоже не просто так.

Скорее всего, эта догадка была чушью, просто она зациклилась на своих проблемах с Региной. Но можно и проверить.

Неужели в ней наконец-то проснулась женская стержневость? И хорошо это или плохо? Во всяком случае, к своему домику Мика отправилась, не прячась ни от кого. Она демонстративно протащила Ромку мимо веранды, на которой продолжали пить и петь, и не сомневалась в том, что их заметили все, кто там был.

По дорожке, освещаемой одиноким фонарем, они подошли к домику. Мика открыла, было, рот, чтобы сказать Ромке, что тому пора возвращаться, но не успела — прямо на них из темноты выскочила довольно объемистая фигура в белом. Она налетела на Мику и на ощупь оказалась мягкой и теплой.

— Ой! — вскрикнула фигура слабым голосом. И добавила: — Извините!

— Ничего, — пробормотала Мика, отстраняясь.

— Что-то случилось? — спросил Ромка, разглядывая наряд незнакомки, никак не подходящий для появления в общественных местах. Проще говоря, на ней была ночная сорочка и пеньюар.

— Нет, нет... Просто я испугалась. Сама не знаю, чего. Вот и убежала. Теперь боюсь возвращаться.

— Откуда вы убежали?

В свете фонаря и луны лицо женщины казалось театральной маской — широко распахнутые глаза, кривящийся рот. Похоже, она была на грани истерики, но пока держалась.

— Из дома. Это там, — махнула она рукой куда-то назад. Мика глянула через ее плечо, но ничего кроме зарослей крапивы, за которыми заканчивалась территория базы отдыха «Буратино», в темноте не разглядела. Их дачка была крайней.

— У вас попить не найдется? — неожиданно спросила женщина. — Я бежала... долго. Во рту пересохло.

— Пойдемте, — кивнула Мика. — А ты, Ром, возвращайся, пожалуй, мы тут и сами разберемся.

Младший Кайсаров с явным сожалением пожал плечами, и, оглядываясь, ушел.

Пока неожиданная гостья, устроившись за колченогим столом, жадно пила успевшую выдохнуться за день минералку, Мика успела рассмотреть ее. Женщине было около тридцати лет. Круглое простоватое лицо, но кожа гладкая и чистая, волосы ухоженные. Да и наряд на ней был далеко не из дешевых — тонкий шелк, расшитый по краю гладью. Заметив ее любопытный взгляд, женщина смутилась, спрятала под стол ноги, обутые в грязные комнатные тапочки, и вздохнула:

— Мне так стыдно, но ничего с собой сделать не могла. Просто какой-то животный ужас. Ах, да... меня Инной зовут. Инна Стрельцова.

— А меня — Мика. Вас, Инна, наверное, кто-то сильно напугал?

— Мужа я испугалась, — прошептала женщина. — Нет-нет, он у меня вообще-то хороший. И работает много, и все в дом, и не пьет... почти.

Все понятно — почти не пьет, а как выпьет, звереет. Инна по глазам Мики прочитала ее мысли и покачала головой:

— Нет, он меня за все время и пальцем не тронул. Любит. А сегодня вдруг... Он вернулся домой, когда уже стемнело. Вошел, и молчит... А Сема у меня молчит редко, говорун, да все не просто, а с прибаутками. А тут — молчит. Я испугалась, не случилось ли что. Спрашиваю — буркнул что-то в ответ и на второй этаж ушел. У нас дом новый, большой.

Ага, так это, похоже, хозяйка того самого кирпичного «сундука». Далекое же ей бежать пришлось. И почему не в монастырь или к соседям, они же гораздо ближе? Хотя монастырь мужской, так что вряд ли там обрадовались бы поздней гостье в неглиже.

— И тут мне не по себе стало. Что, думаю, могло такого случиться, что Семочка мой на себя непохожим вернулся. Я за ним, а он... — Тут Инна переменилась в лице и снова схватилась за стакан с водой. Сделав несколько судорожных глотков, едва не поперхнулась и подняла на Мику измученные глаза: — А он там, в шкафу шарит, словно не он вовсе... Муж-то мой акку-

ратный, все на место вешает, а тут — вещи вытаскивает и бросает. Я говорю: чего это ты одежду на пол кидаешь? А он на меня через плечо глянул. И я вижу — лицо-то Семино, а глаза... глаза — чужие, бешеные. У Семы взгляд простой, не злобный, даже когда он сердится, а у этого... У этого не Семины глаза были. Я без памяти из спальни выскочила, бегом вниз по лестнице, да в чем была и побежала к Марье Ильиничне. Только потом вспомнила, что она тут не ночует, домой в Кутьевск ездит. Что же мне теперь делать?

— А Марья Ильинична, это кто? — осторожно спросила Мика.

— Она завхозом тут работала. Теперь администратором стала. Хорошая женщина, душевная. Я бы у нее переночевала. Куда в таком-то виде?

— Ну, до утра можно у нас остаться, — подумав, предложила Мика. Действительно, не выгонять же несчастную в ночь? На ненормальную она не похожа, просто очень испуганная тетка. Поспит, а к утру придет в себя.

— Правда? — обрадовалась Инна.

— Почему нет? На веранде есть топчан, перенесем его в комнату, застелем одеялами, а вместо подушки можно куртку мою положить. Ночью тепло, так что и под простынями не замерзнем.

— Господи, никогда не думала, что могу быть такой паникершей, — бормотала Инна, когда они перетаскивали лежак, упрямо не желающий пролезать в узкую дверь. Пришлось его повернуть боком. — Так испугаться... И кого — Семь!

Она постелила одеяло и обессилено рухнула на жесткое ложе. Мика переделась в пижаму и тоже легла.

— Ничего, Инна, завтра утром все будет в порядке, я уверена, — ободрила она гостью. — И ваш Сема еще прощения просить будет. Если хотите, я могу с вами к дому пойти, все равно мы в монастырь собирались.

Время настало до срока, в июле сорок первого. Когда почтальонка принесла повестку, жена Наталья зашлась в слезах, а Афанасий только крякнул — ну, что ж, воевать, так воевать, дело мужицкое. Ничего, Игнату уже семнадцать, вырос помощник. О том, что через год настанет и ему срок, думать не хотелось. Да и надежда, хоть и слабая, что они за год сумеют с немцем управиться, все же была.

В тот же вечер рассказал Афанасий сыну про дедову захоронку. Смотрел строго — не загорятся ли глаза жадным огнем, не обрадуется ли. Это было важно. Нет, обошлось — Игнат только нахмурился и в затылке почесал.

Посидели еще, помолчали.

— Ты место точно найдешь? — напоследок спросил отец.

— Найду, батя, не волнуйся. Могу хоть сейчас сбегать.

— Сейчас не надо. А вот... — замялся Афанасий, — вот ежели и тебе на фронт придется, то сходи в монастырь, там живет один... его там вроде как не в себе считают, да только я с ним говорил. Монах этот из бывших, Демидом зовут. Он блаженным только кажется, а сам себе на уме. Про все, что происходит, в тетрадке пишет. В общем, ежели твой срок подойдет, сходи к нему, покайся за деда, скажи про золото... Понял?

— Понял, — вздохнул Игнат, с трудом представляя, как это — каяться за кого-то. Но не перечить же отцу. — Схожу.

Когда в домик вернулась Алька, никто не слышал, обе уже спали. Утром Мике пришлось вкратце объяснить подруге, откуда у них появилась Инна. Потом они все втроем задумались, во что бы переодеть ночную гостью, чтобы она смогла дойти до собственного дома, не шокируя людей. Остановились на Алькином балахонистом сарафане — из всей имеющейся в наличие одежды только он относительно подходил по размеру. В таком наряде Инна выглядела вполне сносно.

Помня вчерашнее обещание проводить гостью до дома, Мика попросила ее подождать, пока они с Алькой сходят на завтрак.

В столовую явились далеко не все — Павел отсыпался после ночных прогулок с Алькой, а Сашка и Антон — после злоупотребления «Слезой Буратино». Так что Мике удалось стащить со стола предназначавшиеся им порции омлета, чтобы отнести Инне. Почему решили не завтракать Регина и Дэн, можно было только догадываться.

Кайсаров был хмур. Ни на кого не глядя, объявил, что уцелевшие после вчерашней акции могут отправляться, куда хотят, но лично он все же предпочитает культпоход в монастырь. Намек был понят правильно, и все, конечно же, выразили готовность присоединиться.

Омлет гостья приняла с благодарностью, но смогла съесть только крошечный кусочек. Видно было, что она сильно нервничает, несмотря на то, что при свете утреннего солнца страх должен был пройти. Не проходил.

— Я предупредила Майку, чтобы они шли без нас, мы догоним в монастыре, — вбежала запыхавшаяся Алька. — Этюдники брать будем?

— Лично я — нет, — ответила Мика, натягивая шорты и майку. День обещал быть жарким. — Таскаться с ним...

— Наверное, ты права, вдруг на колокольню полезем. Ну что, готова?

Они отправились тем же маршрутом — к забору, а потом через низину.

— У нас в Кутьевске квартира была, — по пути рассказывала Инна, — но Сема хотел свой дом, а тут у него бабка в Георгиевке умерла, избу оставила. Халупа, конечно, древняя, но участок большой. Опять же — монастырь ря-

дом, святое место. А нам пока детишек бог не дал. Вот мы и решили построятся тут — вдруг поможет...

Инна внезапно замолчала и остановилась. В глазах опять появился страх. Они уже подошли к дому достаточно близко, так что Мика сразу поняла, что ее так напугало — даже при ярком солнечном освещении стало видно, что внутри горит свет. И на первом этаже, и на втором — везде.

— Что же это такое? — прошептала Инна, бледнея на глазах. — Сема, он же всегда следил, лампы выключал...

— Напился, скорее всего, — попыталась успокоить ее Алька, — вот и уснул при свете.

— Дай-то бог. Ну, я ему, паразиту, покажу!

С этими словами Инна свернула за угол дома — очевидно, там был вход. Мике в босоножку попал камешек, и она остановилась, чтобы его вытряхнуть. Алька нетерпеливо топталась рядом, подгоняя. И тут, разрывая безмятежную тишину, раздался дикий крик.

Спотыкаясь, Мика бросилась вперед, но длинноногая Алька ее опередила. То, что они увидели, повергло их в шок. За огромным кирпичным особняком пряталась небольшая покосившаяся избенка. Очевидно, при строительстве ее использовали как временку, и сейчас она доживала последние дни — скоро на ее месте будет разбит цветник или выкопан бассейн. Перед залатанным фанерой дощатым крылечком стояла, замерев, Инна. В двух метрах от нее на земле лежала мертвая собака. Огромная, черная, с рыжевато-серыми подпалинами овчарка. Застывшая в оскале пасть, пыльная шерсть, а голова... Мика отвернулась. Смотреть на кровавое месиво было выше ее сил.

— Дик... — севшим голосом прошептала Инна. — Дик. Как же... Кто мог?

— Это ваша собака? — с трудом выдавила Алька.

— Наша. Я вчера, когда выбежала из дома, звала Дика, а его нет. Подумала, что убежал куда-то. А он... уже тогда, наверное, тут лежал. Просто темно было. Кто же его? Сема? Но он же его так любил, щенком брал...

Не в силах находиться рядом с убитым псом, они отошли назад и остановились перед другим крыльцом — новым, из железобетонных панелей. Показалось Мике или нет, что щеголеватая стальная дверь чуть-чуть приоткрыта? Щелочка была мизерная, но она была.

— А если не Сема? — дрожащим голосом продолжала Инна. — Если это какие-то отморозки? Мало ли тут разных...

— Может, полицию вызвать? — предложила Мика.

— Да что полиция? Собаку убили — большое для них дело, не человека же. И потом — пока они из Кутьевска доберутся... Вот только в дом как же войти? Вдруг они все еще там? Ой, и дверь не заперта...

Мика на минуту задумалась, потом достала из кармана мобильник и набрала номер Сашки. Тот отозвался, но на вопрос, где он сейчас находится, ответил весьма туманно. Похоже, он еще и не вставал с постели.

— Слушай, тут что-то нехорошее творится, — прервала поток его стенов Мика. — В общем, давай, бери ноги в руки и скорее дуй к нам. А о своей мигрени ты мне потом расскажешь.

Сашка по ее тону понял, что произошло нечто серьезное, и только уточнил, куда именно нужно бежать.

— В сторону монастыря посмотришь, там кирпичный дом, он один такой, не ошибешься. Мы рядом с ним. И... — Мика замаялась, — в общем, если кто-то из наших спросит, ничего не говори.

— Во что вы там влипли? — только и спросил Сашка.

— Надеюсь, ни во что, просто не нравится мне все это.

— Уже бегу! Ждите! — прокричал приятель и отключился.

— Минут через десять будет, — сказала Мика, кладя трубку обратно в карман, и предложила: — Давайте в сторону отойдем, вдруг из дома кто-то выскочит, и прямо на нас.

Алька поспешно потащила Инну в тень большого вяза, росшего метрах в тридцати от дома. Оттуда и собаку почти не видно, и крыльцо просматривается.

Сашка примчался даже не через десять, а через семь минут, что было настоящим рекордом. В руках он сжимал неизвестно где добытый обрубок ржавой водопроводной трубы.

— Ну, что у вас тут? — с трудом переводя дыхание, спросил он.

Мика указала ему глазами на лежавшего в траве Дика. Сашка подошел, глянул и почесал в затылке:

— Кто это его?

— Не знаю, — ответила Инна.

— Саш, нам надо войти в дом, а там может быть кто угодно. И дверь не заперта.

Сашка прикинул что-то и деловито скомандовал:

— Держитесь сзади, вперед меня никуда не суйтесь! Пошли!

Незапертая дверь открылась плавно и беззвучно, она была тяжелой, со сложным замком. За ней оказался тамбур и небольшой холл, в котором горели два матовых светильника.

— Вчера тоже так было? — спросила Мика, рассматривая валяющиеся повсюду вещи. Тут были какие-то ботинки, шляпы, щетки для волос и почему-то большой эмалированный дуршлаг. Инна в ответ отрицательно покачала головой.

Сашка открыл ближайшую к входу дверь, заглянул, пожал плечами и распахнул створку пошире. Стала видна кухня — большая и, видимо, уютная, но сейчас скатерть на столе была наполовину сдернута, шкафы стояли открытыми настежь, а все их содержимое было перевернуто и частично сброшено на пол. Инна охнула и зажала себе рот ладонью.

— Тут что-то искали, — свистящим шепотом прокомментировала увиденное Алька.

— Пошли дальше!

Дальше была гостиная, где разгром тоже впечатлял — даже шторы с окон кто-то сорвал, и они валялись скомканными в углу. После этого проверили весь первый этаж — ни в кладовке, ни в ванной, ни во встроенном гараже — ни души. Новенькая синяя «Нива» была изуродована — стекла разбиты, а на капоте виднелись следы ударов, которые пробили металл почти насквозь. И следы были странные — как будто чем-то острым колотили по несколько раз в одно место.

Затем настала очередь второго этажа. Но и там — в двух пока пустых и даже не оклеенных обоями комнатах и в спальне не было никого.

Больше всего Инну испугало даже не то, что повсюду летал пух из вспоротых подушек, а разбитое большое зеркало. Она как увидела его, так и села на развороченную двуспальную кровать, закрыла лицо ладонями и разрыдалась.

Алька кинулась ее успокаивать, остальные стояли молча. Вид чужого разоренного жилища угнетал. Что могло произойти тут ночью?

Машинально Мика подняла валявшуюся на кровати фотографию в металлической рамке. С нее весело улыбалась Инна, которую обнимал за плечи крупный рыжеватый мужчина в голубой, расстегнутой на груди рубашке. Взгляд у него действительно был мягкий и добрый. Что там Инна вчера говорила про страшные глаза? Представить себе, что эти серо-голубые глаза могут так напугать, было невозможно.

— Девчонки, вы того... держите себя в руках, — пробормотал Сашка. — Надо еще там посмотреть. — Он махнул рукой куда-то в сторону, но они поняли — надо было еще заглянуть в старую избу. Если уж проверять, то везде.

В холле Инна выдвинула ящик комода.

— Семины ключи на месте. А сам-то он где?

Ответом было молчание. Ну откуда они могли знать, что нашло на этого Сему, и почему он устроил в доме такой бедлам. Если, конечно, это он сам устроил.

Молча пересекли двор и, стараясь не глядеть на мертвого Дика, поднялись на жалобно скрипящее крыльцо избы. Сашка дернул на себя перекошенную

дверь. За ней в сенцах громоздились какие-то баки, банки с краской, ведра и бидоны. Пришлось проходить чуть ли не боком. Единственная комната с закопченной печью, голая железная кровать, в красном углу — иконы, украшенные вылинявшими бумажными цветами, давно погасшая лампада. В помещении стоял плотный запах непроветриваемого жилья и краски. Но, по крайней мере, вещи тут лежали на своих местах, а не валялись на выщербленных половицах.

Мика на всякий случай заглянула во все углы — никого и ничего. Разгром неизвестный или неизвестные ограничили одним новым домом.

— Что ты будешь делать? — спросила она Инну, когда все вернулись во двор. Как-то незаметно они перешли на «ты».

— Сначала Дика похороню, — вздохнула та, — а потом... Потом соберу вещи и к маме в Кутьевск уеду. Не могу я тут оставаться, страшно.

— Ну, собаку мы закопать поможем, — пожал плечами Сашка. — Но полицию я бы все же вызвал.

— Ох, вы не знаете наших порядков, — махнула рукой Инна. — Скажут, мужик побуянил, дело обычное, а я панику устраиваю... Вот если неделю его не будет, тогда заявление отнесу. И то могут не принять.

Спустя полчаса в конце двора была выкопана могила для Дика. Инна вернула пса в старое одеяло, и они вдвоем с Сашкой опустили его в яму и закидали землей. Немного постояли, не зная, что сказать. Около дома осталась сиротливо стоять пустая собачья конура.

Потом Инна наспех сложила какие-то вещи в сумку, переоделась, отдала Альке пакет с сарафаном и вышла из дома, заперев дверь.

— Спасибо вам, ребята, — дрогнувшим голосом сказала она. — Если бы не вы...

— Сейчас куда, на автобус? — спросил Сашка.

— Автобус только к обеду будет, я пока у Марьи Ильиничны посижу.

Понуриив голову, Инна поплелась в сторону базы отдыха. Потом вдруг остановилась и вернулась чуть не бегом.

— Вы ведь отсюда к монастырю пойдете?

— К монастырю, — кивнула Алька. — Наши, наверное, уже там.

— Вы... как будете проходить мимо избы, где на воротах петухи резные, стукните в окошко. Там Татьяна живет, Семина сестра двоюродная. Отношения у нас с ней не очень, но если муж вернется, то может первым делом к ней побежать. Скажите ей, что я у матери, пусть передаст. Я-то записку ему оставила, но вдруг не заметит...

— Скажем, — пообещала Мика. — И на всякий случай вот тебе номер моего мобильного, мало ли что.

— Какое-то совершенно жуткое утро получилось, — пожаловалась Алька, когда Инна, наконец, ушла. — Меня до сих пор потряхивает.

— Да, приятного мало, — согласился Сашка. — Да еще и жрать хочется, а я завтрак проспал.

— Тебе бы все есть, — проворчала Мика, у которой перед глазами все еще стоял бедняга Дик. — Бесчувственная ты личность.

Они отошли от особняка Стрельцовых и двинулись по деревенской улице. Ряд домов огибал склон холма, на котором стоял монастырь. Тот, о котором говорила Инна, был в самом конце.

На стук выглянула женщина лет пятидесяти, неприветливо уставилась на гостей, поправляя на голове платок. Мика смутилась, забормотала, что Инна просила передать... Но хозяйка не дала ей договорить, распахнула пошире калитку и скомандовала:

— Входите!

— Мы торопимся, — попыталась протестовать Алька, но Татьяна слушать не стала, буквально втащила их во двор и усадила у крыльца на древнюю, изрезанную ножом скамью.

— Ну, так что Инка опять натворила?

— Да ничего она не натворила! — рассердилась Мика. — Кто-то ночью к ним в дом влез, убил собаку, все вверх дном перевернул. И Семен куда-то исчез.

— А Инка что же? Под кроватью пряталась? — иронично спросила женщина.

— Она убежала, ночевала у нас. Мы утром пришли, а там такое вот... Она к матери уехала, просила Семену передать, когда вернется.

— Значит, исчез Семен. Ничего, дело мужицкое, погуляет и вернется, никуда не денется, — философски заключила хозяйка. И вдруг совершенно непоследовательно спросила: — Оладушков хотите? Еще горячие.

— Хотим! — немедленно подскочил Сашка. Мика и Алька отказались. Татьяна скрылась в избе и через минуту появилась с тарелкой, в которой лежали с полдюжины залитых сметаной румяных лепешек. Живо ухватив вилку, Сашка принялся за нежданно привалившее угощение.

А она, опять перевязав на голове платок, задумчиво произнесла:

— И вот чего бы не жить при таком достатке-то?

Из дальнейших ее реплик стало понятно, что стиль жизни семьи двоюродного брата она не одобряет. Ведь могли бы жить, как все, а они, ишь, хоромину отстроили... На двоих-то. Пыль в глаза пускают. Семка и забор-то не простой хочет ставить, а кирпичный, с решетками. И зачем он нужен? Инку в дорогие тряпки наряжает, балует. И печи-то у них в доме нет, отопление хитрое, от солярки, и электроплита. А корову заводить не собираются.

Была ли в ее словах зависть? Наверное, была. Или досада на то, что у самой Татьяны семейная жизнь не сложилась, муж сбежал, бросил с двумя детьми. Сейчас они выросли, учиться уехали, а она кукует тут одна, с козой да теленком.

— А Семка-то со своим барством совсем границ не знает. Николай Жулибин сказывал, что он своим трактором разбойничий камень скovyрнул. Хотя и не сам, а тот ханыга, что за рулем был, а все-таки...

— Какой камень? — мгновенно отреагировала Алька.

— Около кладбища он лежит, за оградой, там, где разбойника Кистеня убитого закопали. А Семену все земли мало, до самых могил решил расширяться. Говорит, дорогу там проложит. И зачем нам дорога, без нее жили, и еще бы прожили.

— Такой серый большой валун? — вспомнила Алька.

— Он самый, — кивнула Татьяна. — Больше ста лет лежал, никому не мешал, а тут вдруг потревожили. Ой, не к добру это. Я еще девчонкой была, когда старики рассказывали, что не зря Кистеня тем камнем придавили. Слишком уж черная у него душа была, сколько людей невинных погубил. Так что зарыли его тогда на неосвященной земле, как собаку. Потом знахарку аж из Михайловки позвали, и она на тот камень заклятие наложила, чтобы Кистень больше никогда выбраться из могилы не смог. Я вот сегодня хотела к Семке сходить, поговорить, чтобы разбойничий камень на место вернул, а его куда-то леший понес.

— Ну, спасибо вам за угощение, — поднялся со скамейки Сашка. — Нам пора.

Монастырские ворота были раскрыты настежь. Изнутри двор выглядел не слишком презентабельно — было заметно, что повсюду идут ремонтные и хозяйственные работы. Высились кучи песка и щебня, стояли железные бочки, прикрытые фанерой. Единственный монах, которого они заметили, засучив рукава, что-то мешал в бочке совковой лопатой.

Никого из их группы тоже не было видно. Зато на каменных плитах, сваленных у входа в церковь, сидели в ряд старухи в черных платках. Заметив Мику в шортах, одна из них погрозила клюкой:

— Богохульница! В каком виде в обитель явилась!

— Не шуми, Митрофановна, — приструнила ее другая, — пусть молодежь к храму идет. После поймет, что гоже, а что нет. А вы, ребятки, идите, идите, небось, своих ищите? В церкви они.

Действительно, студенты толпились перед алтарем, рассматривая иконостас. Дородный священник что-то негромко рассказывал, изредка поглядыва-

вая вверх, туда, где на лесах трое монахов занимались восстановлением росписи.

Кайсаров, заметив опоздавших, нахмурился, но ничего не сказал.

В церкви они пробыли довольно долго. Отец Гавриил подробно рассказывал историю обители: кто и когда строил, какие мастера расписывали своды церкви, как из самого Санкт-Петербурга везли царские врата, подаренные князем Нарышкиным, как во время войны со шведами по указу Петра Первого были сняты и перелиты в пушечные стволы колокола.

— Тогда разговор короткий был — армии, мол, чугун нужен... Вообще, колоколам монастыря не везло по жизни — то в 1812 году французы их вниз скидывали, то пионеры на металллом увозили — вот после тех шустрых пионеров звонница безголосая и стоит. А еще был случай — богатые купцы денег собрали, довольно много пожертвовали. Но на тех монахов, что везли собранное ими золото, разбойники напали и ограбили. Пришлось новых благодетелей искать, ушло на это почти десять лет. И ведь только отлили, как грянула революция, потом эти пионеры...

Очевидно, проблема колоколов в данный момент волновала священника больше всего. Да и понятно — что за обитель без звона, призывающего к молитве? Он перекрестил студентов и отправился по своим делам.

— Хорошо у них тут, — потянувшись, заявил Антон. — Вот не сдам осеннюю сессию, подамся сюда нервы лечить.

— Нервы лечат в другом месте, — ехидно заметила Майка.

— Это твои в другом, а моим и это вполне подходит.

За зданием церкви неожиданно обнаружили квадратные ямы, в которых копошились с лопатами двое бородатых мужиков явно не монашеского вида. Они неторопливо выбрасывали наверх землю, внимательно глядя себе под ноги.

— Археологи? — удивилась Наташа.

Один из мужиков разогнулся и помахал рукой:

— Так точно. Вот, проверяем площадку. Настоятель собрался новую крестильню строить, а тут культурный слой больше метра.

Археологов звали Михаил и Арик, оба прокопченные на солнце, лохматые и в очках. Раскопки уже подходили к концу — еще пару дней, и можно уезжать.

Они уже шли к воротам, когда позади раздался какой-то возглас. Обернувшись, Мика увидела отца Гавриила, он торопливо шел к ним, и его ряса развевалась так, что оставляла за собой маленькие пылевые вихри. Он нагнал Кайсарова и стал что-то быстро ему говорить, размахивая руками. Арсений Игоревич внимательно слушал. Потом поблагодарил священника и подошел к ожидавшим его студентам:

— Только что настоятелю монастыря позвонили и передали, что объявлено штормовое предупреждение. Надо решать, что будем делать — останемся на базе или...

— А у нас есть выбор? И вообще, штормовое предупреждение в таком месте — смешно звучит, — хмыкнул Руслик.

— Это только кажется, что смешно. На самом деле Мегжа имеет репутацию маленькой Невы, потому что регулярно подтапливает пойму и низины нагонной волной. И наводнения тут бывают не только в половодье — сильный юго-западный ветер устье подпирает, и начинается... Раз в два-три года такое «счастье».

— И что, наше «Буратино» тоже затопит? — заволновалась Наташа. А вслед за ней и Алька с Майей.

— Ну, тут все же не Питер, а база, как и монастырь с деревней, на возвышении стоит. Но вот дамбы с дорогами размывать и отрезать на несколько дней — вполне возможно, если все же нагонная волна пойдет. Отец Гавриил сказал, что такие предупреждения раза по два каждое лето объявляют, но топят их далеко не всегда. От направления ветра зависит.

— Тогда я точно остаюсь, — заявил Руслан. — Даже если и зальет, переживем. А тащиться куда-то, где еще и жить негде...

— А я бы уехала, — не согласилась Майка. — Но вот как с жильем?

— Говорят, терпящих бедствие селят обычно в кутьевской школе, в спортзале.

— Ужас какой... — выдохнула Наташа. — Надо посмотреть, будет ли вообще ветер. А то, как дураки, припрямся в школу, рассядемся на матах и будем ждать у моря погоды.

С таким промежуточным вариантом согласились все.

— Заглянем на обратном пути к Стрельцовым? — предложила Мика Альке. — Может быть, Семен уже вернулся.

— Опять здоровенный крюк делать? — скривилась та. — Я ногу натерла. Придется бинтовать.

Сашка идее топтать лишние полкилометра тоже не обрадовался — ему опять ужасно хотелось есть. Зная Сашкину прожорливость, Мика только вздохнула. Затем оглянулась в поисках Ромки, и тут только сообразила, что его вообще в монастыре не было.

Больше никого она уговаривать не стала, пошла одна, не замечая взгляда, которым проводил ее Кайсаров.

Теперь становилось понятным, почему единственная улица Георгиевки пролегалa вдоль склона — все, что располагалось ниже, во время наводнений заливалось. Дом Стрельцовых был последним, за ним кладбище и лес. Это по

одну сторону низины. По другую гордо высились домики «Буратино», — между ними — дамба. Дорога к базе отдыха тоже проходит по насыпи. А это значит, если уровень воды в реке все-таки поднимется, они имеют все шансы оказаться на островке. Такая перспектива не радовала, оставалось надеяться, что тревога ложная, и все ограничится одними разговорами.

Вот и дом, он нисколько не изменился за эти несколько часов — только в окнах уже не горели лампы, Инна перед уходом их все старательно выключила. Мика на всякий случай несколько раз постучала в окно кухни, опознав его по веселеньким клетчатым занавескам, но никто не отозвался — дом был пуст. Подумав, она решила обойти его понизу, заходить во двор, где недавно лежал пес с раздробленной головой, не хотелось.

А потом... Потом ноги сами понесли ее к деревенскому погосту.

Не успел Игнат с тем старым монахом встретиться, и от немца они уйти не успели — вошли в Георгиевку танки. Проснулись однажды утром, а уже все — около колодца новая власть: гогочут, умываются белобрысые фашисты. Мать заметалась, а после велела Игнату в подпол с младшей сестрой Нюркой лезть. Стыдно взрослому парню среди кадок с огурцами да капустой отсиживаться, да права Наталья оказалась — всех молодых, кого не попрятали, в Германию угнали. А Игнат с Нюркой после на старую заимку перебрались, и там почти год куковали. Тут-то и пригодилась старая дедова берданка да капканы ржавые — иначе зиму не пережили бы.

Несколько раз за это время приходил Игнат к кривой сосне. Вначале решил — посмотрит, что хоть оно такое за золото, ради которого людей убивали. Но постоял-постоял, и не тронул. Вспомнил, что отец сказал про деда — не пускало его золото правду сказать, в монастырь вернуть. А ну, как и правда? Не хотелось парню, чтобы мертвый металл за него решал, что ему делать, а что — нет. Так что пусть негляденым лежит — от греха подальше.

А после все разом завертелось — спозаранок мать прибежала, сказать, что можно домой вертаться, прогнали немцев. Как вернулись, суровые мужики в погонах пристали: где был, как спасся? Собирай котомку, завтра же в Кутьевск в военную комендатуру. Наталья заголосила, не знала, что и думать — то ли на фронт сынка, то ли еще куда...

Игнат в монастырь метнулся, а там только три старухи и выжили на картофельных очистках, всех остальных на погост снесли. Пусто, в выбитых окнах ветер воет. И кому теперь про золото скажешь?

А на следующий день он уже трясся в прокуренной теплушке, и мысли о закопанном в корнях старой сосны кладе на долгих три года выветрились из его головы. Не до того было.

Солнце пекло так, что Мика уже не раз пожалела о том, что не повязала на голову бандану. Это не средняя полоса России, это просто Сахара какая-то! После обеда она отправится на пляж, и до вечера — никаких этюдов.

Вот и заросли шиповника. Оглушительно стрекотали кузнечики, в воздухе, словно крошечный планер, кружилась стрекоза. Ага, камень должен лежать чуть дальше. Нога попала в ямку и подвернулась. От резкой боли в лодыжке Мика охнула, остановилась и тут же забыла о травмированной ноге. На том же месте, что и вчера, сидел человек. Но — другой. Пепельно-русые волосы, джинсы, футболка, обут в кроссовки. Сидел он на траве и смотрел на ту же могилу. А потом, словно почувствовав взгляд девушки, медленно обернулся.

Вначале Мика хотела окликнуть его и заговорить, но слова застряли в горле, она только стояла и глупо тарацилась сквозь деревянные рейки забора.

Потому что перед ней был Семен Стрельцов — такой же, как на фотографии в спальне, рыжеватый, слегка курносый, но... Глаза у него были не серо-голубые, а темно-карие, почти черные. И эти глаза смотрели на Мику с холодной, злой усмешкой.

А потом он одним быстрым движением поднялся на ноги, и ей показалось, что сейчас он бросится на нее. Медленно, очень медленно Семен достал из-за пояса какую-то странную штуку — ржавый шипастый шарик, прикрепленный цепочкой к рукоятке — и взвесил ее в руке.

Еще секунда, и Мика, наконец, обрела способность двигаться, рванулась вперед и что есть мочи понеслась через кусты шиповника, в кровь обдирая об него руки, которыми пыталась прикрыть лицо. Внутри, кроме опустошающего животного страха, не было ничего — только бы скорее оказаться где-то подальше, спрятаться, забиться в безопасное место.

Кустарник закончился, она выскочила на луговину, промчалась по ней и вскарабкалась на склон. Очнулась около своего домика и только тут, загнанно дыша, остановилась. На подкашивающихся ногах поднялась на веранду и уселась в углу — прямо на пол.

Что это было? Что, черт подери, произошло? Она ведь отнюдь не нервная идиотка, способная шарахаться от каждой тени. И чего она настолько испугалась, что совершенно потеряла контроль над собой? Встретила обычного человека, который ей ни слова сказать не успел, не угрожал, не пытался схватить или ударить, и задала такого стрекача, словно за ней черти гнались. И тут ей пришло в голову, что вчера ночью то же самое произошло с Инной Стрельцовой. Когда она выскочила на дорожку, то явно не помнила себя от ужаса. Да что же это такое? Отчего взгляд Семена внушает такую жуть?

Немного успокоившись, Мика добралась до бутылки с водой и долго пила из горлышка. Потом переделалась, сменив мокрую от пота майку на длинную футболку, и снова уселась на пол. Отчего-то именно так ей думалось легче. Подвернутая нога уже почти не болела.

Она вспоминала — вот перед ней на траве мужская фигура, вот Стрельцов поворачивается и смотрит на нее, потом встает. Обычные, естественные действия. Но тогда почему у него глаза были совсем не такие, как на фотографии, а гораздо темнее? Она это видела совершенно ясно. Что это — контактные линзы? Но какой в них смысл? Это женщины любят менять внешность, а мужикам-то зачем? Чтобы таких дурочек, как она, на кладбище пугать?

Но кроме взгляда было что-то еще. Эта ржавая железка.

Вскочив, Мика кинулась к брошенной на столе папке и быстро набросала карандашом — шарик на цепочке, рукоятка, кажется, на ней была петля. Да, что-то подобное она и видела.

— Вместо того чтобы обедать, ты сидишь и рисуешь кистень? — спросил кто-то у нее за спиной.

Мика вздрогнула и обернулась. Она не слышала, как подошел Кайсаров. И какого черта он не постучал?!

— Дверь была нараспашку, — последовал ответ на незаданный вопрос.

Но ее волновало совсем другое. Как он назвал эту штуку — кистень? Это — кистень?!

Она машинально произнесла это слово вслух, и Арсений Игоревич подтвердил: да, это самый настоящий кистень. Они бывают разных видов, в том числе и такие — с шипами на гирьке-подвесе.

Кайсаров с любопытством наблюдал искреннее изумление на ее лице. Вообще-то странно — человек рисует, сам не зная что. Да и девчонка не совсем обычная — маленькая, но с характером. Это он понял вчера, а до этого на рыжеватую мелочь ровным счетом никакого внимания не обращал. Обычно Арсения Игоревича привлекали девушки высокие и не слишком худенькие. А он привык выбирать, и был достаточно привередлив. Так что у малявки с детским именем Мика шансов не было. Ни-ка-ких.

Собственно, ни о каких шансах Мика даже подумать не могла. Кайсаров был для нее чем-то вроде экзотического зверя, от которого неизвестно чего можно было ждать, а поэтому лучше держаться подальше. Он — известный, успешный, породистый, умный, таких эпитетов можно навешать множество. Так что нужно быть слишком наивной, чтобы хотя бы платонически увлечься подобным экземпляром.

— Это старинное оружие, — продолжая рассматривать рисунок, пробормotal Кайсаров. — Сейчас все больше нунчаки используют.

Его прервала мелодия мобильного телефона. Мика поспешно достала трубку. На дисплее высветился незнакомый номер.

— Але, это я, — послышался усталый голос Инны. — Я уже у мамы. Хотела спросить, как там?

— Я видела Семена, — прошептала Мика. — Около кладбища.

— Он вернулся? — обрадовалась Инна, мгновенно забыв про свои страхи.

— Нет, не знаю... Думаю, не совсем... Послушай, он был какой-то странный, так что лучше пока не возвращайся. Пусть он сам в Кутьевск приедет. Хорошо?

— Хорошо, — растерянно ответила Инна. — Он что... такой же, как я рассказывала?

— Да. Поэтому тебе лучше пока не возвращаться.

— Я поняла, — тяжело вздохнула Инна. — Похоже, это он Дика убил... Мика, что мне делать?!

— Не знаю. Думаю, нужно подождать, и все выяснится. Я сейчас сохраню в памяти твой телефон и, если что, позвоню.

Мика отключила связь и подняла глаза. Кайсаров, о котором она во время разговора с Инной совершенно забыла, прищурившись, смотрел на нее. Где эта девчонка успела так исцарапаться?

— Итак, кого это ты видела около кладбища? — с расстановкой спросил он.

— Мужа одной знакомой, — не растерялась Мика. — Они поссорились, и она уехала. Ничего особенного.

— Да? — с некоторым сомнением произнес Арсений Игоревич. — А в столовую ты идти собираешься? Обед заканчивается.

— Я подумаю, — пообещала она, хотя обедать не собиралась. А хотелось ей одного — отправиться на реку и сидеть в прохладной воде долго-долго. Пока мысли на место не встанут.

Кайсаров вышел из домика и направился к администратору. Надо было получить копии ордеров и квитанции для финансового отчета о поездке. Но потом вдруг передумал и резко свернул к воротам. О тропинке в крапивно-малиновых джунглях он не знал. Дорога, проложенная по насыпи, вывела его к кладбищу, но не со стороны дома Стрельцовых, а к просвету между двумя кирпичными столбиками с кованными железными крестами. Кресты были старые, покосившиеся. Очевидно, тут хоронили и жителей Георгиевки, и обитателей монастыря. Попадались очень старые могилы, с надписями на церковно-славянском. А неподалеку виднелись пирамидки со звездами.

Арсений Игоревич шагал по заросшим клевером дорожкам, внимательно разглядывая кресты и осевшие холмики. Атмосфера тут царила просто идиллическая, но что-то в телефонном разговоре этой девчонки его встревожило. Даже не слова, а остаток таящегося в них страха. Но что могло напугать ее в таком месте? Он и отправился сюда, чтобы проверить — мало ли что может случиться, а он в ответе за дюжину парней и девчонок. И за эту самостоятельную мелочь, которая вчера так трогательно выпевала стихи Лорки, а потом где-то в ночи шастала с его Ромкой. Кайсаров неожиданно почувствовал досаду. Вот ведь паршивец — тоже заметил, что девчонка хороша.

Так и не обнаружив никого, он дошел до конца погоста и повернул налево. Справа высился лес, туда он решил заглянуть позже. Пройдя вдоль ограды, Кайсаров споткнулся о валявшийся в траве старый деревянный крест и замер. Впереди виднелся большой валун, а рядом с ним что-то рыжело. Пришлось лезть через забор, чтобы посмотреть.

Это была дохлая собака — обычная рыжая дворняга со свалывшейся местами шерстью и безжизненно откинутым хвостом. Арсений Игоревич постоял над ней, морщась и хмурясь. Собственно ничего удивительного в находке не было — мало ли дворовых барбосов гибнет. Но его неприятно поразило то, что собака была жестоко убита, и убита недавно. Ее голову кто-то буквально разнес, не пощадив и шею. Шерсть на спине и животе тоже была покрыта пятнами засохшей крови.

То, что животное не сбила машина, было ясно — тут дорог нет. И другие собаки ни при чем — они головы не разбивают. Это человеческих рук дело. Может быть, именно вида мертвой собаки так испугалась Мика?

Животное лежало в углублении, оставшемся от смещенного в сторону камня. Кайсаров не обратил на него внимания — валун как валун. Некоторое время он бродил вдоль забора, рассматривая могилы, но ничего примечательного больше не обнаружил. Неприятная находка словно уничтожила все очарование старого погоста, но другую часть кладбища все же нужно было проверить. И если там тоже падаль лежит...

Но там была не падаль. Едва Кайсаров миновал последние ряды могил и с некоторым облегчением оказался в сосновом подлеске, до него донеслись голоса, вернее, один голос — высокий, женский. Арсений Игоревич насторожился, но, поняв, что стал невольным свидетелем банального выяснения отношений, поспешил прочь. Он шагал по пружинящей под ногами рыжей хвое, а вслед ему летело:

— Ты мне надоед, Дэн! Вечно стараешься чистеньким остаться. А я не люблю таких слизняков! В общем, все, можешь бежать подлизываться к своей бледной поганке, а ко мне больше даже не приближайся.

— Ну и при чем тут Мика? — Мужской голос звучал устало и безнадежно. — С ней давно все кончено. Я думал, что ты меня....

— Да пошел ты! — услышался в ответ визг. — Отвали, сказала!

Раздался шорох и топот, кто-то нагонял его. Кайсаров отошел в сторону и спрятался за толстым стволом. Показалась девушка в бриджах и голубом топике, растрепанная, сердитая. Закусив губу, она промчалась мимо с таким видом, словно за ней кто-то гнался. Вот такие страсти...

Арсению Игоревичу стало неловко, словно он специально подслушивал. Ведь это были студенты из его группы. Девушку звали Регина, а парня ее... Денис, кажется. Типичный подкаблучник. Они казались неразлучной парой, постоянно за ручку или в обнимку. А вот поди ж ты... Хотя ссоры для влюбленных дело обычное, наверняка уже вечером помирятся. В крайнем случае, завтра. Кайсаров усмехнулся. На месте этого Дэна он сам после таких слов немедленно послал бы вздорную девицу подальше. Но это он... Интересно, кого Регина назвала бледной поганкой? Мику? Арсений Игоревич покачал головой и зашагал к базе.

Показалось ему или нет, что, когда он выходил из леса, позади послышался шорох? И откуда вдруг появилось это неприятное ощущение чужого изучающего взгляда в спину? Нет, обычная мнительность.

Спустя четверть часа, погруженный в финансовые разбирательства, Кайсаров напрочь забыл о произошедшем, а вспомнил только тогда, когда Денис не появился к ужину. Регина, насупившись, сидела за столиком одна, остальные кидали на нее удивленные взгляды.

Тогда он решил, что мальчишка оказался не таким уж тюфяком и решил проявить характер. Интересно, надолго ли его хватит?

Но утром оказалось, что Денис Литвинов не ночевал в своем домике.

Мика узнала об исчезновении Дэна едва ли не последней.

Накануне она отправилась на пляж и там после купания уснула в тени прибрежного ивняка. Спать на берегу ей настолько понравилось, что она решила повторить этот опыт и на следующий день. После ужина они с Алькой долго спорили, куда идти на этюды. Алька предлагала на вчерашнее место — заодно и проверят, не вернулся ли блудный Иннин муж. Но Мика уперлась — от одной мысли, что придется снова идти к кладбищу, ее мутило. А от дома до погоста — рукой подать.

Продолжая переругиваться, они отправились в монастырь. За ними увязался Ромка Кайсаров. Зачем и почему — они так и не поняли, ведь кроме бейсболки и пакета чипсов он ничего с собой не захватил.

Монастырь встретил их приветливо. Только что закончилась вечерняя служба, по двору сновали люди, никто не ворчал. Отец Гавриил, стоя на

церковном крыльце, рассматривал небо. Но, судя по всему, беспокойства оно у него не вызвало. Он спустился вниз и принялся о чем-то разговаривать с одним из археологов.

— Наверняка с колокольни открывается отличный вид, — задумчиво про-
бормотал Ромка. — Давайте, залезем?

— Батюшка говорил, что там лестница полуразрушенная, — засомнева-
лась Алька. — Еще навернемся.

— Ну, если совсем плохая, то не полезем. Мика, ты как?

— Пошли, — кивнула она в ответ.

Колокольня была встроена между трапезной и кельями таким образом, что монастырские ворота находились прямо под ней — в арке. В звонницу вела маленькая дверца из этой арки.

Роман подергал металлическую скобу на давно не крашенной двери, и та со скрипом приоткрылась. Они протиснулись в образовавшуюся щель и оказались на крохотной площадке. С нее вверх уходил первый лестничный марш — довольно крутой. На каждый уровень их было четыре — постепенно сужаясь, лестница поднималась все выше и выше, изгибаясь вокруг массивного кирпичного столба.

— Да уж... — задумчиво произнесла Алька, созерцая разбитые ступени. Было такое впечатление, что по лестнице не только ходили, но и катали вниз что-то тяжелое. Старый камень частично был разрушен и обколот. — Подняться будет проще, чем спуститься, — жалобно добавила она, ставя свой этюдник к стене. Мика последовала ее примеру. С папками тоже пришлось расстаться — на такой лестнице руки лучше иметь свободными.

Ромка хмыкнул и первым полез вверх, потом обернулся и протянул руку Алке. Мика замыкала подъем. Минут через двадцать они добрались еще до одной площадки. Каменная лестница тут заканчивалась, и начиналась деревянная — старая и тоже изрядно поврежденная.

— Три марша до вершины осталось, — задрал голову, сообщил Ромка. — Последний бросок.

— Красота какая... — Алька почти по пояс высунулась в арочный проем. — Как бы сюда исхитриться этюдник втащить.

Она достала мобильный телефон и сделала несколько снимков. Мика тоже выглянула. Сверху монастырь был как на ладони — синие луковицы церкви с золочеными крестами, опоясанный постройками двор, фигурки людей. Река отсюда казалась длинной чешуйчатой рыбой, лежащей среди зелени лугов и лесов. Она почти не изгибалась, текла к горизонту ровно и плавно, неся на себе баржу с буксиром. Вдалеке виднелись какие-то совсем уж микроскопические постройки.

— Эй, скоро вы там? — окликнул их Кайсаров-младший, который уже преодолел первый пролет. — Осторожней, тут щепки торчат!

Наконец они оказались на самом верху — отсюда был великолепный обзор на все четыре стороны.

База отдыха сверху оказалась похожа на разбросанные среди деревьев кубики детского конструктора. А вот и дом Стрельцовых, крыша которого из коричневой металлочерепицы напоминала кусок шоколада. Россыпь изб, кладбище...

Мика прищурилась, и ей показалось, что там кто-то двигался. Нет, слишком далеко, не разглядеть. Скорее всего, это обычная игра света.

Ромка ухватился за одну из балок и несколько раз подтянулся. На этом свою миссию они сочли исчерпанной — будет, чем завтра похвастаться.

Спуск, и вправду, оказался намного сложнее. Несколько раз девушки едва не скатывались вниз, потеряв равновесие. Роману, страховавшему их на каждом марше, приходилось несладко — Алька заехала ему локтем в ухо, а Мику, свалившуюся с верхней ступеньки, он едва не уронил. Но, в конце концов, они преодолели самую разрушенную часть лестницы и оказались у ее подножия. Там, на площадке, кто-то был.

В полумраке Мика с трудом опознала одного из двух бородачей-археологов — Михаила. Он стоял и рассматривал какой-то рисунок.

— Извини, — улыбнулся Михаил, — я заглянул, а тут папка лежит раскрытая. Вижу — Ванькин портрет. Похож. — С этими словами он протянул Мике сделанный ею вчера рисунок человека, которого она увидела на кладбище.

— Ванька? — растерянно переспросила она.

— Да Иван наш, аспирант. Вчера в город уехал насчет машины договариваться, чтобы вещи наши в конце недели перевезти, и куда-то пропал, ирод, дозвониться не могу, телефон отключен. Наверняка опять какую-нибудь девицу охмуряет.

— А на чем он уехал?

— Да на автобусе, что на базу приходит. Ждали его сегодня к обеду, но... — развел руками Михаил.

А Мика растерянно хлопала глазами, ведь вчера парня на кладбище она видела намного позже, чем укатил в Кутьевск «пазик». И в тот день это был его последний рейс, больше никаких автобусов из «Буратино» не отправлялось.

Она не знала, как сказать об этом Михаилу, да и стоит ли говорить. Вдруг этот Ванька уехал на частнике или остался ночевать у какой-нибудь деревенской красотки, и получится, что она его выдаст начальству? Вспомнилась непрямая трава у могилы, а потом другая фигура на том же месте — Семен Стрельцов с кистенем. И, неожиданно для себя, Мика вдруг спросила:

— А Ванька... он случайно Кистенем не интересовался?

Археолог замер. Потом удивленно поднял брови:

— А ты откуда знаешь? Он что, тебе рассказывал? Или легенду о кистене и его владельца от местных слышала?

— Нет, только о том, что был такой разбойник, — ответила Мика, сообщив, что речь идет не о человеке, а об оружии. — Его, вроде бы, около кладбища похоронили.

— А ну-ка, давай выйдем, а то мы тут, словно селедки в банке, повернуться негде. — С этими словами Михаил открыл дверь, да еще плечом поднажал, чтобы сильнее распахнуть. Потом подхватил Микин этюдник и пошел вперед.

Они расположились на плитах, где утром сидели старухи. Алька и Роман, сгорая от нетерпения, последовали за ними.

— Значит, легенду не знаешь? — снова повторил Михаил.

Мика отрицательно покачала головой.

— Странно. Ванька действительно мечтал раскопать эту старую могилу и посмотреть на тот самый кистень. Местные в один голос говорили, что его вместе с Гришкой зарыли. Но я не разрешал — незаконно это.

— А кто это — Гришка?

— Ну, в общем, история такая. Арик тут покопался в монастырских архивах и надыбал одну тетрадку. После революции монахов разогнали и хотели что-то типа коммуны организовать, да желающих не особо много нашлось. Георгиевский монастырь всегда был славен своими мастерскими — тут иконы писали, лампы да крестики делали, церковные покрывала и хоругви золотом расшивали. А когда это стало ненужным, пришло запустение. Одно время пытались какой-то народный промысел развивать, но художники довольно быстро разбежались. Вот и жили тут почти одни старики и старухи, и среди них кое-кто из бывших монахов. Один из них и строчил в тетрадку разные разности, касающиеся истории обители. А деревенские еще хорошо помнили время, когда Кистень тут бесчинствовал...

— Это когда же было? — с любопытством спросил Ромка.

— В самом конце позапрошлого века, лет за двадцать до революции. Гришка, говорили, сам был родом из Пензы, совершенно отчаянный человек. И перед всеми своим кистенем хвастался. Говорил, что тот ему достался от кого-то, а тому, через десятые руки, — от знаменитого разбойника Береста. Бересту этому еще при Екатерине Великой голову отрубили за грабежи и убийства. Вот от него история кистеня и пошла — дескать, он своему хозяину приносит невиданную удачу, дает силу и смелость.

Ну, в общем, после того как в Пензе на него устроили настоящую охоту, объявился Гришка со своими дружками в Кутьевске. То ли зазноба у него тут жила, то ли просто случайно. Но начался в этих краях самый настоящий, как сейчас говорят, беспредел — грабила и убивала Гришкина банда всех подряд. Свидетелей он оставлять не любил, и жесток был до крайности. Уездный полицмейстер уже хотел солдат у губернатора просить, чтобы помогли от этого нелюдя избавиться. Но тут случилось так, что напала банда на монастырский обоз, и произошло это рядом с Георгиевкой. Тех, кто в нем ехал, убили, а деньги, которые они везли, похитили. Монахи и местные жители быстро узнали, кинулись в погоню и прибили-таки главаря.

— Правильные мужики, — одобрил Ромка. — Надеюсь, они его линчевали.

— Нет, просто пристрелили. А потом зарыли около кладбища и придавили камнем. Даже не столько самого Гришку, сколько кистень его, которым он головы разбивал. И хотя рядом монастырь был, решили, что для гарантии надо магические силы применить.

— Нам говорили, что знахарку позвали, — вспомнила Мика утренний разговор с Татьяной.

— Ну, обычная знахарка вряд ли способна на такие вещи, — задумчиво произнес Михаил. — Я сам видел на камне руны. Правда, до конца так и не расшифровал, не специалист, да и сохранность знаков не слишком хорошая. А Ваньке очень уж хотелось под тот валун подкопаться...

— Так его уже бульдозером своротили, камень этот, — округлила глаза Алька. — Мы сами видели. И знаки на нем тоже видели.

— Что?! — подскочил Михаил. — Кто своротил?!

— Я не знаю. Там участок ровняли, зацепили, наверное.

— И вы молчали! — негодуя воскликнул Ромка. — Пошли туда, пока не стемнело!

— Я не хочу! — Мика почувствовала, как, несмотря на теплый вечер, по рукам побежали противные мурашки. — Я сыта эти камнем по горло!

— В смысле?

— Просто не хочу. Устала, не обедала, и вообще... Давайте завтра.

— Ты же обещала Инне за домом присматривать, — удивилась Алька.

— Я обещала?

И тут, словно по заказу, зазвонил Микин мобильник.

— Ну, как там? — измученным голосом спросила Инна.

— Пока не знаю. — Мика старалась говорить спокойно.

— Нового ничего не узнала? А то я тут вся на нервах... Прямо сейчас бы приехала, да только автобусы уже не ходят, а частника искать бесполезно. А еще мне все время кажется, что...

— Что?

— Ну, что не в себе он, что память потерял. Бывает же такое, я в кино видела. Вдруг он там ходит один и ничего не помнит?

— Это только в кино сплошь и рядом бывает, а в жизни очень редко, — попыталась образумить ее Мика.

— Я понимаю. Но, на всякий случай, имей в виду — еще один комплект ключей от дома лежит под первой ступенькой крыльца старой бабкиной избы. Это Сема придумал, все боялся, что я могу свои ключи посеять...

— Ладно, — вздохнула Мика, — не переживай, сейчас сходим, глянем, как там. Я тебе попозже перезвоню.

Пока она говорила, Михаил куда-то исчез и вернулся через пару минут со складной лопаткой.

— Ну что, решилась?

Мика кивнула. Ей вдруг стало неловко и стыдно. И почему так не хочется рассказывать о том, что она видела? Что такого особенного? Ну, сидел на кладбище Иван, ну, там же был Семен. Ничего сверхъестественного. А кистень, скорее всего, он в земле около камня нашел, вот и держал в руках. Единственное, чему она не могла найти объяснения, — гибель овчарки Дика. Не верилось, что молодая сильная собака вот так просто позволила себя ударить. Сделать это мог разве что ее хозяин.

На протезе по лесу особо не наскачешься, но Игнат кое-как приспособился. Ему еще повезло — сколько мужиков и на протезах-то не вернулись. Батя вот где-то безвестно сгинул, ни похоронки, ничего. Может, и вернется еще, были случаи, когда находились те, кто без вести — по госпиталям, да по лагерям. Недавно Василий Жуков, маршальский однофамилец, из Салехарда приехал. Молчит, не рассказывает, только всем понятно, что отсидел. А уж за что — тут только сам Васька знает.

Ну, вот и овражек одолели, теперь недалеко осталось.

Игнат остановился, присел на вывернутый из земли комель, достал трубку. Пока набивал самосадным табаком, Савелий вокруг рыскал, три боровика принес. Грибной нынче год должен выдаться. Закурив, Игнат поудобнее пристроил деревянную ногу, поправил на культе ремни и принялся пыхать дымом.

А место все то же — только еще две березы повалились от старости. Вон, земляника поспеваает, светится розовеющими ягодами, птички поют. Хорошо...

— Савка, поди сюда. Запоминай это место. Запоминай как следует, чтобы и с закрытыми глазами найти смог.

Сын повел вокруг круглыми глазами, кивнул. И что тут такого? Найдет, коль нужно будет.

Микин этюдник понес Ромка, а Михаил взял Алькин. Эх, жаль, зря они только тащили их в монастырь — порисовать так и не удалось. Единственная улица деревни Георгиевка была необычно оживленной. Трое парней заводили мотоцикл «Урал», который чихал и злобно плевался сизым дымом, пацаны гоняли резиновый мячик, что-то оживленно обсуждавшие у колодца женщины проводили их компанию внимательными взглядами. Но дом Стрельцовых стоял все такой же молчаливый, и рядом с ним ничего не изменилось. И все так же уныло маячил брошенный бульдозер. Скорее всего, рабочие, не обнаружив никого из хозяев, решили пока прекратить всякую работу.

Мика поднялась на крыльцо, постучала, позвонила — тишина. Сообщив Инне по телефону о том, что Семен пока не вернулся, она догнала остальных. Разговор продолжался все о том же — о разбойнике Гришке и его кистене.

— А деньги-то те нашли? — неожиданно спросил Роман.

— Нет, не нашли, — покачал головой Михаил. — Наверное, кому-то из Гришкиных соратников удалось-таки уйти с добычей. А денег было немало — два богатых купца пожертвовали на отливку новых колоколов для монастыря.

— Чего же они поехали без охраны? — удивилась Алька.

— Думаю, надеялись незаметно провезти, — пожал плечами археолог. — На охрану разбойники скорее бы внимание обратили, а с простых монахов много ли возьмешь.

К камню они подошли, когда половина солнечного диска уже съехала за горизонт.

— Смотрите! — вскрикнула Алька и испуганно отскочила от валуна.

Вид еще одной мертвой собаки подействовал на девушек угнетающе. Мика почувствовала подкатывающую к горлу тошноту. Да что же это такое, какой изверг охотится за несчастными животными?!

Археолог постоял над убитой дворнягой, потом опустил в траву этюдник и спокойно произнес:

— Сейчас зароем.

Отойдя на несколько шагов, он вырезал лопаткой кусок дерна, снял его и принялся быстро и умело выкапывать ямку.

— У меня такое ощущение, что мы всю практику только и будем собак хоронить, — шепнула Алька.

— А что, вы уже хоронили? — обернулся к ней Роман.

— Утром, — мрачно буркнула Мика. — Я, пожалуй, пройдуся, что-то мне нехорошо.

Пригибаясь под колючими ветками, она с некоторой опаской двинулась вдоль ограды. Но около безвестной могилы, где она днем видела Семена, не было ни души, только воробьи чирикали. С гудением пролетел жук, описал круг и умчался.

Дышать стало легче. Тут никого нет, и бояться ей нечего — рядом с ней люди, которые могут ее защитить. А она просто нервная и впечатлительная дурочка, способная из мухи сделать слона.

Рассуждения ей самой показались не слишком убедительными, но, тем не менее, ей удалось немного успокоиться.

Канаву Мика опять заметила лишь в последний момент. Это была даже не канава, а небольшой ров, длиной метров двадцать и шириной немногим более двух. Поросшие сверху густой травой отвесные берега, и под ними — темная, словно давно заваренный чай, вода. Она была абсолютно неподвижной, несмотря на легкий ветерок. Зачем-то она пошла вдоль этого рва, хотя можно было дойти до конца кладбищенской ограды и выйти на луг. Но вид стоячей воды завораживал, и ей хотелось рассмотреть все это поближе. Мика присела на корточки, вглядываясь в ров, и едва не свалилась в воду. Там, где глубина становилась илистой и непроницаемой, чуть более светлым контуром угадывалось человеческое лицо. Она хотела закричать, но у нее никак не получалось. Тут и появился Роман, отправившийся на ее поиски. Увидев Мику, он бросился к ней, ничего не понимая, — она пятилась, ухватившись за собственное горло, и беззвучно открывала рот. Все, на что она оказалась способна, — взмахнуть рукой, указывая куда-то вниз, а потом буквально свалилась ему на руки.

Ромка растерялся. Ему нравилась эта девчонка, чем-то похожая на хрупкую фарфоровую статуэтку пастушки, и он не прочь был познакомиться с ней поближе. И вот — идеальная ситуация, не какая-то там банальная дискотека или бар, а практически романтика — кладбище на закате, таинственный камень и испуганная, почти лишившаяся чувств барышня... Он даже испытал некоторое сожаление, оттого что барышня, хоть и была бледна, но продолжала вяло трепыхаться. Множество мыслей вихрем пронеслось в кудлатой голове Кайсарова-младшего, и лишь после этого он догадался повнимательней вглядеться туда, куда указывала Мика. То, что он увидел, ему крайне не понравилось. Нет, кричать он не стал, просто покрепче прижал к себе Мику, подхватил и почти бегом потащил ее обратно к камню.

— Что с ней? — переполошилась Алька, увидев подругу на Ромкиных руках.

Михаил, укладывавший последние куски дерна на то место, где зарыл собаку, выпрямился и тоже вопросительно уставился на них.

— Отпусти меня, — слабо, но вполне внятно потребовала Мика. — Я сама.

— Там, похоже, кто-то утонул, — осторожно ставя девушку в траву, общил Роман.

— В смысле — кто-то? — дернулась Алька. — Опять собака?

— Человек! Там, в канаве. Или у меня глюки... Но Мика тоже видела.

Та в подтверждение молча кивнула. Она, кажется, даже узнала это лицо, но пусть лучше Михаил сам посмотрит.

— Ну вот, дожили, наконец... — Савелий перекрестился на подновленные купола монастырской церкви. На дворе стояло непонятное время, называвшееся «перестройкой». Ну и ладно, пусть лучше перестраивают, чем ломают. Вот и обитель восстанавливают, окна стеклят. А он, хоть и в город перебрался, все равно за родную Герогиевку душой болеет. Надо вот в храм зайти, поставить свечи за упокой. И за отца, и за деда, и за прадеда с прабабкой, и за остальных пращуров. А потом на кладбище завернуть, проведать. Все они там, кроме не вернувшегося с войны деда. И от родного дома недалеко, и вместе. Вот только на прапрадедовой могиле крест упал, но это он в следующий раз поправит. А может, и памятник закажет или крепкий чугунный крест с именем — чтобы помнили Никиту Ивановича Стрельцова, лучшего в деревне охотника и крепкого мужика, который самого Гришку Кистеня не побоялся.

Савелий гордился тем, что знает историю своего рода — не то, что нынешняя голь перекатная, на стариков плюющая со своей убогой колокольни. Он и бабу не забывает, помогает то крышу починить, то картошку выкопать. И матери с ним живется — не тужится. Сына бы еще в люди вывести, вот и продолжится род, продлится на земле.

А золото, стало быть, скоро пора будет по назначению отдавать — не зря они его столько времени хранили, таили от всех, а от себя — в первую очередь. Хотя искушения были, ох, были... Да и сейчас есть.

От этих мыслей Савелий еще раз крестом обмахнулся. Ничего, в следующий раз будет времени побольше — и в лес сходить, и захоронку достать. А после сразу туда, в обитель. И сына с собой возьмет, чтобы знал, чем история с золотом закончилась, и внукам-правнукам рассказывал.

— Ванька... — протянул археолог, когда они спустя пару минут были около канавы.

Мика дошла туда самостоятельно, хотя и заботливо поддерживаемая Ромкой. Остаться около камня она отказалась категорически и все время твердила, что уже пришла в себя.

Алька, глянув вниз, вскрикнула и тоже побледнела.

— Рубашкуними, будешь мне помогать! — велел Михаил Роману, а сам мгновенно разделся и бросился в воду.

Мика достала мобильный телефон, и принялась непослушными пальцами набирать телефон «Скорой помощи», но никак не могла дозвониться.

— Полицию вызывай! — крикнул ей Михаил, выныривая. Он тянул из глубины тело Ивана, но оно за что-то зацепилось, и приходилось нырять снова и снова, хотя почти сразу же стало понятно — надеяться на чудо бессмысленно.

— Я сейчас помощь позову! — крикнула ему Аллька и побежала к ближайшим домам.

До глубокой темноты пришлось пробыть им около проклятой канавы. Сначала прибежали из Георгиевки мужики во главе с толстяком в порванной на животе майке и помогли вытащить утопленника.

Мика отрешенно смотрела, как выволакивают на берег то, что еще вчера было живым, симпатичным парнем, а сегодня лежало в траве мокрое и безжизненное. На лице цвета слоновой кости ярко выделялась темная борода, серебряный крестик прилип к обнаженному плечу. Да, это был Иван, тот самый, который должен был вчера отправиться в Кутьевск, но почему-то оказался на кладбище, а затем и в наполненном водой рву.

А потом почти одновременно приехала полицейская машина и примчались Кайсаров-старший и ребята из их группы. Почти все — кроме Дэна и Наташи. Взволнованно галдели, с испугом и любопытством поглядывая на мертвое тело, тормозили Мику, о чем-то расспрашивали. Но она отвечала односложно. Арсений Игоревич отвел Ромку в сторону, мрачно выслушал его рассказ о происшедшем и закурил. Постепенно к ним прибивались остальные — словно цыплята к наседке.

Уже почти стемнело, так что полицейский «уазик» развернули на насыпи боком и включили дальний свет. Замелькали и огоньки фонариков.

Полицейские осмотрели тело, потом принялись опрашивать присутствующих. Михаил на вопрос, были ли у Ивана враги или недоброжелатели, развел руками:

— Вроде бы нет, никаких конфликтов с местными жителями не происходило. Да и смотрите — тут же кто угодно захлебнуться может. Канавка глубокая, метра два с лишним, баграми еле до дна достали, да от поверхности воды до кромки берега сантиметров восемьдесят. Земля влажная, за траву, если и ухватишься, она тут же с корнем вырывается... Сколько тут даже отличный пловец продержится?

— Точно, тут Митька Жуков в прошлом годе тоже едва не утонул, — горячо поддержал его какой-то местный мужик. — Еле выкарабкался. Хорошо тве-

резый был, а выпивши точно захлебнулся бы. Сюда и скот не гоняют пастишь, все про эту ямину в курсе.

— На голове у погибшего под волосами рана, а смертельная или нет, экспертиза покажет, — отер пот со лба грузный капитан в полицейской форме.

Все замолчали. Значит, Иван не сам в ров упал? Или сам, но при этом мог удариться головой обо что-то под водой?

— Мы тут рядом мертвую собаку нашли, — сообщил Михаил. — И у нее тоже была разбита голова.

— Где?

— Около камня зарыли, сейчас покажу, где. Пойдемте.

Собачий трупик откопали и упаковали в пленку, чтобы забрать с собой.

У Мики майор уточнил лишь время, когда она увидела в воде тело. Видно было, что к набежавшим студентам он относится, как к лишней помехе. Она поколебалась, решая, сказать или нет, что вчера видела Ивана, и промолчала. Потому что тогда пришлось бы рассказывать о траве, на которой после него не осталось никаких следов, а это уже пахло психиатром.

Но если будут более дотошными, придется сказать. И о Дике тоже. Она с ужасом вспомнила Семена с кистенем в руках. Потом в памяти всплыла машина в гараже дома Стрельцовых. А ведь, похоже, что ее могли изуродовать как раз такой штукой. Неужели Семен сошел с ума? Потому что иначе логику его поступков никак не объяснишь.

— Моим ребятам можно уже уходить? — нетерпеливо спросил Кайсаров у майора.

Тот мельком глянул на сбившихся в стаю парней и девчонок и кивнул:

— Если что, в райотдел вызовем. Но, думаю, не понадобится. Эксперт говорит, что смерть наступила вчера, не позже трех часов дня. Вас тут еще в помине не было, я проверял.

Услышав его слова, Мика вздрогнула — они с Алькой подошли к кладбищу не раньше семи часов. А это значит, что Ивана она видеть не могла. Но видела.

— И вообще, осторожнее тут, — продолжал майор. — Яму эту засыпали бы, что ли, техника, наверное, есть.

— Технику найдем, — вынырнул из темноты Арик.

Майор вздрогнул — уж больно дикий у археолога был вид: борода и волосы всклокочены, рубашка нараспашку. Заметив это, Арик смутился и принялся оправдываться:

— Спал я, когда сообщили, что Ваньку нашли, вот и побежал.

— А разве вы не?..

— Нет, нас просто часто путают, — появился рядом Михаил. — Нам, наверное, лучше с вами поехать? В городе и заночуем. Надо будет еще родителям Ивана позвонить, сообщить.

— Ладно, поехали, — махнул рукой майор. Потом, увидев, что студенты еще не разошлись, крикнул им: — А вы идите, идите, не стойте тут! Все по домам!

То, что случилось, было настолько нелепым и страшным, что разговаривать об этом никому не хотелось. Мика чувствовала себя опустошенной и совершенно разбитой. Она забыла о своей папке и этюднике, и если бы не Роман, они бы так и остались около разбойничьего камня. В висках почему-то стучало: «Ну вот, называется, отдохнули и повеселились, ну вот, называется, отдохнули и повеселились, ну вот...»

Остальные, наверное, чувствовали себя не намного лучше, потому что, едва добравшись до базы, начали расходиться по своим домикам, и только трое или четверо парней отправились на берег — снова жечь костер.

— Мика... Микаэла, — неожиданно окликнул ее Кайсаров, когда она собиралась уже взобраться на свою веранду, желая только одного — упасть носом в подушку и постараться отключить все возможности думать и вспоминать. Но не тут-то было. — Я прошу тебя...

Он хотел самым категорическим тоном потребовать от этой девчонки, чтобы она больше никуда тут не ходила — ни одна, ни с кем-то. Потому что, если археолога убили, а она что-то видела... А она что-то видела, он это чувствовал. Но что?

Мика послушно подошла и подняла на него измученные глаза. Вчера в это же время они безмятежно пели дуэтом. А потом... потом он поцеловал ее руку и сразу же после этого погасли две свечи. Когда-то давно бабушка говорила маленькой Мике, что неожиданно погасшая рядом с человеком свеча означает чью-то скорую смерть. Вот и не верь после этого в приметы...

— И все-таки я хотел бы знать, что тебя сегодня днем так напугало на кладбище, — задумчиво произнес Кайсаров.

— Вчера... — почти беззвучно ответила она.

— Что?

— Ничего. Меня ничего там не напугало, Арсений Игоревич. Извините, я очень устала...

— И еще одной убитой собаки не было?

— Была. Муж Инны Семен ее убил, это был его пес.

Почему она опять не говорит правду? Не врет, но и не может рассказать, как все было на самом деле. А ведь это очень просто: начать с того, когда она увидела около могилы Ивана — спустя четыре часа после того, как его

убили, потом о том, что они видели в доме Стрельцовых, а главное — около дома. И, наконец, — странные глаза Семена и разбойничий кистень в его руках. И что после этого подумает о ней Кайсаров? Да то же, что любой здравомыслящий человек — у нее не все в порядке с головой.

— Значит, мне показалось... И вообще, больше никуда ни ногой... без меня. О муже неизвестной мне Инны поговорим завтра, и ты мне все подробно расскажешь. Хорошо?

Мика удивленно посмотрела на него, но промолчала, лишь автоматически пожала плечами.

Затаившийся на веранде Ромка, услышав их разговор, страшно разозлился. Неужели не видно, что Мика едва стоит на ногах от всего пережитого? Нашел отец время для нотаций!

Кайсаров еще раз внимательно взгляделся в поникшую фигурку, потом вынул из кармана плоскую металлическую фляжку, отвинтил крышку и, накапав в нее содержимое, твердо проговорил:

— Пей!

— Что это? — удивилась Мика.

— Снотворное и успокоительное в одном флаконе. Тридцать граммов тебе как раз хватит. Пей!

Она двумя пальцами взяла серебряный наперсточек и глотнула. Это был коньяк или бренди.

— Я могу идти?

— Можешь, — хмыкнул Кайсаров. — Только турни одного обалдуя. Пусть не думает, что его башка не торчит из-за двери.

Ромка с независимым видом загремел этюдником и опрокинул стул.

Но Мике было уже глубоко плевать на эти семейные разборки. Она послушно кивнула и направилась в домик. Только бы не споткнуться, не налететь на какой-нибудь выступ, угол, на ступеньки... Только бы ее наконец оставили в покое.

Из темноты открытого окна соседней дачки за всеми тремя внимательно наблюдала Регина. Да, Кайсаров — это не Дэн, с ним нужно действовать более откровенно, а не изображать романтические чувства. А тут еще и младший под ногами крутится. От досады она прикусила губу. Ну, ничего, ловить удобный момент она умеет. И то, что она вчера послала подальше уже начавшего надоедать Дениса, сыграет ей на руку.

Где-то в отдалении завывала собака, к ней присоединилась еще одна.

«Покойника чуют», — произнес кто-то в темноте.

Мика упала на кровать и уснула почти мгновенно.

И проснулась точно так же мгновенно, словно этой ночи не было.

Вначале ей показалось, что еще только светает — за окном вместо ясного голубого неба маячила какая-то серость. Спать не хотелось совершенно, и она босиком вышла на веранду, решив, что вполне успеет до завтрака искупаться в реке. Хотелось смыть с себя вчерашнее, просто смыть, как страшный сон.

Альки в комнате она не обнаружила, но размышлять, где та ночевала, ни времени, ни желания не было. Не дети же они, в конце концов!

Натянув джинсы и рубашку, Мика выскочила на веранду. И только тут заметила, что пляж выглядит необычно — железные грибки торчали прямо из воды, и мутные волны уже начинали захлестывать сотрясаемую ветром кабинку для переодевания. А главное — нигде ни души, словно она осталась совершенно одна на тысячи километров вокруг.

В столовую Мика влетела вихрем. Именно там и были люди — взволнованные, растерянные. Администраторша Марья Ильинична пыталась успокоить возбужденных отдыхающих — скоро придет автобус и отвезет тех, кто приехал не на своих машинах, в Кутьевск. А тем, кто на своих, лучше отправляться как можно скорее — прогноз неблагоприятный. Да-да, сроки путевок будут продлены на столько дней, сколько будет продолжаться наводнение, а может, еще и пронесет — ветер уляжется, и можно будет вернуться уже сегодня. Почему-то в эти слова не слишком верилось — хлипкая деревянная столовая тряслась и дрожала под ударами ветра. К тому же где-то в отдалении зарокотал гром.

— Готовимся к эвакуации! — громко констатировал Сашка. — Но позвать все же не мешает, — добавил он потише и устремился к раздаче.

Они позавтракали, в спешке давась запеканкой и традиционным киселем, и отправились собирать вещи. Крошечная автостоянка около административного корпуса быстро пустела — в последнюю «восьмерку» набилось человек шесть и пара подвывающих такс. Вслед машине из опрокинутой ветром урны неслись пустые пакеты и бумажки.

— Не волнуйтесь, автобус уже выехал, — прокричала издали администраторша, — скоро будет!

— Новые приключения, — сердито ворчал Ромка, вместе с Микой покидая столовую.

— Зато будет, что вспомнить, — обернулась Наташа. — Смотрите, какое небо сумасшедшее.

— Ребята, а Денис где? — неожиданно спохватился Кайсаров. — Кто-нибудь его сегодня видел?

Все посмотрели на Регину, но она только пожала плечами, всем своим видом демонстрируя, что ей нет никакого дела до того, где сейчас Дэн.

— Может быть, он уехал с кем-то? — предположил Руслан. — Хотя на него не похоже. Сейчас посмотрю, тут ли его вещи.

Когда почти все с сумками и этюдниками собрались опять на площадке перед столовой, Руслан сообщил, что вещи Дэна так и лежали в домике нетронутыми, а сам он, похоже, отсутствовал еще со вчерашнего дня.

— Я думал, он с Антоном у костра засиделся, — оправдывался Руслик. — Сумку я его собрал, а самого нет. И мобильник все время отвечает: «Абонент временно недоступен».

— Ну-ка, быстро колитесь, где он может быть, — не на шутку разозлился Кайсаров. — Сами видите, что творится, так что не до мужской солидарности. Но все только недоумевающее переглядывались.

— Я тоже понятия не имею, где его носит, — неохотно процедила Регина сквозь зубы. — Мы поссорились.

Это Кайсаров и так знал. Но куда все же мог запропасться Денис? Вариантов было немного — отсиживается где-то на базе, в деревне или в монастыре. Последние два варианта казались маловероятными, поэтому Арсений Игоревич скомандовал:

— Быстро все тут проверьте. Помещений немного, но все-таки давайте поскорее.

Побросав вещи, студенты бросились в разные стороны. «Буратино» обыскали за десять минут, но нигде, включая чуланы, кухню и кабинет директора, в который находчивый Павел заглянул через открытую и отчаянно хлопающую на ветру форточку, никого не было.

— Надо все же проверить, нет ли его в монастыре, — нерешительно предложил Антон. — Можно быстро сбегать и спросить.

— Нет, поздно. Те, кто туда отправится, рискуют не уехать совсем — покачал головой Кайсаров. Он успел переговорить с Марьей Ильиничной и узнал, что автобус застрял где-то на полпути из Кутьевска — забарахлил мотор. Так что неизвестно, доедет или нет. Скорее второе, значит, придется выбираться на микроавтобусе, который прибудет за работниками базы. Обещали транспортировать в два приема — главное, довести всех до следующей возвышенности, там подступающая вода уже не сможет отрезать их от города.

Арсений Игоревич с тревогой поглядывал в сторону вышедшей из берегов Мегжи. Вода в ней прибывала на глазах и выглядела устрашающе — мутная, крутящаяся водоворотами и несущая на себе обломки досок и мусор. Она достигла уже того места, где они еще недавно жгли костер, и смыла оставшиеся после него угли и головешки.

— Может, проще пешком в сторону города идти? — задумчиво предположила Майка.

— По такому ветру?! — ужаснулась Регина. — Смотрите, дождь начинается!

Первые струи хлестнули, словно из шланга, и студенты поспешно бросились под навес. Да, пройти в такую погоду два километра по дамбе страшное дело, к тому же вот-вот должна подойти машина.

Она и подошла — старенький «уазик-буханка» с замазанными краской оконцами. Высунувшийся из кабины водитель потребовал, чтобы сядились быстрее, вода уже поднялась почти до уровня дороги. Его призывы тонули в грохоте грома и шуме ливня.

Первыми шустро полезли женщины, работавшие на базе, следом пожилая пара отдыхающих. Оставшихся мест хватило только на шестерых студентов и сумки, а промокшую насквозь Наташу и закутанную в кусок полиэтилена Альку Кайсаров затолкал на переднее сиденье, усадив рядом с водителем. Все, больше никто не поместится, салон был набит битком.

— Давай! — крикнул он водителю сквозь льющиеся с неба потоки воды. Она хлестала по лицу и глазам так, что капюшон куртки не спасал.

— За остальными позже приеду! — кивнул из окошка водитель, поворачивая ключ зажигания.

Мотор взревел, микроавтобус выехал за ворота и свернул на дамбу. Не обращая внимания на дождь, Арсений Игоревич пошел в ту сторону. Прикрыв глаза ладонью, он всмотрелся в полотно дороги и понял, что за ними никто не вернется — через дамбу уже перекатывалась вода. Она образовывала все расширяющуюся промоину в асфальте, которая прямо на глазах превращалась в русло, потом появилась вторая, третья... река одолела не слишком прочную преграду и хлынула в низину. Накатил еще один вал, и окончательно отрезал холм с базой отдыха от города.

— Что происходит? — подбежал к нему Ромка, закутанный в веселенькую клеенку, захваченную в столовой.

— Надо сказать ребятам, кто там остался... Дамбу смыло.

— Там Мика и Регина, если не считать пропавшего Дэна.

— А остальные парни что — уехали?! — закричал Кайсаров. Он почему-то был уверен, что девчонок затолкают в автобус в первую очередь.

— Ну да... — растерялся Роман. — Там разбираться было некогда... Мы с Микой вещи подавали, а Регина сразу сказала, что останется Дэна дожидаться. Я ее пытался убеждать, но она ни в какую, а потом уже поздно было, машина ушла. И мы же не на тонущем корабле оставались, водитель говорил, что вернется!

— Вернется!.. — Кайсаров бессильно выругался. Одно дело — во время катаклизма остаться с крепкими парнями, и совсем другое — с двумя девч-

цами, одна из которых едва до плеча ему достает и которую соплей перешибить можно. И все потому, что не успел сам проконтролировать, на Ромку понадеялся!

В столовую оба вернулись насквозь промокшими и злыми.

Мика молча сидела в одном углу, а Регина в другом. Она неспешно доедала печеное яблоко, которых после завтрака стало достаточно много. Разложенные на блюдцах и похожие на коричневые мумии, они казались воплощением уныния. В деревянных рамах дребезжали стекла, по полу кое-где уже текли ручейки дождевой воды.

Не успел Савелий в монастырь золото отнести. Когда возвращался из Георгиевки домой в Кутьевск, вылетел навстречу шальной «браток» на потрепанном «мерседесе», и зацепил его новенькую «Ниву». «Мерс» — в лепешку о сосну, а Савелий с тяжелыми травмами и переломом позвоночника — в реанимацию. Организм крепкий оказался, только поэтому на тот свет сразу не отправился. И первым делом, когда в себя пришел и в палату родственников пустили, велел жене дать поговорить с сыном наедине.

Слушал Семен отцовский рассказ, открыв рот. Нет, о пращуре своем он и раньше был наслышан. Но это же такая древность, такая старина... Кистени всякие, берданки, разбойники.

А вон оно что оказывается.

— Ты помнишь то место, Семка? — шептал отец. — Помнишь?

— Батя, кое-что я помню, — осторожно отвечал двадцатилетний Семен. — Там еще вроде камни лежат?

— Да нет там никаких камней! — сердился Савелий. — За овражком это, если от Георгиевки не напрямик к реке идти, а наискосок, по просеке. Понял?

— Понял. — Семен и вправду начал что-то вспоминать — как повел отец его вроде как за грибами, а сам шагал быстро, игнорируя и выводки опят на пеньках, и даже огромные, нахально красующиеся подосиновики. Пришли они в какой-то медвежий угол, и стал Савелий подробно объяснять, как отыскать это место в случае чего. А вот про сам случай, как ни спрашивал Семка, так ничего толком и не сказал. Было это лет пять, а то и шесть назад, да разве упомнит все подробности городской мальчишка.

— Там еще сосна кривая росла, одна ветка словно лук изогнута! Ну, вспомнил?

А вот сосну Семка почему-то помнил. Может, оттого, что долго стоял под ней отец и что-то высматривал в корнях, а потом вздохнул и отошел.

— Там оно и лежит... под сосной закопано.

— Что лежит? — не понял парень.

— Золото монастырское, то самое. Твои деды-прадеды его не тронули, завещали обратно в монастырь вернуть. Сами не могли — в разоре обитель была. Я хотел снести, да теперь уж вряд ли. Так что твой черед. Не подведешь?

Пришлось Семену кивнуть, другого выхода не было. И пока шел к двери, чувствовал спиной отцовский взгляд — выполнит ли сын обещание, не поддается ли соблазну?

— В общем, так... — начал Кайсаров. — Дорога отрезана, так что в город нам не уехать.

— Как отрезана? — подскочила Регина.

— Насыпь частично снесло, — хмуро ответил Роман. — Теперь только вплавь.

Регина встала, выглянула в окно и посмотрела на бушующую реку. Потом обернулась и покрутила пальцем у виска.

— С ума сошел?!

— Шуток не понимаешь?

Ромка сбросил разбухшие от воды кроссовки и в одних носках, оставляя мокрые следы, прошлепал к стойке. Выбрав яблоко, уселся к столу и принялся его жевать.

— Да-а, погодка... — Арсений Игоревич последовал примеру сына и, разувшись, вылил из кроссовок воду за порог. — Надо переодеться, а то, если не простынем, так плесенью покроемся.

— А не во что переодеться, — хмыкнул Ромка.

— Как не во что? — Брови руководителя внезапно расколовшейся группы поползли вверх. — А наши вещи?

— А наши вещи уехали в Кутьевск, — неожиданно развеселился Кайсаров-младший. — Мы их все в отчаливавший автобус запихнули.

— Все сумки? — возмутилась Регина. — И мою тоже?

— Все до единой, — кивнул Ромка. — Разбираться, где чья, некогда было.

Воцарилась тишина, в которой стало слышно, как скрипит и трясется несчастная столовая. Опять грянул гром, и из щелей в потолке посыпалась какая-то труха. Роман подскочил, сорвал с еще одного столика клеенку и бросился укрывать ею блюда с яблоками, стаканы с киселем и поднос с нарезанным хлебом.

— Наверное, на кухне еще плита остыть не успела, — неожиданно поднялась Мика. — Надо вашу одежду отжать и высушить около нее.

— Правильно, — поддержал ее Кайсаров-младший. — И оставаться нам лучше всего поближе к еде. Наверное, тут и холодильники не пустые...

— Ты не рассуждай, а раздевайся лучше, я твои вещи выжму.

— Я сам, что ли, не могу? — смутился Роман.

— Не валяй дурака, знаю я, как ты выжмешь, — покачала головой Мика и исчезла за дверью кухни. Спустя пару минут она вернулась с кучей белых тряпок в руках. Тряпки оказались белыми халатами. — Сейчас же переодевайся!

На Кайсарова она не смотрела, но было понятно, что ее слова относятся и к нему.

Регина хмыкнула и демонстративно отвернулась. Она ведь должна изображать озабоченность исчезновением Дэна, хотя остаться решила по совершенно иным причинам. И вот — осталась. И что? И ничего. Но время на ее стороне, она еще успеет что-нибудь придумать.

Тем временем оба Кайсаровых скрылись за дверью и переоблачились в дурацкие поварские шмотки. Теперь они стали напоминать хирургов, потому что в комплект к халатам были обнаружены белые крахмальные брюки.

Мика умело отжала рубашки и джинсы и развесила их поближе к бокам огромной плиты. От одежды тут же пошел пар. Мокрые кроссовки она набила сухими газетами и поставила на теплый кафель.

— Спасибо, — раздалось за ее спиной, но когда она обернулась, Кайсаров уже исчез.

Она за ним не пошла, находиться рядом с Региной, которая, кажется, почувствовала себя королевой в изгнании, не хотелось. Слушая, как стучат по окнам струи дождя, и гремит гром, Мика принялась зачем-то расставлять сваленную кое-как посуду — стаканы к стаканам, тарелки к тарелкам. Потом проверила одежду — сохнет быстро. Хорошо, что печь дровяная, а не электрическая. Она сунула в топку несколько поленьев.

Гроза уже миновала и откатывалась все дальше, ворча и изредка посверкивая молниями. Но дождь все не унимался. Сколько времени они тут — час, два, три?

Внезапно у нее в кармане зазвонил мобильный телефон. Сашка.

— Ты где? — отчаянно заорал он сквозь какие-то помехи и щелчки, словно говорил не по сотовой, а по какой-то допотопной проводной связи. — Где ты?!

— Я тут! — в ответ закричала Мика. — В столовой!

— Черт! Вы все там?! Дэн нашелся?

— Нет. Нас четверо. Где Дэн, никто не знает.

В этот момент лампочка, которая горела под потолком, странно мигнула раз другой и погасла. И одновременно снаружи раздался какой-то сухой треск.

— Я потом тебе позвоню! — закричала Мика, пытаясь понять, что происходит.

— Упало дерево, оборвало электрические провода, — меланхолично сообщил ей Ромка, заглядывая в дверь. — Это плохо, холодильники разморозятся.

Кайсаров тем временем обошел окна столовой, высматривая, что происходит снаружи. Ветер все усиливался, и это грозило неприятностями. С крыши одной из дач уже сорвало толь, в другой со звоном разбились оставленные открытыми рамы. Да и кровля столовой подозрительно трещала. Административное здание оказалось ничуть не прочнее, вот задрался металлический лист и с грохотом полетел с крыши на асфальтовую площадку. Это были уже не шутки. Арсений Игоревич знал, что такое ураганный ветер, а база отдыха располагалась так, что основной его удар приходился на ее хлипкие постройки. Если ситуация не изменится, разрушения будут продолжаться.

— Может быть, пока не поздно, уйти в обитель? — предложила Мика, озабоченно морща нос.

— Опасно, — указал он на лежащий в воде оборванный провод. Вокруг плясали дождевые капли. — Можно выйти через кухню, но вдруг с другой стороны тоже обрывы?

— Оставаться тоже опасно, — вздохнула Мика и кивнула на окно, за которым упала еще одна береза, а вслед за ней начала крениться сосна с подсохшей вершиной. Спустя минуту дерево с грохотом рухнуло прямо на домик, в котором до этого жили Сашка с Антоном.

Подбежали Регина и Роман, с ужасом уставились на обломки веранды, на куски фанеры, тут же подхваченные ветром.

— Около столовой полно деревьев, — медленно произнес Ромка.

И словно подтверждая его слова, позади что-то грохнуло, затрещало и зазвенело. Регина испуганно ахнула и прижалась к Арсению Игоревичу. В окне вместо стекол теперь были зеленые мокрые ветки. Одна из них легла на столик, сметя с него недоеденное яблоко вместе с блюдцем.

— Всем отойти от окон! — скомандовал Арсений Игоревич. — Ром, быстро обувайся! Придется уходить, скоро тут все может обвалиться..

Спустя пять минут оба Кайсаровых обулись и натянули на себя почти высушенные джинсы и ветровки.

Кроме дурацких клеенок в розочку, больше ничего, что могло бы хоть как-то защитить их от продолжающегося дождя и, тем более, от ветра, не было.

В обеденном зале раздался треск и грохот — что-то рухнуло.

— Быстреей!!

Не поддался Семен соблазну. Хотя после того, как похоронил отца, долго маялся. Времена были тяжелые, смутные, те, кто мог зарабатывать деньги,

все равно одним днем жили:— утром ты богач, а к вечеру — почти нищий. Крутился Стрельцов, как белка в колесе — то мясом торговал, то шмотками китайскими. Потом шиномонтажку открыл, а рядом с ней — автомойку. Копейку к копейке складывал, в дом нес. И сколько раз хотелось жизнь облегчить, сколько раз руку заносил, а тот батин взгляд похуже лазерного прицела лопатки жег. Уже и в лес сходил, место нашел, сосну ту кривую... Бегал вокруг нее как дурак, всю голову исчесал. Жена Инна, как вернулся, обомлела: «Откуда ты такой встрепанный, Сема?»

А он только рукой махнул, да к кладбищу побрел. Еще когда бабка была жива, показала ему семейные могилы, вот к ним и сбежал. Отсиделся и решил — пока перекантуется, выкрутится. Руки-ноги-голова на месте, или он не мужик, сам не выдюжит?

А вот в обитель золото отнести пока так и не решился. Боялся, что, как увидит богатство, так и скиснет. Так что пусть пока там лежит, так вернее. Уже целый век схоронено, еще пару лет потерпит.

Вот отстроит он дом в родной деревне, вот проложит дорогу, поставит памятник на прадедовой могиле, как отец задумал — чтобы с дороги каждый видел... Вот тогда самое время и будет. А то ведь разбойничий камень каждая собака в Георгиевке знает, а могила того, кто людей от разбойника спас, безымянной остается.

Именно в тот день Семен поехал в гранитную мастерскую, долго обговаривал с подвыпившим мужиком, какой крест ему надо. Остановились на тесаном камне, с вырубленными в нем буквами. Надо было только в церковной книге глянуть точные даты рождения и смерти Никиты Стрельцова.

Ударили по рукам. Подписали договор, и поехал Семен обратно домой довольный. А, вернувшись, узнал, что нерадивый бульдозерист своротил валун на могиле Гришки Кистеня. Своротил, поганец, разбойничий камень и смылся.

Перед тем как выходить, Кайсаров быстро проинструктировал всех, как нужно себя вести: при сильном порыве ветра лучше лечь на землю, если увидят на земле оборванный провод — передвигаться прыжками на обеих ногах и ни в коем случае не хватать находящегося рядом за руку. Произнося это, он стяхнул со своего локтя вцепившуюся в него Регину.

Поведение этой девицы начало его откровенно раздражать. Последние часы она вела себя так, словно он был ее персональным телохранителем, которого она решила соблазнить. Задавала многозначительные вопросы, заглядывала в глаза... Все эти уловки он знал наперечет, и вначале они его смешили. А потом стало скучно. Но вот если она не прониклась опасностью ситуации и продолжит ужимки — это может закончиться скверно.

Поэтому он еще раз, специально для девушек, повторил указания. Мика кивнула, а Регина обиженно надула губы. На всякий случай он велел Роману опекать Мику, а на себя взял Регину — неожиданностей от нее можно было ожидать куда больше, чем от «маленькой железной леди».

Выйдя из задних дверей столовой и осмотревшись, они по большой дуге обогнули еще один сорванный провод. Дождь хлестал немилосердно, а ветер почти сбивал с ног. К дороге Мика повела их самой короткой тропинкой, но и она казалась бесконечной. Спустя две минуты все опять промокли насквозь, а передвижение в мокрой крапиве и дергающихся на ветру колких стеблях малинника напоминало пытку. Пройдя вдоль склона, почти вровень с которым вместо привычного луга теперь плескалась беспокойная мутная вода, они очутились, наконец, на мокром асфальте. Дамба мужественно держалась, во всяком случае, просматриваемые двести или триста метров. Но отрезок около монастырских ворот разглядеть отсюда было невозможно. Поэтому приходилось идти наугад.

Ветер немного стих, и передвигаться можно было, почти не рискуя быть сбитым с ног. Уровень воды по обе стороны насыпи был пока терпимым, и это вселяло надежду.

Мика брела за Романом, старавшимся прикрыть ее от пронизывающего ветра. Монастырь, едва видимый в серой дождевой завесе, казался недосягаемо далеким, хотя почти треть пути они уже одолели. Позади хныкала Регина и что-то успокаивающе бубнил Кайсаров-старший. Внезапно ветер рванул с такой силой, что Мика согнулась в три погибели. Ей, с ее ростом, преодолевать напор ветра было немного проще, чем остальным, но и сдует, если что, ее первой.

Еще порыв, и еще...

Ромка схватил Мику за руку и прижал к себе. Так они и стояли, пока ветер опять не угомонился.

— Все, пошли, — потянул он девушку вперед и ускорил шаг. — Быстрее, уже недалеко!

Мика побежала следом, в кроссовках противно хлюпала вода, мокрые джинсы облепили колени, мешая двигаться.

— Черт! — внезапно выкрикнул Роман. — Дорога начинает рушиться...

Он остановился, и Мика, с разгону проскочив мимо него, тоже увидела — впереди асфальт просел, и часть его ушла в воду.

— Что там? — поровнялся с ними Арсений Игоревич, тащивший Регину, словно на буксире. Все лицо девушки было испещрено странными разводами — это не выдержала водостойкая французская тушь.

— Похоже, где-то снизу подмыло, — обернулся к отцу Ромка. — Не знаю, может, там труба была или что...

— Надо ближе подойти, посмотреть, успеем ли проскочить. Быстрее! Девчонки, не отставайте!

Эту часть дамбы уже частично защищала от ветра громада монастыря, поэтому риск, что легкую Мику собьет с ног, миновал — боковые порывы стали намного слабее. А дождь как раз в это время почти прекратился, сменившись какой-то водяной взвесью, повисшей в воздухе. Но почему-то было абсолютно ясно, что это не надолго.

Полсотни метров они одолели почти спринтерским рывком и остановились в нерешительности — дорожное полотно действительно просело под углом, наклонившись в сторону реки. Оно могло вот-вот обрушиться, а могло продержаться еще некоторое время.

Нужно было торопиться. И тут Регина впала в панику — ей казалось, что, стоит ступить на подмытый участок, как она немедленно провалится в трясину из грязи и камней. И тогда ее никто уже не спасет, потому что каждый будет спасать только себя. Она представила это так отчетливо, словно асфальт уже уходил у нее из-под ног. Игра в опасное приключение с сопутствующим флиртом вдруг закончилась и сменилась слепым животным ужасом. Точно таким же, как в детстве, когда ей нужно было спрыгнуть с вышки в бассейн, а она застыла в полуметре от края, и никакая в мире сила не могла заставить ее сдвинуться вперед хотя бы на сантиметр.

Кайсаров обернулся в ее сторону — Регина стояла неподвижно, и выражение ее лица было странным. На все призывы не терять времени она только пяtilась и мотала головой.

Арсений Игоревич кинулся назад, не обращая внимания на постепенно увеличивающийся наклон перемычки. Он был уверен, что еще можно успеть.

— Иди, я буду тебя сзади страховать! — уговаривал он, озадаченный и раздраженный непонятым упрямством девушки. — Тут всего несколько метров, Ромка протянет тебе руку. Ты же видела, я прошел дважды!

— Нет!!! — взвизгнула Регина и шарахнулась от него так, словно он собирался столкнуть ее в пропасть. — Я боюсь!

— Ну, скоро вы там?! — не выдержал Роман. — Что случилось? Давайте быстрее!

— Быстрее не получается... Помогите мне ее перетащить. Иначе застрянем.

— Не трогайте меня! — отталкивала его руки Регина. Ветер подхватил ее странную накидку, та птицей взмыла вверх, а потом так же стремительно упала в воду и расплылась по ней белым пятном. Девушка с ужасом уставилась на него.

— Она не в себе! — крикнул Кайсаров. — Что делать будем?

— Сейчас я тебе помогу.

С этими словами Роман бросился к ним. И произошло то, что должно было произойти — едва он миновал узкую перемычку, как асфальт, по которому он только что пробежал, ломаясь, словно ноздреватый весенний лед, тронулся с места, и через минуту вместо него была только грязная вода.

— Видите! — взвизгнула Регина. — Мы тут погибнем! Нужно скорее возвращаться, иначе все рухнет!

— Заткнись, истеричка! — буркнул Ромка, меряя взглядом образовавшийся пролом. Было бы хотя бы на метр-полтора меньше, он бы рискнул прыгнуть. Но свои возможности он знал, к тому же и края прорехи продолжали обрушаться.

Крошечная фигурка в мокрых джинсах и длинной клетчатой рубашке замерла на другой стороне. Когда она потеряла свою клеенку, никто не заметил.

— Нам придется вернуться, — крикнул ей Кайсаров, — а ты иди в обитель! Бегом беги!

— Я попробую вызвать спасателей на базу, — ответила Мика и достала мобильник.

— Я и сам это сделать могу! Давай скорее, пока ветер снова не усилился!

— Хорошо! Ромка, запомни мой номер... — Она быстро продиктовала цифры.

Регина, видя, что в пучину ее тащить никто уже не собирается, снова вцепилась в локоть Арсения Игоревича. Губы ее тряслись и кривились, она пыталась что-то сказать, но никто не мог понять, что именно.

— До встречи! — крикнула Мика, помахала им рукой и зашагала по дороге. Ворота монастыря были закрыты, но можно постучать, и ей откроют. Бежать сил не было, после перехода под дождем и ветром она была в состоянии только плестись, мечтая об одном — найти какой-нибудь закуток и согреться.

Ничего, до ворот оставалось совсем немного, и скоро она сможет укрыться за стенами обители. Там тепло и, наверное, опять пахнет гречневой кашей. Остальным придется хуже — надежда только на то, что больше такого сильного ветра не будет, а постройки хотя бы частично уцелели.

Она уже поравнялась с крайними избами, и тут заметила справа нечто странное — какое-то красное пятно, двигавшееся вдоль дощатого забора. И только спустя полминуты до нее стало доходить, что это. Красная футболка, которую она подарила Дэну в День святого Валентина... Любимая футболка, которая так шла к его светлым волосам и голубым глазам.

— Денис!!! — закричала Мика. — Дэн, мы тут!!! Куда ты?!

Она кричала, срывая голос, но он даже не обернулся. Вполне возможно, что из-за ветра просто ее не слышал. Но почему тогда он направляется не к обители, а от нее?

Красное пятно мелькало все дальше и дальше.

Ромка, услышав позади крик, обернулся. Но Мики на дороге уже не было — она пробиралась по камням вдоль полузатопленной деревенской улицы.

Все трое остановились в изумлении. Первой поняла, что происходит, Регина. Она фыркнула и хотела что-то сказать, но, взглянув на Кайсарова, промолчала.

Ужас, ужас... Зачем она бросилась догонять Дэна? Зачем ей вообще это нужно? Ему на нее давно плевать, а она... Наверное, дело в этой дурацкой футболке, причина именно в ней. Он продолжал ее носить, как ни в чем не бывало, хотя подозревал, что Мике это неприятно.

Стоп! Ведь Дэн пропал еще вчера, и все беспокоились и искали. Поэтому надо догнать его, убедиться, что все в порядке, и сообщить Кайсарову. Хотя у нее нет номеров их телефона, но она же продиктовала Ромке свой. Вот догонит Дэна, а потом передаст Ромке, что с ним все в порядке, и вернется обратно к обители.

— Дэ-эн!!!

Мика добралась до полосы травы — улицу затопило почти полностью, только вдоль палисадников можно было пройти, и то кое-где приходилось прыгать по щиколотку в воде.

— Дэн, подожди!

Вот дом Татьяны — еще можно свернуть, постучать, и ее впустят в сухую теплую избу. Плюнуть на этого дурака, который никак не хотел ее слышать.

И тут Мика вдруг поняла, куда он направляется — в сторону кладбища. Туда, где случилось уже много страшного и непонятного. Зачем?!

Она пробовала бежать, но выдохлась почти мгновенно. А красное пятно упорно двигалось вперед, несмотря на вновь поднявшийся ветер, от которого лицо приходилось закрывать рукой.

— Дэ-эн, да Дэн же!!!

Спотыкаясь и поскальзываясь на раскисшей земле, Мика пыталась вспомнить номер его трубки, который уничтожила в памяти своего телефона тогда, три месяца назад. Нет, на ум приходили только первые цифры — 902. А дальше? Да что же у нее за мозги такие дырявые!

Внезапно маячившее в клочьях тумана и дождевой дымке красное пятно исчезло. И она не успела заметить — куда. Куда он свернул или спрятался?

Проскочив последнюю избу, Мика затормозила и, тяжело дыша, огляделась. Нет, если бы Дэн направился к кладбищу, она бы видела. Но он не пересекал площадку между домом Стрельцовых и кладбищем — там, где поработал два дня назад бульдозер, в размокшей рыжей глине стояли огромные ржавые лужи. И — никаких следов... А ведь они обязательно остались бы, если бы кто-то тут прошел.

По спине и плечам хлестнули струи воды, потекли по волосам и лицу.

Неожиданно Мике стало так жалко себя, так стыдно за дурацкий порыв, заставивший ее ковылять через всю деревню вслед за тем, кому она и даром не нужна, что до боли свело скулы. И ведь даже не поплачешь толком от обиды — какой смысл в слезах, когда все лицо и так мокрое?

И тут она вспомнила, что говорила ей Инна. Ключи от дома. В особняк ей входить не хотелось, но ведь там может быть и ключ от замка, которым закрыта старая изба Семеновой бабки. Вот в ней-то она и отсидится.

Но из найденных под крыльцом двух ключей на колечке к запиравшему древнюю развалюшку замку ни один не подошел. Мика разочарованно пожала плечами и обернулась. Дом стоял темный и неприветливый. Мокрый кирпич казался кроваво-красным, с крыши лилась вода.

И все же — куда исчез Дэн? Может быть, ему как-то удалось влезть в избу? Но крошечные окошки все были целыми и плотно закрытыми.

Она еще несколько раз позвала его, но ответом была тишина.

Поднявшись на бетонное крыльцо и укрывшись под его навесом, Мика вздохнула — делать нечего, на то, чтобы вернуться к монастырю, у нее просто нет сил, придется укрыться тут. А вдруг Семен затаился в доме? Она с испугом глянула на темные окна. Нет, его ключи остались в прихожей, и если никто не достал запасные из-под ступеньки, значит, в доме никого нет.

Прежде чем открывать входную дверь, она решила все же позвонить Инне. Только бы трубка в кармане не отсырела. Трубка не отсырела, но разрядилась. При попытке набрать номер экран мигнул, аппаратик прощально пискнул и сообщил, что его силы иссякли. А зарядка уехала в сумке в Кутьевск...

Ничего, может быть, в доме есть стационарный телефон, она позвонит оттуда. Если, конечно, номер вспомнит.

Ледяной рукой Мика с трудом воткнула ключ в прорезь замка и повернула. Нашарила выключатель (к ее удивлению, свет загорелся) и огляделась. Тут все было по-прежнему, даже дуршлаг валялся у стены. Усевшись на пол, она стала распутывать превратившиеся в комки грязи узлы на кроссовках. Не получилось — пришлось стащить обувь вместе с прилипшими к ней

носками. Потом босиком прошлепала на кухню. Чайник, обычный, не электрический, валялся в углу. Она набрала в него воды из крана и поставила на плиту.

В ванной был нагреватель... Это показалось настоящим счастьем — можно нацедить теплой воды в тазик, умыться и вымыть, наконец, ноги. И поскорее, поскорее снять с себя мокрую одежду!

Поколебавшись, она сняла с сушилки фланелевую мужскую рубашку. Рукава пришлось закатать наполовину, но зато длина подходящая — почти до колен. Только тут Мика почувствовала, что ее трясет, прямо-таки колотит крупной дрожью, даже зубы стучат.

Внезапно раздавшийся свисток заставил ее подскочить. Что это?!

Чайник. Всего лишь дурацкий чайник со свистком.

Вымывшись, напившись горячего чая и согревшись, она почувствовала, что мир не так уж плох. Сразу захотелось спать, глаза буквально слипались. Мика добрела до дивана в гостиной и, укрывшись лежавшим на нем пледом, почти мгновенно уснула. Как над разлившейся Мегжой садилось в багровые тучи солнце, она уже не видела.

Разбудил ее телефонный звонок. Спросонок не понимая, где она, и откуда исходят пронзительные трели, Мика заметалась, сшибая впотьмах стулья. Наконец заметила мигающий зеленым огоньком аппарат и успела схватить трубку до того, как он замолчал.

— Сема! — кричала на том конце Инна. — Сема, это ты?! Как ты там?

— Это я... Мика, — почему-то хрипло ответила девушка. Попыталась откашляться и повторила: — Это Мика.

— А... Семен не вернулся?

— Нет. Тут наводнение, мы не успели выехать, а потом и дорогу размыло. И вот я тут, одна.

— Бедная. С тобой все в порядке? А то твой мобильник не отвечал, я тут вся извелась.

— Все нормально, он просто разрядился. Но вот наши на базе остались, трое. И я не знаю, что с ними.

— Ничего, завтра должны катера быть, пусть ждут, их снимут оттуда.

— Какие катера?

— Спасатели и эти... рыбная охрана, вроде бы. Они всегда, как уляжется немного, берега осматривают. Мика... я все время думаю. Может быть, Сема тогда монастырское золото в доме искал? Больше ведь нечего, никаких особых богатств у нас нет.

— Какое золото?

— Ну, это, которое Семенов прапрадед у Гришки Кистеня забрал и в лесу спрятал. Только ты об этом никому не говори, хорошо? А то он не велел...

Говорил, что надо его вернуть, а сам все не решался. Понимаешь, прапрадед этот, он в Георгиевке героем считался, как же, самого страшного разбойника одолел... Но согрешил мужик — то золото, за которое Гришка монахов убил, не вернул, спрятал. И про это только одни Стрельцовы знали, от отца сыну передавали. А у Семы вот сыночка не было, и он все переживал молчком. — Инна перевела дыхание и снова зачастила: — А однажды заболел сильно, аппендицит гнойный ему вырезали, чуть не умер. И тогда он мне прямо в больнице и сказал — иди в лес и найди то место. А если что со мной случится — в обитель отнеси, настоятелю. Я и пошла, он план мне нарисовал подробный. Но я все равно полдня ту сосну искала. Нашла... и золото перепрятала, чтобы поближе потом взять, уж больно далеко. Семе я потом сказала, а он в ответ: «Вот и хорошо, только не говори, куда положила, чтобы не соблазнился». У него тогда как раз неприятности с деньгами были — кто-то кинул его с товаром, вот он и боялся... И чуть не каждый день на могилу прапрадедову ходил.

— На могилу? — переспросила Мика. — Это не та, что почти в самом углу кладбища? На ней ни памятника, ни креста нет.

— Она самая. Семен как раз в тот день, когда исчез, памятник и заказал. И вот я думаю, может, он хотел у меня спросить, где золото, а я, дура такая, испугалась и убежала...

«И поэтому он собаку убил?» — озадачилась Мика. Что-то в этом рассказе не складывалось. Семен ведь мог просто спросить о золоте у жены, а не переворачивать все в доме вверх дном. Да еще и собака. Чем ему Дик помешал?

— Ты слышишь? — почти кричала в трубку Инна. — В общем, я решила — надо от этого проклятого золота избавиться, может, тогда Семен вернется. Но я сейчас до Георгиевки не доберусь, так что придется тебе.

— Что придется? — испугалась Мика.

— Придется то золото достать и отнести в обитель. Я его под собачьей будкой спрятала, чтобы Дик стерег. Так что найти легко.

— Где спрятала?! Инна, я устала, вымокла и замерзла... И уже совсем темно.

— Не сейчас, конечно. Утром. Может, после этого Сема успокоится и вернется, как ты думаешь?

— Я не знаю, — честно ответила Мика.

— Я тоже не знаю, — всхлипнули на том конце провода. — Просто не знаю, что делать...

Положив трубку, Мика потерла ладонями лицо. Горло саднило, и, кажется, лоб горячий. Простыла...

И тут ей послышался какой-то звук. Словно кто-то прикоснулся к стене, шорох и легкий стук. Закрывала она входную дверь на замок или нет?! В памяти был провал...

— Кто там? — шепотом спросила Мика. Но тот, кто был там, в темноте, услышал и отозвался:

— Это я.

— Дэн?! Откуда ты?

— Да вот мотаюсь... ветер опять поднялся, решил спрятаться тут.

Голос приближался, и Мика вздохнула с облегчением — ну, наконец, хоть кто-то, теперь будет не так одиноко.

— О каком золоте ты тут говорила? — Он был уже рядом, и знакомый силуэт появился на фоне окна.

— Включи свет, — попросила девушка.

— Потом. Так о каком золоте шла речь? О том, которое она спрятала от мужа?

— Да какая разница? Это не моя тайна... И вообще, я, кажется, простыла, у меня жар, и горло болит. Надо согреть чайник. Включи же свет!

Она старалась говорить ровным голосом, боясь, что воспаленное горло перехватит, и он подумает... Да какая разница, что он подумает. Все, что было между ними, давно кончилось. И точка. Продолжения быть не может.

Щелкнул выключатель. Мика зажмурилась, разглядывая Дениса. Он был весь какой-то встрепанный и очень грязный, но это понятно, она сама, когда пришла сюда, выглядела не лучше. Ничего, сейчас согреется, обсохнет...

Он обернулся, и все мысли разом вылетели у нее из головы. Потому что со знакомого до малейшей черточки лица на нее смотрели чужие глаза. Темные, как стоячая вода в канаве, злые и холодные.

— Скажи, где золото, и я уйду, — тихо произнес он.

Но Мика знала — не уйдет. Потому что за поясом грязных джинсов Дэна торчала рукоять кистеня. Шипы шара-гирьки царапали жесткую ткань, и она в этом месте успела взлохматиться белесыми волокнами.

Она сидела и беспомощно смотрела на того, кто еще недавно был самым родным, а потом... потом стал просто никем. Остальное было за гранью — потому что настоящий Дэн был сероглазым. И этот новый взгляд она уже видела раньше, на кладбище. Точно так же смотрел на нее Семен Стрельцов.

Все это вихрем пронеслось в голове, а к горлу подкатил скользкий комок страха.

— Хорошо, я скажу.

Она тянула, делая ненужные паузы, а сама судорожно пыталась найти выход.

— И где оно?

Случайно или нет, он коснулся шипастого шара, ласково погладил его, словно свернувшегося в клубок котенка.

— Оно спрятано на колокольне, — неожиданно для себя выпалила Мика.

— Где?! С какой стати эта дура поперлась на колокольню?

— Эти деньги предназначались на отливку колоколов, вот она и решила...

Рано или поздно их бы там нашли.

Это были весьма странные объяснения, но Денис, подумав, кивнул.

— Пошли. Покажешь, где именно.

Даже представить, что ей придется опять тащиться в обитель, в дождь и ветер, было тошно. Она не выдержит, она смертельно устала, и у нее жар... Но это был единственный шанс, если он вообще был.

— Мне нужно одеться, не пойду же я босиком и в одной рубашке.

— Одевайся, только быстро. И не вздумай ничего выкинуть.

Да что она может выкинуть? Вспомнив, во что кистень превратил машину, стоявшую в гараже, Мика вздрогнула. Потом закуталась в плед и принялась искать подходящую сухую одежду. В кладовой обнаружили резиновые сапоги и старая куртка, а носки и спортивные брюки она позаимствовала все с той же сушилки. Только слишком большие брюки пришлось затянуть шнурком на талии.

Жаль, что в доме нет второго выхода, кроме гаража — можно было бы попробовать удрать. Но в гараж вход тоже из холла, а там ее поджидает Дэн. И в окно не выскочить — услышит и все равно догонит.

Глубоко вдохнув и выдохнув, Мика вышла в ночь. Ветер швырнул в лицо капли дождя, и она поспешила натянуть на голову капюшон. И как Денису не холодно в одной футболке? Он шел, словно не было непогоды, и движения у него были какими-то механическими и одновременно вкрадчивыми, звериными. Господи, кто же рядом с ней?!

Вода поднялась еще выше, и идти вдоль улицы стало намного сложнее. Мику спасали сапоги, а Дэн шагал по воде прямо в кроссовках, не обращая внимания на то, что ноги заливают. Иногда он включал прихваченный из дома фонарик, но большую часть пути они одолели в полной темноте.

Несколько раз она поскальзывалась и едва не падала. И ни разу, ни разу он не помог ей, не протянул руку, только равнодушно ждал или подгонял: «Скорее!»

И все же до монастыря они добрались довольно быстро, или Мике так показалось? Она так надеялась встретить хоть одного человека, к которому можно было бы броситься за помощью, но все сидели, забившись по домам

и пережидая ненастье. Монастырь тоже был темен, светилось единственное оконце под самой крышей. Кричи — не докричишься.

Ворота оказались только притворены, а не заперты на замок. Дэн втолкнул ее за створку. Луч фонарика скользнул по стенам и нашарил дверь, ведущую в колокольню.

— Ну и где там?

— Нав-в-верху, — выбила зубами Мика. — Там, г-где должны висеть колокола. Под одной из плит.

— Пошли!

Подниматься по лестнице, где и при дневном свете можно было шею свернуть, в темноте было немыслимо трудно, и девушка успела сто раз проклясть тот миг, когда ей пришла в голову мысль отправиться сюда. Может быть, надо было сказать, где лежит это золото? Но тогда у нее совсем бы не осталось шансов. Никаких.

Желтый кружок света метался по ступеням, словно безумный, и приходилось карабкаться почти на ощупь. И никто не собирался ее поддерживать и протягивать руку, наоборот, Дэн, или тот, кто обрел его облик, был все время сзади, и Мике казалось, что в любой момент на ее затылок может обрушиться удар, от которого не спасет никакой капюшон. Она чувствовала это так ясно, что волосы на голове шевелились.

Один раз Мика сорвалась, но в последний момент каким-то чудом успела упасть на жесткий камень и лишь немного сползла вниз, обдирая пальцы и колени.

— Поднимайся!

Она глянула на Дэна через плечо и сжалась в комок. Он убьет ее, наверняка убьет, просто сбросит с колокольни вниз, когда поймет, что она его обманула...

— Быстрее, скоро рассветет!

Как рассветет? Неужели ночь уже прошла?

Она с трудом встала и вновь полезла вверх, стараясь не застонать и не всхлипнуть. Почему-то казалось, что это может вывести его из себя.

Он не дал ей передохнуть и на площадке перед деревянной частью лестницы. Только осветил непрочные, кое-где обломанные ступени и приказал:

— Лезь!

А сам, словно осторожный зверь, держался совсем близко, дышал в затылок. Так что ударить его ногой сверху она не могла — он бы успел ее схватить и увлечь за собой вниз, на каменное основание. Верхней площадки они достигли быстро, слишком быстро.

— Здесь нет никаких плит, — отдельно произнес Дэн, водя лучом фонарика по полу. Да, он был сделан не из камня, а из толстых деревянных брусьев, чтобы при навешивании колоколов выдержать их вес. — Ты обманула меня, тварь!

Привыкшие к темноте глаза ловили каждое движение. Вот он сгибает руку и медленно достает из-за пояса кистень, рукоять ложится в ладонь, словно срастаясь с ней.

И тут Мика вспомнила. Это был тот самый, единственный выход. Тогда, два дня назад, тут стоял Ромка Кайсаров, и он...

В тот момент, когда Денис медленно и с удовольствием замахнулся, она подпрыгнула вверх. Ладони вцепились в металлическую поперечину, а ноги она согнула и резко выбросила вперед. Удар пришелся ему куда-то в верхнюю часть груди и шею. И это спасло ее от удара кистеня — шипы лишь пропороли куртку и задели бок.

Еще не веря в то, что ей удалось это сделать, Мика увидела, как отброшенный назад Дэн покачнулся на краю проема, а потом опрокинулся и с криком рухнул вниз. Она не верила и тогда, когда грохот его падения по лестнице стих. Спрыгнула, почти свалилась с перекладины. Ноги не держали, и она опустилась на мокрый холодный пол. Под пальцами что-то перекатилось, но она не обратила на это внимания.

Небо стремительно светлело, и в нем проступали силуэты столбов, крыш, лохматых туч, повисших над горизонтом.

Она сидела и прислушивалась, боясь услышать опять его дыхание и голос. И одновременно боялась не услышать ничего. Неужели она его убила? Убила Дэна?!

Нужно было найти силы и встать. Встать и посмотреть.

И только тогда она заметила, что рядом с ней что-то лежит, и поняла — это кистень.

Осторожно, словно кусачего зверька, Мика взяла его в руки — удобная граненая рукоятка, с двумя кольцами — к одному крепилась потертая кожаная петля, а к другому кованая цепочка. И на ней — увесистый железный шар с шипами... Она надела петлю на запястье и сама удивилась тому, как удобно и ловко тяжелая рукоятка легла в ее ладонь, так, словно была создана именно для нее.

Мика встала и выглянула наружу. Холодный влажный ветер насквозь продувал вершину звонницы, а внизу... Разлившаяся Мегжа заполнила собой все низины, превратив возвышенности в острова. Серая вода с клубящимся над ней туманом подступала к стенам монастыря. Дамбу смыло уже в двух местах, и она продолжала разрушаться.

То, что предстояло сделать, не терпело отлагательств. Теперь была цель, и нужно было действовать. Она знала, где спрятано золото.

Вниз Мика спускалась неспешно — не хватало только свалиться с этой чертовой лестницы. Через неподвижное тело Дэна, лежавшее на площадке, переступила, почти не глядя, и продолжила спуск. Что сказала ей Инна — золото спрятано под собачьей будкой? Собаки... Охотничьи собаки... Если бы не эти твари, все было бы тогда, в лесу, иначе. И поэтому их надо уничтожать — всех, кто попадется под ноги, всех этих злобных кусачих шавок. Это нетрудно — главное не дать им собраться в стаю.

Мика усмехнулась. Или ее звали уже не Мика?

Но это неважно, главное сейчас — добыча. Законная добыча. Потом можно будет подумать о новом теле, это слишком хрупкое и слабое. И оно должно будет отправиться туда же, куда и остальные.

Кистень привычно оттягивал руку и готов был уничтожить любого, кто встанет на пути. Уничтожить или выбрать. Выбрать и подчинить. Его выковал когда-то давно кузнец-цыган, про которого даже соплеменники говорили, что он продал душу дьяволу. А он не продавал — заказали кистень, он и сделал кистень. А уж сколько душ тот кистень загубит — кузнецу дела нет, лишь бы за работу заплатили звонкой монетой.

А кистеню нет дела до того, кто им владеет, да и владеет ли? Его пища — кровь. Кровь и золото. Вот и сейчас он вновь стал почти как новый — сошла ржавчина, заострились шипы, вернулась прежняя сила.

Лестница закончилась, и Мика спрыгнула на площадку.

Они ждали ее внизу, и вначале она испуганно отпрянула. А потом поняла, что они безоружны — и бородатый священник, и этот... Она с трудом вспомнила — Кайсаров. Вспомнила и рассердилась на саму себя, она не должна была вспоминать. Она должна сделать то, что было правильным и логичным. Кто из них моложе и сильнее? Бородатый не подойдет — слишком грузен и неповоротлив. А вот второй — в самый раз.

Третий вообще не в счет — сопляк в рясе...

Когда мокрый и измученный Арсений Игоревич буквально вломился ночью в келью отца Гавриила, тот вначале не понял, в чем дело, и зачем понадобилось гостю рисковать жизнью, переправляясь через затопленный луг на старой плоскодонке. Что за девчонка? Почему такой аврал? Нет, в обитель она не приходила, и где ее теперь искать? И еще парень пропал? Да, странные дела творятся, странные...

Батюшка отпаивал Кайсарова чаем со сладким пряным вином, а сам прикидывал, стоит ли уже сейчас отправлять братьев на поиски пропавших или

подождать, пока развиднеется. Но тут прибежал послушник и сообщил, что на колокольне нечисто — слышен какой-то крик и грохот. Отец Гавриил с трудом распахнул разбухшую от влаги оконную створку и прислушался. Но было тихо. От притихшей за ночь воды поднимался туман.

— Надо идти, — сказал гость, иначе никогда себе не прощу...

Едва открыв дверь, ведущую на колокольню, они услышали, что кто-то спускается сверху.

— Мика?! — ошеломленно пробормотал Кайсаров, глядя на нелепую фигурку в огромной рваной куртке, из-под которой виднелись клетчатая рубашка и продранные на коленях штаны. Осунувшееся лицо с неправдоподобно ярким румянцем и слипшимися прядками волосами. И спокойный, даже веселый взгляд.

— Мика, где Денис?

— Там, — повела она подбородком вверх.

— Что с ним?

Ответом было только пожатие плеч. А потом... потом она протянула ему что-то, вначале он в полумраке не рассмотрел, что именно, и уже собрался взять, но тут отец Гавриил неожиданно рванул его за рукав назад с такой силой, что Арсений Игоревич отлетел и врезался в стену. Кажется, он даже ударился головой, потому что остальное виделось смутно и только фиксировалось сознанием, но не понималось.

Мика в недоумении уставилась на свою руку и протянула кистень священнику. Тот отшатнулся, защищаясь крестом, и тогда она замахнулась.... Увы, промах — и сталь с силой врезалась в стену, кроша кирпич.

Отец Гавриил, прикрываясь локтем руки от сыплющихся на него ударов, пытался перехватить руки обезумевшей девчонки, но та ловко увертывалась в тесном пространстве и только из-за небольшого роста никак не могла дотянуться до его головы. Со звоном упал на камни и отлетел к стене серебряный крест.

— Мика! — закричал Кайсаров. — Мика, очнись! Что с тобой, Мика?!

Она обернулась и на мгновение потеряла из виду священника. Этого оказалось достаточно. Он обхватил ее, визжащую и брыкающуюся, и кистень полетел на камни вслед за крестом.

Наступила тишина. Оглушающая и долгая.

Что это было? Он спрашивал себя об этом без конца. И когда плачущую и дрожащую Мику набежавшие монахи унесли, чтобы уложить в постель и напоить каким-то успокоительным настоем, и когда, что-то ворча сквозь

зубы, отец Гавриил наспех бинтовал себе изувеченную шипами кистеня руку. Одновременно он никому не давал подойти к лежащему у стены кистеню. Оружью, похожему на затаившуюся ядовитую змею. Сам поднял его здоровой рукой, но прежде набросил на него кусок какой-то матово сверкающей серебром ткани, и только потом осторожно взял.

Сверху спускали импровизированные носилки из двух досок. На них лежал бледный, но живой Денис. У него был разбит затылок и сломана нога.

— Что с этим делать? — проводив носилки до выхода и убедившись, что с парнем все относительно нормально, спросил Кайсаров и кивнул на серебряный кокон. Теперь он ясно видел, что это парча, церковная ткань.

— В голову приходит только одно, — медленно ответил отец Гавриил. — Он должен вернуться туда, где был. И лежать там, пока не рассыплется ржавчиной. Идемте!

И они пошли — через просыпающуюся деревню, мимо изб, от которых тянуло сонным утренним дымком и запахом печеного хлеба, мимо уродливого кирпичного особняка, к кладбищенской ограде. Арсений Игоревич опасался только одного, что не удастся завести бульдозер. Но для этого за ними семенил долговязый инок, бывший когда-то в миру неплохим угонщиком. Он повозился в кабине, и мотор загудел. Инок вылез и перекрестился. А его место занял Кайсаров.

С камнем они провозились долго — нужно было так зацепить его, чтобы лег точно на прежнее место, а отвал бульдозера вначале никак не хотел слушаться все еще трясущихся рук. Тряслись они после самодельных весел, которыми он почти два часа упорно выгробал к монастырю на утлой лодчонке, принесенной вздувшейся рекой к бывшему пляжу. Ромка и Регина остались в уцелевшей дачке, а он поплыл. Двоих, а тем более троих плоскодонка не выдержала бы. И хорошо, что поплыл он, а не Ромка...

Наконец нож отвала уперся в нужную точку, и огромный валун слегка сдвинулся с места. Еще чуть-чуть...

Отец Гавриил перекрестился и развернул сверток, который все время держал перед собой, словно боясь отвести от него взгляд. Кистень, недобро блеснув остриями шипов, канул в залитую дождевой водой яму, и тут же на него навалился разбойничий камень. Придавил, не давая вернуться.

Кайсаров вылез из кабины бульдозера и потянулся. Сквозь несущиеся над монастырем тучи робко просвечивало солнце.

Предстоял еще обратный путь в обитель, короткий разговор с не до конца пришедшей в себя Микой и долгое сидение у ее постели в ожидании, когда она, наконец, уснет. Предстояло узнать, что тот самый пропавший

муж неизвестной ему Инны, Семен Стрельцов, прячется у своей двоюродной сестры — прибежал из леса с окровавленной головой и криком, что он кого-то убил, а потом его хотели убить, и теперь сидит в избе, боясь нос высунуть. Предстояло вместе с ним извлечь полуистлевшую сумку с золотыми царскими червонцами и передать ее отцу Гавриилу — чтобы вновь на монастырской звоннице появились колокола. Предстояло отправить на катере в город Ромку и злую, встрепанную Регину, проклиная тот день, когда ей пришло в голову сменить Питер на Кутьевск.

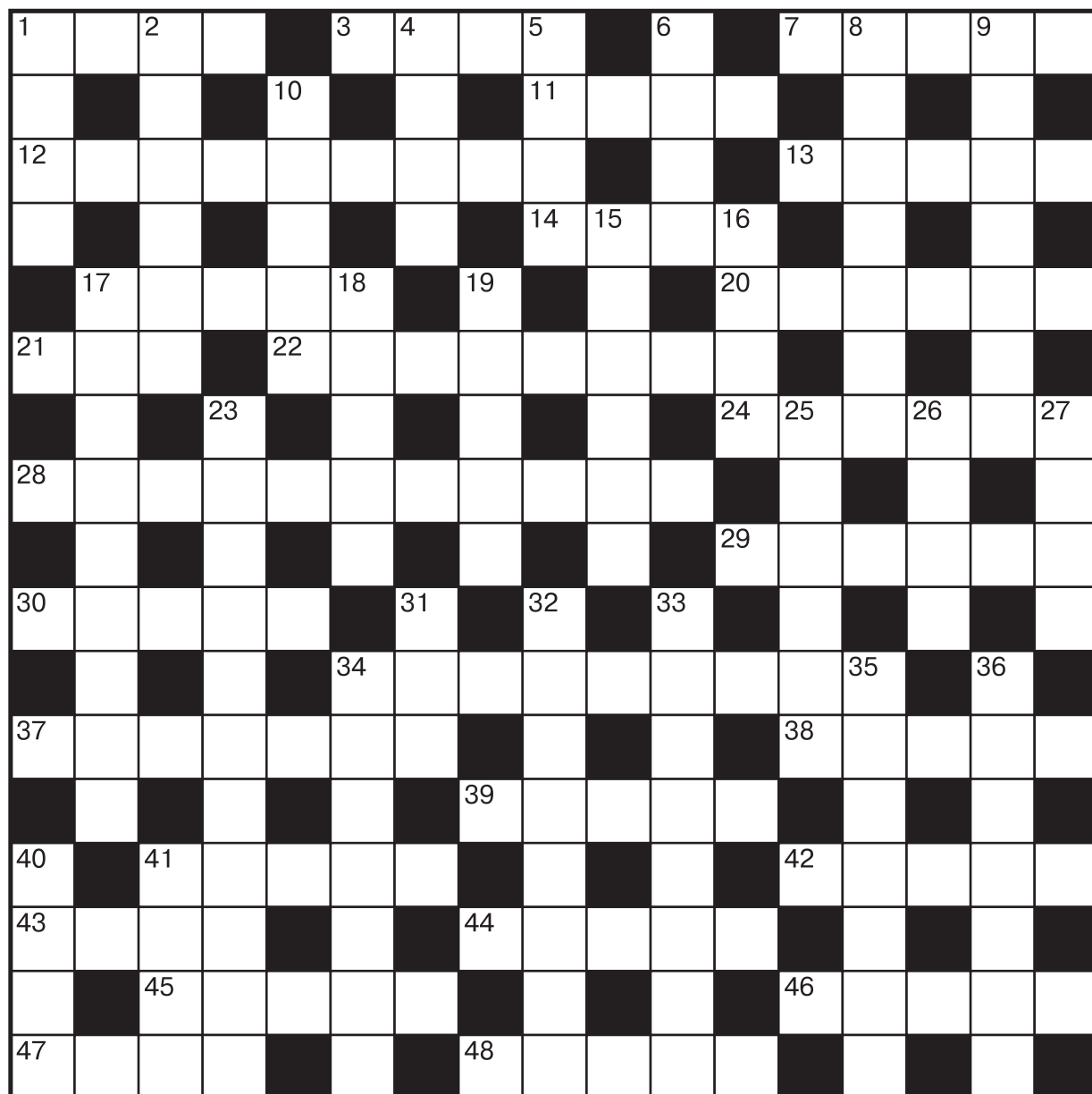
И будет еще обратная дорога и объяснение с родителями Дениса — как он мог позволить их сыну лезть на колокольню и падать с лестницы... Будет много всего.

Навсегда останется тайной, кого Мика видела тогда, в первый вечер у могилы старого охотника Никиты Стрельцова, и видела ли вообще. Останется щемящая грусть от воспоминания о двух голосах, поющих в ночи «Маленький венский вальс», и чувство потери — когда на перроне затеряется в толпе маленькая фигурка с тяжелым этюдником на плече. И останется надежда на то, что расстанутся они всего лишь на два недолгих месяца — чтобы встретится опять в вестибюле привычно галдящей в начале семестра академии.

Но это будет уже совсем другая история.

А пока Арсений Игоревич Кайсаров стоял около заляпанного грязью бульдозера и надеялся, что все самое страшное и странное, случившееся за эти три дня, останется тут — под разбойничьим камнем. □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Портъерая. **3.** Во что превратил свой посох библейский Аарон на глазах у фараона? **7.** Чему посвящен «самый сладкий» из берлинских музеев? **11.** Фрагмент канонады. **12.** Как Анна Ахматова оценила поэму «Оза» Андрея Вознесенского? **13.** Чуть ли не самая легендарная в мире рок-

группа, чей состав менялся пять раз. **14.** Что может потерпеть финансист? **17.** Крылатый будильник. **20.** «Украшение небосклона». **21.** Чьи песни на протяжении полувека подряд достигали вершины Billboard 100? **22.** Где прослушала курс французской литературы Марина Цветаева? **24.** Что добывали в

Рускеальских пещерах для постройки Исаакиевского собора? **28.** Звезда нашего кино, полагавшая, что «девяносто процентов мужчин любят полных женщин и еще десять — очень полных». **29.** Устремленность глаз. **30.** Симбиоз кофе с мороженым. **34.** Восклицательный знак глазами математика. **37.** Патриарх нашего кино, ставший первым мужем очаровательной Натальи Варлей. **38.** Кто предчувствует конец света в «Меланхолии»? **39.** Союз интриганов. **41.** Входная, но не плата. **42.** Какой город Абхазии послужил для съемок фильма «Веселые ребята»? **43.** Штопор замка. **44.** Что бухгалтеры отправили в отставку после изобретения калькулятора? **45.** Храмовое благовоние. **46.** Непруха с точностью до наоборот. **47.** Наряд дирижера. **48.** «Испанские северяне».

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** «Квас под градусом». **2.** Кто из героев американца О. Генри воспринимал каждый доллар в чужом кармане как

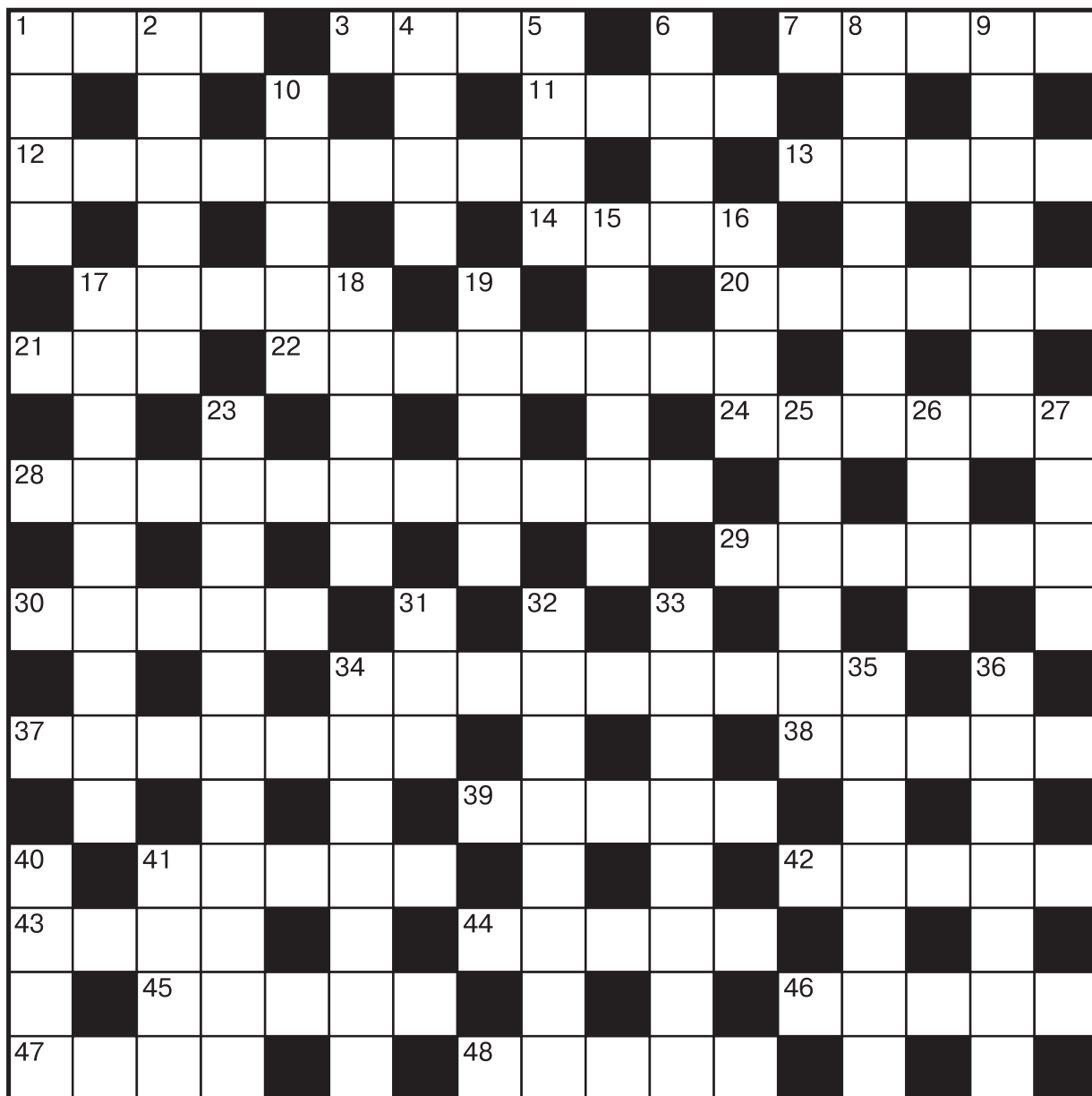
личное оскорбление? **4.** Жертва света. **5.** Что хулигански высунул Альберт Эйнштейн на своем самом знаменитом снимке? **6.** «Крымская жемчужина». **8.** Чей свадебный венец стал созвездием Северная Корона? **9.** Темп для музыкальных лихачей. **10.** Научный переогон. **15.** Кого из классиков французской живописи, уже парализованного накануне смерти, привезли в Лувр ради одной картины? **16.** «Божий ... внутри меня уже со страхом посещаю». **17.** Нефть на латинский лад. **18.** Нос тапира. **19.** Досмотр с понятиями. **23.** «Профессионал удачи». **25.** Семейные проблемы. **26.** Страшный сон для лоцмана. **27.** Повод пригласить повитуху. **31.** Вдова Курта Кобейна. **32.** Временная потеря самого себя. **33.** Волшебный орех из сказки о Щелкунчике. **34.** «Гоночная итальянка». **35.** Любимый цветок голливудской звезды Мерил Стрип. **36.** Не только случайная, но и памятная. **40.** Мебель для скелета. **41.** Кто посадил Эдмона Дантеса в замок Иф?

Ответы на кроссворд, опубликованный в №10

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Спицы. **9.** Ибсен. **10.** Виртуал. **11.** Бисквит. **12.** Гржимек. **13.** Пруст. **14.** Вареник. **15.** Гортань. **18.** Дебри. **19.** Диор. **21.** Виски. **23.** Кузя. **25.** Иглесиас. **26.** Взмах. **27.** Втык. **29.** Осетр. **32.** Военный. **34.** Радио. **36.** Кобра. **37.** Карлсон. **38.** Кадет. **39.** Кусто. **40.** Скипетр. **41.** Улика. **42.** Шторм.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Обертон. **2.** Гериатрия. **4.** Пшик. **5.** Цикламен. **6.** Кит. **7.** Старк. **8.** Фауст. **10.** Видеорегиистратор. **11.** Безнаказанность. **13.** Пий. **16.** Лилия. **17.** Хруст. **20.** Оковы. **21.** Взрыв. **22.** Театр. **24.** Навык. **28.** Коллапс. **30.** Рафаэль. **31.** Пипетка. **33.** Йогурт. **35.** Чайка.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Первый американский президент с автомобилем. **3.** Первая женщина, возглавившая музеи Ватикана. **7.** Ливанский танец с хлопками. **11.** Какому российскому спутнику поставлен памятник в Москве? **12.** Какая актриса сыграла главную роль в первой советской экранизации Уильяма

Шекспира? **13.** Направление в икебанае. **14.** Бог плача у древних греков. **17.** Уведомление о полной готовности судна. **20.** Тропа альпинистов. **21.** Карточный маршал. **22.** Как назвал будущий волейбол его создатель Уильям Морган? **24.** Городок из фэнтези о трех ведьмах. **28.** Установление личности су-

дебным экспертом. **29.** «Ньютон электромагнетизма». **30.** Графская дочь, которой посвящено байроновское «Паломничество Чайльд-Гарольда». **34.** Устройство для считывания кредиток. **37.** Итальянский кофейный напиток. **38.** Гений «живописи цветового поля». **39.** Морской салат. **41.** Зеркало в примерочной комнате. **42.** Судья среди Семи мудрецов Греции. **43.** Кто проиграл Сарданапалу Черноморову свой Амулет Истины? **44.** Порода английских пони. **45.** Льняная ткань на рабочую одежду. **46.** «Шампанская вдовушка». **47.** Хряк иначе. **48.** Косичка неформала.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Самое влиятельное тайное общество Третьего рейха. **2.** Какого папу римского выкопали из могилы ради суда на церковном соборе? **4.** Диснеевский фильм о корпорации ENCOM. **5.** Головной платок палестинок. **6.** Француз, придумавший НДС. **8.** Рядом с каким фортом располагался концентрационный лагерь, куда британцы поместили Льва Троцкого?

9. Самый высокий среди вулканов Индонезии. **10.** Апофеоз поединка борцов. **15.** Кому Нобелевскую премию по физике в больнице вручили? **16.** Рисовый хлеб у японцев. **17.** Член «Опуса Деи», ведущий жизнь, близкую к монашеской. **18.** Жанр сатирических стихотворений из античных времен. **19.** «Дай ему ...! Вспомни, ты попал в колледж по спортивной стипендии!» **23.** Царский конюх. **25.** Развивающая игрушка для самых маленьких. **26.** Какую фигуристку окрестили «Самым прекрасным лицом социализма»? **27.** Единоборство в шлемах. **31.** Напиток из мацони. **32.** Народный театр в Древнем Риме. **33.** Звезда нашего кино, чьей трубке поставлен памятник в Ялте. **34.** Кто стал президентом Аргентины сразу после своего супруга? **35.** «Золотой корень». **36.** «Утонченность» среди достоинств гейши. **40.** Кто дважды женился на актрисе Талуле Райли, но всякий раз брак продолжался не больше года? **41.** Метательная пластина из Малайзии.

Ответы на эрудит, опубликованный в №10

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Хаски. **9.** Транк. **10.** Пайдейя. **11.** Жуколов. **12.** Айдозер. **13.** Флинт. **14.** Куфтерь. **15.** Гекатей. **18.** Бонпо. **19.** Бубу. **21.** Кианг. **23.** Миля. **25.** Аккельте. **26.** Оджас. **27.** Ромм. **29.** Алмас. **32.** Терруар. **34.** Папюс. **36.** Хушпу. **37.** Протеже. **38.** Хмель. **39.** Шедим. **40.** Стокман. **41.** Принт. **42.** Хоран.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Брейкер. **2.** Аннонария. **4.** Амур. **5.** Клобучок. **6.** «Лав». **7.** Адель. **8.** Айона. **10.** Постапокалиптика. **11.** Железнодорожная. **13.** Фра. **16.** Фурье. **17.** Гувер. **20.** «Смарт». **21.** Климт. **22.** Ветап. **24.** Танах. **28.** Мейтаке. **30.** Саймири. **31.** Бюклинг. **33.** Рубедо. **35.** Эрато.

Уважаемые читатели открыта подписка на 1 полугодие 2022 года :

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales-smena@yandex.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 211 рублей 20 копеек	За 1 номер — 239 рублей 80 копеек
За полугодие — 1267 рублей 20 копеек	За полугодие — 1438 рублей 80 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			
Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

На журнал "Смена" открыта подписка на 2022 год во всех отделениях почтовой связи. Оформить подписку можно по следующим подписным индексам:

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ АО «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		П2431 — основной подписной индекс П2446 — льготный подписной индекс П3292 — годовой подписной индекс
---	---	---

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ осуществляется в любом отделении почтовой связи ФГУП «Почта Крыма»

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вся
пресса
в одном
месте!

**ВНИМАНИЕ,
! КОНКУРС !**

Дорогие читатели!

Недавно в редакцию пришло письмо из Новосибирской области от нашей читательницы Клавдии Болдыревой, в котором было одно стихотворение:

*Книга в наш дом возвращается вновь,
К ней никогда не угаснет любовь.
Прежнему уровню будем верны —
Самой читающей в мире страны.*

Эти строки навели нас на мысль объявить в 2021 году
конкурс «Книжка лучше “мышки”?!»

В свое время Максим Горький говорил: «Всем хорошим я обязан книгам». Книга — это некий волшебный мир, в который погружаешься и из которого не хочется уходить... Она помогает жить и сохранять в себе духовное начало, присущее каждому человеку. А вы, друзья, любите читать? Какие авторы и книги вам кажутся наиболее интересными и особенно любимыми? Прививаете ли вы своим детям интерес к чтению — ведь принято считать, что современная молодежь в эпоху «всемирной паутины» полностью погружена в Интернет и свои мобильные телефоны? Из ваших писем станет понятно ваше отношение к классической и современной литературе, наиболее популярной и актуальной на сегодняшний день.

Ваши письма с пометкой «На конкурс» принимаются до 30 октября 2021 года. Итоги, как всегда, будут опубликованы в первых номерах 2022 года, а трое победителей получают премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка
на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем ваших писем.
Удачи, друзья!*

